63.3(2Р-6Ко)
З-32
1183749

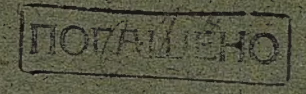
Коми республиканская библиотека ... Ленина
Краеведческий ...

ЗАПИСКИ

Общества изучения Коми Края

Выпуск 5.

Bulletins de la Société Scientifique d'Etude de la Region de Komi

Издание Об-ва изучения Коми края
город Сыктывкар — 1930 год

Биб-ка им. В. Г. Белинского
Академии наук БССР

05
7602 рме дрк
91

2956
63.3 (2Р-6Ко)
З-32

ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

ЗАПИСКИ

Общества изучения Коми Края

Выпуск 5.

1183749

Bulletins de la Société Scientifique d'Etude de la Region de Komi

Коми Республиканская
БИБЛИОТЕКА
имени В. И. ЛЕНИНА

Издание Об-ва изучения Коми края
город Сыктывкар — 1930 год

Биб-ка им. В. Г. Белинского
Академии наук БССР

Отпечатано в типографии
Коми Издательства
в г. Сыктывкаре

Коми облит № 617. Гор. Сыктывкар. Тираж 760 экз.

Юр. Л. Славянский

Графика и физиология звуков современного зырянского языка[1].)

III ГЛАВА.

Ваимоотношение графики и орфоэпии в коми языке. Вопрос о степени фонетической точности алфавита вообще, современного коми алфавита—в частности. Может ли быт абсолютно точным (фонетически) алфавит, графика, орфография? Значение общепринятого, орфографически выдержанного письма.

Взаимоотношение коми и русской звуковых систем. Специфически-коми звуковые особенности.

Мы вновь вплотную подошли к принципиальной важности вопросу об отношении графики к орфоэпии (правильному произношению) вообще, зырянской графики к зырянской орфоэпии—в частности; этот вопрос является лишь углублением другого вопроса—об отношении звуков и букв, речи письменной и речи произносительной.

Из всех приведенных нами примеров, сравнений и характеристик отдельных звуков зырянской речи видно,—насколько неправы те, кто утверждает, будто теперешний зырянский алфавит—один из самых совершенных, будто зырянская система обозначения речевых звуков—одна из самых лучших, „образцовых", и будто содержимого зырянского алфавита (33 букв) вполне достаточно для точного и безошибочного обозначения каждого из звуков коми речи. Неправ и сам „подновитель" зырянской азбуки, В. А. Молодцов, в пылу полемики с проф. А. Н. Греном похваляющийся „Знает ли профессор, что зырянский шрифт „Молодцова"—фонетический и в состонии предотвратить всякую возможность неправильного чтения..." Этого вообще нельзя сказать пока ни об одном из существующих на земном шаре алфавитов: все они в сравнении с произношением несовершенны (одни—как английский, французский, немецкий, русский—в большей, другие—как сербский, хорватский, чешский, итальянский—в меньшей степени), и каждый из них несовершенен по-своему...

---

[1]) см. выпуск IV „Записок" О-ва изучения Коми края.

Все дело в том, что буквы—буквами, а звуки—звуками и остаются и живут своей жизнью, совсем непохожей на жизнь букв, графики, шрифта и орфографии. Известно, что в каждом языке, как живой психо-физической деятельности человека, служащей органом и посредником духовного общения людей, а также неот'емлемым средством и орудием передачи расчлененного (членораздельного) мышления,—различают 2 стороны: 1) **внешнюю** или физическую (материальную); ее составляют речевые звуки,—результат сложной и многообразной артикуляционной работы органов говорильного аппарата; ее изучают физиология звуков и фонетика (весьма важные и наиболее хорошо разработанные отделы лингвистики) вкупе и влюбе с общей анатомией и физиологией человека и с физикой (точнее,—с тем отделом ее, который именуется акустикой, учением о звуке); 2) **внутреннюю** или психическую (духовную); ее образуют значение речевых слов и соответствующих им представлений, как возбудителей, а иногда и причин тех или иных смысловых оттенков слов; ее изучают—так наз. семасиология (или семантика),—пока наименее разработанный отдел лингвистики, рассматривающий значения слов и их составных частей, перемены в значениях и их причины,—и наукой о психических явлениях и законах в жизни человека, психология, много и дельно помогающая семасиологии. (Новейшая отрасль физиологии—так наз. рефлексология, которая во многих пунктах успешно „конкурирует“ с психологией и уже взяла приз на первенство,—в интересующей нас сейчас области пока решительно ничего сколько нибудь ценного не сделала).

Таким образом, мы видим, что в состав **языка, как такового**, буквы, графика и орфография не входят, и это вполне понятно. В самом деле: разве неграмотный человек, не знающий букв, не умеющий ни писать, ни читать, но пользующийся (и подчас хорошо и свободно) живым словом,—разве он не владеет языком и не причастен к нему, к его жизни? разве этот, всегда живой язык не живет и в его устах? Двух ответов на эти вопросы быть не может: графика и орфография для языка, а не язык для графики и орфографии.

Ясно одно: способ написания слов, общепринятый наукой и подчиненный общеобязательным орфографическим правилам, во все времена, во всех языках и у всех народов был и есть более

или менее искуственен, условен (вспомните недавнюю судьбу русских букв: ять, і, „твердого знака“, фиты и ижицы,—букв, теперь получивших отставку без мундира). Почему? Потому, что этот способ—сколь бы ни величали его правильным, образцовым, фонетическим, могущим „предотвратить“ всякую возможность неправильного чтения“... и т. п.—передает на письме живую, разговорную речь не точно, а лишь приблизительно; потому, что звуков в речи гораздо больше, чем букв в азбуке; потому, что никакой, даже самый „фонетический“ способ написания слов не отражает и не может точно отражать ни многочисленных и подчас едва уловимых звуковых изменений языка во времени, ни диалектических местных особенностей и тонкостей живой, разговорной речи. И графика, и орфография, живя своей, большей частью закосневшей, консервативной жизнью, всегда и везде отставали и отстают от жизни, роста, обновлений и видоизменений языка, законы которого совершенно отличны и даже несоизмеримы с законами графики и орфографии. „Правописание—это костюм, в котором является язык, и он может быть удобным и неудобным; но всегда нужно помнить, что это—внешность, от изменения которой не меняется язык. Знание букв не дает знания звуков. В любом письме... одною и тою же буквой могут передаваться разные звуки, и, наоборот, один и тот же звук может передаваться разными буквами; наконец, известные сочетания звуков могут передаваться настолько условно, что не дают никаких указаний на входящие в их состав звуки“... (Проф. Д. Н. Ушаков, op. cit., стр. 9 и 39).

Вот почему в науке о языке давно уже стали **общими** места, где говорится, что вообще-то не было, нет и не может быть такой системы букв, такой азбуки, которая посмела бы претендовать на исчерпывающую полноту и точность в письменном обозначении всех звуков, слышимых в живом, разговорном языке, со всеми скользящими переходами одного из них в другой, другого в третий... и со всеми их разновидностями в произношении отдельных лиц, как речевых индивидумов. Надо твердо запомнить, что очень часто мы говорим так, а пишем иначе, говорим не то, что пишем, а пишем не то, что говорим; надо хорошенько усвоить, что живой, разговорный язык—особь статья, а орфографические правила и порядок расстановки букв на письме—особь статья; надо как следует понять, что очень часто (не всегда!) написанное представляет нашему

взору и сознанию лишь оболочку, форму далекого исторического прошлого в языке, а нам нужно назвать эту оболочку, переданную нам по традиции, по-современному, т.-е. произнести слово совсем не так, как его произносили когда-то; надо, наконец, обратить внимание на то, что и теперь, пиша по **современным** правилам орфографии **современные** нам слова в их **современном** языковом состоянии, мы все-таки слишком далеки от фонетической точности, т. к. произносим эти слова подчас совсем не так, как обозначаем их на письме средствами **исторически** сложившейся графики.

Впрочем, если бы мы стали строго требовать от графики и правописания точной фонетической передачи звуков в живой речи в ее прошлом и настоящем,—то мы совершили бы двойную ошибку: во-первых, мы погрешили бы против истории языка, как науки, которая изучает преемствеино, хронологически сменяющиеся моменты в явлениях звуковой жизни; а ни одна из эпох в истории языка не ведала **абсолютно-совершенной** графики и орфографики, **абсолютно-точной** передачи и фиксации произносимых слов; во-вторых, мы лишили бы орфографию ее существеннейшего и характернейшего признака, conditio sine gva non ее бытия,—мы говорим об ее однообразии и устойчивости, консервативности (не в дурном смысле этого слова), сохранности; а потеряв эту устойчивость, это общепринятое лучшими писателями и образованными людьми однообразие свое, орфография перестала бы быть тем, чем она была до сих пор, является теперь и должно быть всегда,—проводником, двигателем и об единителем государственной и культурной жизни и труда народа в литературе и в литературном языке.

Но, говоря об этой устойчивости, об этом однообразии орфографии и графики, и подчеркивая это однообразие в его сравнении со звуками живой, разговорной речи, мы слишком далеки от того, чтобы защищать исключительно исторические, традиционные графические системы, в роде английской, французской, отчасти и немецкой,—где часто 8 букв в слове обозначают два-три звука, где один и тот же звук очень часто обозначается совершенно разными буквами (вспомните хотя бы совершенно различные по смыслу и по буквенному составу, но одинаково звучащие французские слова: cent, sang, sans, sens, sent, s'en... или ciug, saint, ceint, seing, sein, sain... *) где—по пословице—пишется Бирон (Byron), а читается Байрон; где, по словам знаменитого английского восто-

*) Примеры берсм у Грота, op cit, т II стр. 200 203

коведа Вилл. Джонса, „несовершенство (английского) письма доходит до безобразия и почти до смешного..." [1]) а по словам французского философа-позитивиста и лексиколога Эм. Литтре, „письмо и произношение (у французов)—две силы, которые **постоянно** борются между собою..."[2]).

Нет; от поры до времени,—когда расхождение живого, постепенно и медленно, но неукоснительно и верно изменяющегося произносительного языка с языком письменным, орфографическим станет слишком заметным и резким,—необходима, разумеется, частичная реформа графики и орфографии (вспомните реформу сербской азбуки, произведенную во II пол. 19 века знаменитым Вуком Караджичем; вспомните реформу русской орфографии в 1917 г.). Правду говорит акад. Я. К. Грот: „Правописание, как и всякое другое проявление умственной жизни, не остается неподвижным: оно развивается постоянно, хотя и медленно, но не по какой-либо **заранее определенной теории**, а под влиянием множества одновременно и последовательно действующих обстоятельств, пока, наконец, надолго установится обычай, обращающийся в закон... Такое установление орфографии совершается особенно путем **литературы** и **школы** после появления **словаря** и **грамматики**. Дальнейший ход дела главным образом, зависит от развития науки слова; но и ее двигатели могут улучшать правописание только тогда, когда в общем его характере соображаются с обычаем, довольствуясь **постепенными** и **не слишком крутыми** преобразованиями... Для массы всего обязательнее привычка; затем новизна, почему либо кажущаяся удачною или отвечающая современному настроению, прививается легче, нежели нововведение, хотя и основательное, но требующее серьезного соображения.

„Тот, кто возьмется исправить правописание какого-нибудь народа", говорит датчанин Н. М. Петерсен, „и при этом пойдет против течения, может на вечные времена ожидать лишь неблагодарности". Таким-то образом, мы почти нигде не находим одной **правильно** и **последовательно** развившейся системы правописания... [3])

---

[1]) Сн. у Грота. op. cit, m II стр. 194.

[2]) Сн. у Грота, т. II, стр. 197.

[3]) Op. cit, т. II, стр. 213—214.—Курсив мой. Юр. С.

Теперь мы позволим себе, хотя бы коротенько, остановиться на вопросе о степени совершенства и законченности теперешней графической системы коми языка.—Часто приходится сталкиваться с устным и печатным утверждением, что в современном зырянском языке все слова и составляющие их буквы читаются точь в точь так, как написаны, что в нем, другими словами говоря, строго проведен фонетический (звуковой) принцип. [1]) Справедливо ли такое утверждение? Нам думается, что после всего сказанного о сущности, характере и общей эволюции всякой графики и орфографии (в их сравнении с живым, произносительным языком) вопрос о зырянской письменной речи уже предрешается, ибо ни один язык не жил и не живет исключительно ему одному присущими законами, а необходимо подчиняется и некоторым обще-лингвистическим принципам и устоям.

Неточность (с точки зрения **строго фонетической**) зырянской графики сказывается во многом: 1) в том, что для „мягких" согласных **б,' в,' г,' к,'** м,' **п,' р'** (а они безусловно „мягки" в некоторых чисто-зырянских словах, а также в словах заимствованных, но „озыряненных", примеры см. выше) нет особых, отдельных знаков—букв; 2) в том, что до сих пор русские и иностранные слова с буквами **ф, х,** и **ц** пишутся трояко: а) то стараются совсем обойтись без них, заменяя их соответственно буквами **п, к** и **тс** [2]), т. к. звуки, обозначаемые приведенными русскими буквами, чужды коми языковому составу, его звуковой системе (срв. в финском языке, где совершенно нет звуков **ж, х, ц, ч, ш, щ, ы** и букв для них); б) то последовательно заменяют буквами **тс** лишь русскую букву **ц**, а буквы **ф** и **х** свободно употребляют—в особенности, в заимствованных словах (вспомните, приведенные в начале статьи примеры). Спрашивается, как же быть с этими 2 буквами, столь нужными при передаче некоторых „озыряненных" русских и иностранных слов? ввести ли их в зырянский алфавит? А если ввести их, то придется (фонетической точности ради) ввести и 2 разновидности их—для обозначения и „мягкости" звуков, соответствующих каждой из них. Стало быть, это одно даст увеличение количества букв коми азбу-

---

1) См. напр., „Самоучитель..." М. А. Молодцовой, стр. 5.

2) Так поступали и Г. С. Лыткин, и Н. П. Попов, и Ф. И. Видеманн, и Фукс, и А. М. Шегрен и др. зыряноведы.

ки на 4. в) Сам „подновитель“ зырянской системы графики, В. А. Молодцов в своей книге [1] „Некоторые принципы зырянского правописания“ склонен, по видимому, встать на свою (по нашему счету, третью) позицию в этом вопросе: он согласен допустить употребление букв **ф** и **х** и сам их употребляет в своей книге—напр., в словах: „фонеҭіка“, „суффікс“, „морфема“, „графема“, „фонема“, „ԁіфферентсіатсіја“ „ҭељеграф“, „морфологіја“, „формаљ“, „фріката“, „топографіја“, „ԁефіс“, „орфографіја“, „клаςςіфікатсіја“, хрестомаҭіја“... (См. стр. 8, 32, 33, 45, 63, 84, 85 и 86 его книги, а также стр. 148—151 его „Комі грамматіка“... 1921 г.),—но подчеркивает, что эти и подобные этим слова „по своему звуковому составу уже **мало пригодны для письма в массовом масштабе**“ (стр. 8.—Курсив мой, Юр. С.),—очевидно, желая этим сказать, что эти и подобные слова широким массам коми народа неизвестны... Но почему же в таком случае В. А. Молодцов не ввел эти 2 буквы в состав „своей“ азбуки? или он для широких масс держит наготове одну азбуку, а для себя и для образованных людей имеет в запасе другую—более „полную“ и „лучшую“? Не странно ли это: ну, а если кто—нибудь из широких зырянских масс поступит в зырянскую школу, будет учиться читать, совершенно не видя и не зная звукового значения букв **ф** и **х**, получит образование, разгорится любознательностью и нападет как—нибудь на книгу... ну, хоть самого Молодцова: „О фонемах коми языка“. Спрашивается,—как же он будет читать только что приведенные нами слова, в этой книге рассыпанные в изобилии? [2]) Ведь поистине странно видеть в слове пять-шесть „родных“ зырянских букв и „торчащую“ среди них одну-другую букву, которой совершенно не знаешь, и которой нет даже в алфавите... Это все равно, что написать и предложить для прочтения русскому человеку, скажем, слова: „суффикс“, „корень“, „рыба“, „человек“, в такой примерно, форме: „suttix“ (или соuффікс), „кочень“, „руба“, „Ϭеловек“ и потом раз‘яснять, что f—это русское **ф**, **х**—это русское **кс**, **оu**—это русское **у**, **ч**—это русское **р**, **у**—это русское **ы**, **è**—русское **ч**... Немудрено, что при таких условиях, пожалуй, из грамотного сделаешься неграмотным...

---

1. Кстати сказать,—хорошей по постановке вопроса, но написанной поразительно бестолково и самыми дубовыми стилистическими приемами.

2) Судим о ней, еще неизданной, по выдержкам из нее, приведенным в книге „Некоторые принципы зырянского правописания“ (стр. 84—87).

Неточность коми графики сказывается также 3) в том, что такие довольно широко распространенные речевые явления, как приглушение звонких согласных, озвончение глухих, ассимиляция (уподобление звонких глухим и превращение в глухие, глухих—в звонкие) и т. п.—не находят себе в теперь принятой „образцовой“, „фонетической“, „способной предотвратить всякую возможность неправильного чтения“ системе зырянского письма никакого отображения. Так, напр., слова: татчӧ, ортчӧн, велӧԁчыны (учиться), кызҗык (толще), віԁчӧ (ругается). роч ԃаԃӧ, ԉок гор (плохая каменка), гӧгрӧсҗык (круглее), быдса (целый), мӧс заԁ (коровий зад), курітчыны, развеԁка, скіԁка, ԁружка, поԁраԁщік... и т. д., и т. д. произносятся совсем не так, как пишутся: в них мы имеем налицо „переход“ **д** в **т**, **т** в **ч**, **к** в **г**; **в** в **ф**, **ж** в **ш**, **з** в **с**, **з** в **ж**, **с** в **з** и т. д.—Безусловно, неточна зырянская графика и в передаче звуков таких слов, как лыԃԃыны, коԁԇыны, аԁԇыны, аԍԍӧ, ԁоԃԃа, суԃԃа, зајавԉеԋԋӧ мысыны и др. ; 4) в том, что такое распространенное в речи явление, как „смягчение“ (палатализация) согласных под влиянием последующего гласного, соответствующего русским **я е** ё и **ю**,—обозначается не одинаково, а двояко: а) то постановкой буквы для „мягкого“ согласного (**ԃ**, **ԅ**, **ԉ**, **ԋ**, **ԍ**, **ԏ**)+**а**, **е**, **о**, **у**: ԉагуша, ԉубітны, кԉуч, пашԋа, воԏак, ԅаԏ, ԏеԉега, гаԅет ԉечітны... б) то постановкой буквы для „твердого“ „согласного (**б**, **в**, **г**, **ж**, **к**, **м**, **п**, **р**, **ш**)+ја, је, јо, ју: бјуԁжет, гіјаур, Вјатка, запјатаја, жјурі, знамја, брошјура, Рјазаԋ, ԁе — Мјуссе... 5) в том, что одна и та же буква ј выступает в троякой роли: а) то для обозначения „соответствующего“ ей звука (јај, јеԉԁӧг, јі, јорт, јӧз, јуны, јыв, туј, кајны кујлыны, ԍојны... Матвеј, трамвај, сарај, урожај, војна, зајом, буржуј, автономіја, арміја, грамотнӧј, мај, проԉетарііј, јазва, тӧлкујтны)... (б) то для обозначения „мягкости“ предыдущего согласного (как в только что приведенных словах: бјуԁжет, бјуро, мјаԍԋік, памјаԏԋік... (;в) то в роли разделительного знака (русского Ъ и **Ь**) в середине слов: ԍемја (семья), курјер (курьер), сырјо (сырье) пјеса (пьеса), матерјал (матерьял), Марја (Марья), објавԉеԋԋӧ (об‘явление) и т п., а также: кӧкјамыс, пышјыны, коԁјыны, чужјавны и под.

Таковые основные сображения, которые заставляют нас решительным образом отмежеваться от тех, кто готов смотреть на теперешний коми алфавит и графику, как на что-то в роде новоот-

крытой Америки или как на фонетического „совершенства образец"... Никакой Америки здесь нет, как нет и образцового фонетического совершенства, „способного предотвратить всякую возможность неправильного чтения": азбука, как и всякая другая; графика, как графика,—есть в той и другой и достоинства, и чисто практические (типографские и письменные) удобства в деле передачи звуков живой речи, и в деле усвоения отдельных букв,—но есть и крупные, существенные недостатки, которые свидетельствуют о том, насколько неправы те, что увлекаются превозношением теперешней зырянской системы письма, отстаивая якобы строго—фонетический характер ее.

Меж тем, с этой последней, фонетической т. зр. безусловное предпочтение перед утвержденной системой коми письма следует отдать, напр., сербской и хорватской системам, которые провели в жизнь своей грамоты фонетический принцип почти полностью (отобразив при ее посредстве и приглушение звонких согласных, и ассимиляцию, и „мягкость" всех согласных и т. п.), и, сколько известно, теперь **пока** [1]) почили на лаврах своей счастливой (по-своему!) орфографии,—хотя и „систематически так исказили множество звуков, что в их словах трудно и узнать первоначальную форму... то же искажение перенесено и в правописание..." [2])

При всем том мы слишком далеки и от другого, крайнего, диаметрально-противоположного „Молодцовскому" мнения о теперешней коми графике и азбуке,—будто эта азбука никуда не годится, и будто хуже этого шрифта ничего и придумать нельзя...

Не согласны мы и с теми, кто является сторонником русского шрифта для коми—без каких-либо существенных дополнений и

---

1) Говорим „**пока**", т. к. убеждены в том, что только при самом изобретении знаков—букв для передачи звуков какого бы то ни было языка каждому отдельному звуку речи соответствует особый знак (стало быть, количество букв совпадает с количеством основных звуков), и каждая буква обозначает только один определенный звук, а не два и не три. (Эти два условия, как известно, считаются основными требованиями, пред'являемыми ко всякой так наз. идеальной азбуке). С течением же времени, по мере развития, изменений и переходов речевых звуков буквы, как условные и случайные знаки их, неизбежно „удаляются" от них, и азбука вновь требует исправлений и подновлений, если не переделки... Это убеждение наше подкрепляется многочисленными данными по истории письменности у разных народов.

2) Акад. Я. К. Грот, oq. cit., том. II стр. 221.

изменений ее. Звуковые системы зырянского и русского языков нельзя считать вполне тождественными; стало быть, не должны быть такими же и их системы письма, или графического обозначения звуков... Г. С. Лыткин был вполне прав, когда писал: „Русский алфавит без изменений и дополнительных знаков, безусловно, непригоден для зырянского языка...“ Op. cit., отд. II, стр. 227, статья: „По вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте“.) Недаром и В. А. Молодцов писал когда-то в защиту своего шрифта: „Если около этого шрифта поднялась шумиха, то только по наивному мнению лиц, которые наивно хотят иметь полное соответствие между русским и зырянским письмом. Это—заблуждение, вызванное наивным незнанием того, что для двук языков с разной звуковой системой этого достичь нельзя“... (См. его рецензию на статью проф. А. Н. Грена: „К вопросу о применении латинского алфавита...“—в журнале „Комі му“ 1924 г., № 7—10, стр. 155).

Мы подошли к вопросу о взаимоотношении зырянской и русской звуковых систем.—Есть ли что-либо общее в звуковых системах этих двух языков, принадлежащих к разным языковым семьям? или же эти звуковые системы настолько различны, что их нельзя совсем и сближать и сравнивать?... Некоторые исследователи—напр., В. А. Молодцов и Н. А. Шахов—склонны к утверждению, что русский и зырянский языки—в отношении звуковом несоизмеримы, что у них совершенно различные звуковые системы, что, напр., в русском языке гласные е и і (и) „смягчают“ предыдущий согласный, а в зырянском языке этого не наблюдается; в русском языке нет самостоятельных „мягких“ согласных, а в зырянском языке есть; в русском языке j (й), входящий в состав звуков, обозначаемых буквами я, ю, е, е, всегда „смягчает“ предыдущий согласный, а в зырянском языке—„не смягчает“ никогда; в русском языке совершенно нет звуков, которые хотя бы отчасти походили на те, что в современной зырянской графике обозначаются буквами ӡ, җ, щ, ӧ (некоторые присоединяют сюда также зырянские ы, ɢ и ъ) и т. п.[1])

Мы не разделяем подобного взгляда, находя его и не точным, и преувеличенно-крайним. Все наше предыдущее изложение физиологии звуков зырянской речи подтверждает наш вывод по отноше-

---

1) См., напр., статью Н. А. Шахова, „Зырянский алфавит“—в газ. „Jyгыd туj“ 1923 г., № 92 (632), стр. 3; В. А. Молодцова только что названную статью, стр. 155.

нию к коми звуковой системе. Мы имели возможность на различных примерах, физиологических характеристиках, аналогиях и сближениях убедиться, что звуки, обозначаемые зырянскими буквами: **а, б, в, г, ԁ, е, ж, з, і, j, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч** и **ш** (22)—это составляет почти 67% общего количества букв зырянской азбуки—решительно ничем физиологически и акустически не отличаются от соответствующих им русских звуков. Что касается зырянских звуков, обозначаемых остальными 11 буквами: **ö, ы, җ, ԇ, ԃ, ԅ, ԉ, ԋ, ԍ, ԏ, щ**—то о специфических их особенностях (артикуляционных и акустических) в роде близкого родства **і** и **ы**, шепелявости **ԍ** и **ԅ**, характерной аффрикативности, **ԇ, җ** и **щ**, своеобразной „мягкости" **ԃ, ԏ, ԋ, ԉ** и „смешанного" характера гласного **ö** (под ударением и без ударения)—мы также в своем месте сказали, и—что особенно важно отметить сейчас—**всем** этим зырянским звуковым явлениям мы нашли или **тождественные** с ними или весьма **близко примыкающие** к ним, или **подобные** им звуковые явления в **русской** речи (если не в **литературной** то в **диалектической**: северно-великорусской, южно-великорусской, белорусской, украинской и т. д.—включительно до шепелявости **индивидуальной** русской речи); и все это мы намеренно скрепили соответствующими примерами. Это и дает нам право говорить о наличии довольно большой близости между русской и зырянской звуковыми системами.

Несколько неточными являются уверения Н. А. Шахова (в только что указанной статье), что в русском языке нет самостоятельных „мягких" согласных (а в зырянском есть), что русские гласные **е** и **і** (и) „смягчают" предыдущий согласный, а в зырянском языке этого не наблюдается (сöліс, шонԁі, сеһі, воԁіс, коԁі... звучат почти как сöлыс, шонԁы, сены, воԁыс, коԁы...[1]). В **совре-**

[1]) Всп. всегдашнее написание „шонԁы", „сыö „сыԁԅ"(тепереш. сіԇ); асык (теперешн. асік), „тасты" (теперешн. таԍті) и под. у Г. С. Лыткина; у И. Вахманна же—kiz (тепер. кыԅ), komin (тепер комын), veskld (тепер. веԍкыԁ), sodtini (тепер. соԁтыны)... Срв. также временные колебания в орфографии таких слов, как: тöваріш (тöварыш), мужік (мужык), аршіԋ (аршын—у В. А. Молодцова, „Комі грамматіка"..., стр. 107,110 и др.) (jамщік (jамшык,) курітчыны (курітчіны) и под. (всп. Г. С. Лыткина öшын—тепер. öшіԋ)... Колебание это вызвано именно тем, что согласный, предшествующий обычно „смягчающему" гласному і, выговаривается не „мягко", а „твердо". Срв. в украин. речи потерю резкой-акустической разницы между **ы** и **и**; здесь слышится какой-то новый звук, представляющий собою

менном русском языке **есть** и самостоятельные „мягкие" согласные (как есть они и в языке зырянском): такими являются, во-первых, **б,' в,' д,' з,' л,' м,' н,' п,' р,' с,' т'** и **ф'** в их положении в конце слов (прорубь, голубь, дробь, ветвь, морковь, вкривь, лошадь, заводь, кладь, связь, грязь коновязь, эмаль, постель, дуэль, наземь, озимь, семь, корень, плетень, тюлень, топь, сыпь, корь, хворь, дурь, авось, небось, брось, ходить, молить, просить...[1]), а также в середине перед орфографич. **ь** (семья, статья, свинья, снадобье коровья, просьба, свадьба, женитьба, стулья, хлопья, нельзя, польза, тюрьма, борьба, спесья, пятьсот, скуфья...) и в других положениях (церковь, ветвь, дверь, двести, известь, праздник, казнь, кончик, выклянчить, женщина, интерес, романчик, четверть, скатерть, смерть, честь...).

Что во всех этих случаях мы имеем действительно самостоятельные „мягкие" согласные звуки, а не слияние „твердого" звука со следующим за ним **і** (**и**) или j (всегда „смягчающим" предыдущий согласный),—это великолепно было раз'яснено еще акад. Я. К. Гротом, возражавшим по этому вопросу проф. Э. Брюкке, проф. Э. Сиверсу, проф. А. Лескину, проф. А. Шлейхеру, проф. акад. А. Х. Востокову и др.. Вот выводы, к которым пришел Я. К. Грот.: 1) наши **ль, нь** и др. подобные—простые, „одинокие", самостоятельные звуки, а не представляют собой слияние „твердых" **л, н** и др. с последующим за ними звуком, средним между **і** и j, —как это имеет место при так наз. **мульировании** (нем. Mouillirung, от франц. 1 mouillè) звуков в языках романских (напр., во франц. в словах: cueillir,cuiller, village, vitrail..., а также campagne,

---

нечто среднее между **ы** и **и**. Вместе с этим теряется и „смягчающее" влияние звука **й** на предыдущий согласный. Специалисты—исследователи замечают, что даже для природных украинцев иногда бывает затруднительно **точно** разграничивать в таких случаях звуковые оттенки.

1) Правда все слова с орфографич. окончаниями на **бь, вь, дь,** и **зь,** произносимые изолированно, а также в связной речи (не всегда), превращают эти окончания соответственно в **п, ф, т,** и **с** (срв, произношение и написание таких выражений, как напр.: голубь пестрый; кровь стекала медленно; лошадь моя здесь ; связь преступная; сквозь волнистые туманы; оставь рыбака; оставь угрозы, мразь несчастная.), но бывают и такие положения этих слов в связной речи, когда их орфоэпия совпадает с орфографией) напр. дробь была крупная; ведь знаешь его; лебедь диковинный; кровь братская; сквозь землю не видно; сквозь зипун продувает.). Эти случаи мы и имеем сейчас в виду.

vigne, cygogne, baigner, de-vigny...) Мульированные звуки, обозначаемые посредством l или ll с предшествующими гласными или посредством сочетания gn перед гласным, оказываются сложными; это — не что иное, как l и n с непосредственно следующим за ним j т. е. ail, ill, eill и под.=lj; gne gny и под.=nj; 2) превратно мнение, будто русские „мягкие" согласные, обозначаемые **бь, вь, гь,** и т. п.— являются „мульированными" звуками (как полагал Э. Брукке) или „согласными дифтонгами" (как утверждал А. Шлейхер); неверно и проф. А. Лескин, смешивая **ь** с j, заявляет, будто русские **ль, рь, нь,** и т. п. пишутся вместо лjь,, рjь, нjь и под. Дело в том, что такие слова, как напр., голубь, червь, лебедь, грязь гость... вовсе не имеют j в конце, ибо иначе предшествующие **ью** (ерю) согласные **б, в, д, з, т,** непременно, „смягчились" бы (по известному фонетическому закону) в **бл, вл, ж** или **жд, ч или щ,**—как это действительно произошло в таких, напр., словах, как корабль, журавль, ложь, вождь клич, плащ... В первом ряду слов, напротив, не видно ничего подобного, н нельзя не признать мнение о присутствии в этих словах j лишенным основания. Только при переходе одного звука в другой можно сказать, что ему предшествовало то, что немцы называют Mouillirung. Что касается начертания jь вместо **ь,** то оно представляет еще и тот абсурд, что если в самом деле **ь** значит jь, то произойдут следующее, до бесконечности простирающиеся формулы: конь=конjь=конjjь=конjjjь и т. д. 1)

1) См. акад. Я. К. Грота, том I стр. 344, 345 и 475; том. II, 23 и 123. Срв. также пространные и обстоятельные рассуждения Грота о самостоятельных „мягких" согласных в русском языке—на стр. 324-328 тома I-го.

Мы вполне разделяем точку зрения акад. Я. К. Горта,—кстати сказать, впоследствии подкрепленную и еще более обоснованную акад. О. Н. Бетлингом и известным физиологом речи Б. Киттерманом (см. его ценную статью: „К вопросу о палатализации звуков русского языка"—в „Журнале Министерства Народного Просвещения" 1903 г. № 2.

Для доказательства защищаемого здесь взгляда можно воспользоваться следующим интересным способом, предлагаемым Киттерманом: если произносить протяжно конечный звук в слове „конь" и, поместив ладонь руки под ноздрями, наблюдать, откуда выходит воздух, то легко заметить что выдыхание происходит через носовую полость, как и при „твердом" н Между тем, если бы „мягкое" н представляло собою соединение „твердого" н с j-том (т. е. нj), то протягивание j-та вполне могло бы быть произведено и с зажатыми ноздрями, т. к. воздух пошел бы уже через ртовую полость. При произнесении „мягкого" н этого зделать нельзя.

Стало быть, н есть самостоятельный „мягкий" звук, а не сочетание н с последующим j.

Во вторых самостоятельными „мягкими“ согласными в современном русском литературном языке всегда являются **ч**, **щ** и **й**: час, чист, человек, чего чай; щенок, щи, щавель, щедрый; яма (=йама), яблоко; якорь; мой, твой, свой, сарай, урожай...

Итак, в современном русском языке есть и самостоятельные „мягкие“ согласные, как есть и „мягкие“ согласные, обязанные своим существованием влиянию j или **і** (**и**).

Что касается заявления Н. А. Шахова о том, что в то время как в русском языке гласные **е** и **і** (**и**) „смягчают“ предыдущий согласный звук, а в зырянском языке этого „не наблюдается“,—то и это мнение не совсем основательно. Относительно русского языка, впрочем, говорить много не приходится: в нем звук, обозначаемый буквой **е** (=jэ), всегда „смягчает“ предыдущий согласный (белый, вера, герб, дело, зелень, кедр, лебедь, мел, нет, петь, резь, сечь течь, ферма. похерить, идея, тема, комплекс, прогресс...),—кроме тех 3 согласных **ж**, **ш**, **ц**, которые будучи всегда „твердыми“ (в современном русском литературном языке), не „поддаются“ и на сей раз смягчению (жертва, жесть; шесть, шельма; цех, процессия...)

Звук же, обозначаемый буквой **и** в середине или конце русского слова, также почти всегда „смягчает“ предыдущий согласный (бить, велика, гибель, дикарь, зима, кильки, лист, миска, низко. пир, рис, синие, тихо, финтить, хитрить...),—кроме 3 случаев: 1) когда звуку **и** предшествует всегда „твердый“ **ж**, **щ**, или **ц**, тогда **и** звучит, как **ы** (жизнь, жито, ужин; шило, шить фашизм; циркуль, дикция, цикорий...); 2) когда звуку **и** предшествует **г**, **к** или **х** в окончании инфинитива (неопределенной глагольной формы) многократного вида или в окончании именительного падежа ед. числа, муж. рода прилагательного полной формы (**—гий, кий,** или **хий**),—звук **и** также превращается в звук, близкий к **ы**, и не „смягчает“ предыдущего согласного (вздрагивать, подмигивать, стаскивать, поддакивать, попискивать. застегивать, вспархивать помахивать... строгий, убогий, отлогий; крепкий, стойкий, высокий, тихий, ветхий...),—3) когда в связаной речи одно слово оканчивается на „твердый“ согласный звук, а непосредственно следующее и вместе произносимое с первым слово начинается с **и**, то „смягчения“ также не наблюдается, и звук и звучит близко к звуку **ы** (срв. в зырянском языке в словах: тасті, kodі cijö, шondі и под. **і** звучить почти, как **ы**, не смягчающее, предыдущего согласного; вот почему

Г. С. Лыткин и писал: тасты, шонды, коды, јоды, лудык, сьӧ и т. п.): с Ириной, от избытка, без исхода, в изгибе, к избе, стоп и баста, трепет и слезы, смех и грех...

В зырянской речи **і** и **е** также „смягчают" предыдущий согласный, но далеко не всегда; и это справедливо по отношению как чисто-зырянским, так и к „озыряненным" словам. Примеры см. выше, в гл. II (подробная артикуляционная характеристика основных коми звуков). „Мягкость" предшествующего звукам **і** и **е** согласного в коми графике обозначается не всегда. (Об общем своеобразном акустическом характере зырянской „мягкости" согласных—в сравнении ее с русской—скажем несколько ниже).

Что касается утверждения, будто в зырянском языке, в отличие от языка русского, согласный ј не обладает способностью „смягчать" предыдущий согласный,—то оно и грешит безусловной неточностью. Мы уже видели, что в некоторых случаях—примеры см. выше—ј именно „смягчает" (хоть и нестоль резко, как в русском языке) предыдущий согласный. Вместе с тем мы подчеркнули, что в исконно-зырянских словах ј такого влияния на предшествующий ему согласный звук обычно не оказывает: щыгјалӧм (голод) југјавны (блестеть), пышјыны (удирать), гӯдјыны (копать), рытја (вечерний), гозја (парный), торјӧн (отдельно). В качестве паралелли к этому мы можем указать в русском языке случаи появления разделительного знака ъ (ера, „твердого знака",) в середине слов: об'явить, под'яремный, под'ем, об ехать, ад'юнкт, с,юлить, ад'ютант.., Здесь ј, входящий в состав **я** (=ја), ё (=јӧ), **ю** (=ју), **е** (=јэ), также не „смягчает" предыдущего согласного. „Смягчение" же согласных посредством ј-та состоит, по справедливому замечанию акад.—лингвиста О. Н. Бетлинга, не просто в соединении согласного с звуком ј, а в полном слиянии обоих звуков, так что слышится простой самостоятельный палатальный („мягкий") согласный звук 1) „Смягчающее" влияние ј на предыдущий согласный было тщательно прослежено в различных языковых семьях еще знаменитым немецким филологом А Шлейхером, и названо им зетацизмом Zetacismus (2).

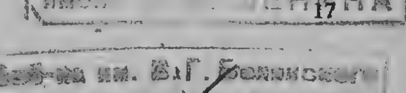
При всем том **общий** физиологический и акустический характер коми системы речевых звуков, ее **артикуляционной базы** (термин проф. А. И. Томсона), т. е. совокупность общих физиоло-

1) См. Грота, т. II, стр. 71.
2) См. Грота, т. II, стр. 30; т. I, стр. 345.

1183749

Коми Республиканская Библиотека имени Ленина

гических условий и особенностей в артикуляциях говорильного аппарата,—разумеется, не тождественен с характером звуковой системы русского языка, не покрывается последнею, а отличается некоторыми, ему одному присущими особенностями, что и придают ему своеобразный звуковой отпечаток и позволяют сразу определить, что перед нами—отдельный, самостоятельный язык отдельного народа. Такими **специфически-зырянскими** особенностями, на наш взгляд, является [1]): 1) наличие характерного звука, обозначаемого буквой ӧ, и слышащегося в зырянской речи довольно часто (в избранной нами первой сотне слов с 649 звуками звук ӧ встречается 52 раза, что составляет 8% общего количества звуков; во второй сотне слов с 655 звуками звук ӧ встречается 59 раз—9%; в третьей сотне слов с 700 звуками звук ӧ встречается 54 раза—7,71—. Беря средне-арифметическое, получаем для ӧ—8,24%); 2) довольно частая слышимость взрывных слитных (аффрикативных) звуков, обозначаемых буквами ԫ, ԏ и щ, также весьма характерных для зырянской речи; 3) наличие характерной шепелеватости звуков, обозначаемых буквами ԅ и ԍ, и также придающих зырянской речи своеобразный звуковой нюанс—в ущерб ее музыкальности (в нашей первой сотне слов шепелеватых звуков оказалось: 23 ԍ и ни одного ԅ; во второй сотне—9 ԍ и один ԅ; в третьей сотне—22 ԍ и 2 ԅ. Как видим, шепелеватое ԍ в среднем в зырянской речи слышится гораздо чаще, чем ԅ); 4) более частая, чем в языке русском, слышимость в зырянской речи так наз. **фаукальных** звуков (латин. faux с. fauces зёв; отсюда прилагательное faucalis; соответствующий термин немецких физиологов—Nasenstosslaute), получающихся при сочетаниях звуков взрывных—губных и переднеязычных (б, п, ԁ, т, ԃ, т) с непосредственно следующими за ними губными же или переднеязычными „носовыми" сонорами (м, н, ԋ),—т. е. при сочетаниях **тн, ԁн, тн, ԏԋ, ԁԋ, ԃԋ, ԏԋ, пм, бм, бн, пн, бԋ, пԋ**... При изглашении эти звуковые сочетания производят взрыв не в полости рта, а в полости зёва. Физиологической причиной этого является опущение нёбной занавестки (конечного отростка мягкого неба) и, как естественный результат этого, разобщение полости рта с полостью носа и зёва, которые остаются сообщенными. Вследствие такой особенности по месту взрыва

1) Отмечаем здесь лишь **важнейшие** из этих особенностей и учитываем не только звуко-произносительную, но и графическую сторону коми речи.

фаукальные звуки получают особую, характерную окраску. Особенно часто в зырянской речи слышатся сочетания **dн** и **тн**: при их артикуляции (фаукальной) взрыв происходит **до** перехода выдыхаемой струи воздуха в полость носа непосредственно после **d** или т, т. е. между **d** или **т** и следующим н,—причем, в силу физиологической необходимости и как неизбежный спутник, облегчающий переход ртовой артикуляции в артикуляцию носовую, появляется характерный промежуточный, скользящий, переходный звук i(нем. Dleitlaut, od. Uebergangslaut, англ. glide, франц. son transtoire) неполного образования, в лингвистических трудах обычно обозначаемый греч. буквой **а** (или ъ, или **ы**). 1) (В русском языке фаукальные звуки—сравнительно редкое явление). Вот несколько примеров: сетны, кывтны, нуöфны, öлödны, жугödны, петны, bidны, сорнiтны, чукöртны, вотны, мавтны, кутны, piнoвтны, сотны, чотны, бöрdны, увтны, бостны... прiјатнö, бесплатнöј, лаdнö, местнöј, грамотнöј, суdно, частнöј, öбödнa, грöзiтны, döсаdiтны, жалiтны, жарiтны, заводiтны, полуdнiча, шöпкödны (шептать)... 5) В зырянском языке согласный ј (русс. **й**) способен сочетаться с любым из гласных звуков—**a**, **e**, **i**, **o**, **ö**, **у**, **ы**: (примеры см. выше, в гл.к II-характериситкa коми гласных фонем), —в то время как в русском языке ј сочетается только с гласными **а**, **э**, **о**, **у**, (ја-я, је-е, јо-ё, ју-ю,) и лишь в **литературном** произношении иногда с **и**(в таких словах, как: их, им, ими..., а также в слоге после **а**: бадьи, ладьи, бабьи, девичьи, мужичьи, Ильич...) (6) в зырянском языке, в отличие от языка русского, часто встречается сочетание самостоятельного „мягкого" согласного с никогда не „смягчающим" предыдущего согласного гласным **ы** (относительно сочетания „мягкого" согласного с **а**, **е**, **i**, **о**, **у** мы уже говорили). Вот несколько примеров такого сочетания: сывны, мыссыны, келыd, (бледный), узыштны (вздремнуть), шензыны, лыddыны, четчыны, лыјсыны, коллыны, каттыны, каччыны, женыd, ачым, чышјан, стружiтчыны, тешiтчыны, наdејтчыны... 7) В зырянской речи часто встречаются сочетания двух родственных (физиологически) гласных—**iы** (в русском языке мы не находим ничего подобного): бiыс, пiыс, кiыс сiыслы, сорнiыс, öтiыс, јурсiын...

1) Срв. проф. Е. Ф. Будде, op. cit., стр. 114, 116 и 117, проф. В. А. Богородицкого, „Лекции"..., стр. 21, 60—61 (сноска), проф. В. К. Поржезинского, „Введение в языковедение". 3 изд. 1913 г. Стр. 89.

8) в зырянкской речи довольно часто встречаются сочетания интересного звукового типа—ссы, т. е. „твердый“ согласный+самостоятельный соответствующий „мягкий“ согласный (возможна и перестановка)+не—„смягчающий“ предыдущего согласного гласный: асϭыным, мöсϭань, јурјасϭань, коdјасϭань, гортјасϭань, госϭавны (сделатся жирным); кунны (закрывать), песϭыны (стараться), арöсϭань... 9) к подобным же интересным звукосочетаниям, характерным для зырянской речи, нужно отнести соединение согласных **г, d, ж, з, с, ϭ, т, ш ҙ**, с сравнительным суффиксом—**жык**, т. е. гжык (щыгжык, огжык, егжык...), dжык (ϭödжык, тенаdжык, зырnаdжык...), жжык (чожжык, важжык, пежжык...), зжык (кызжык, мозжык, лöзжык...), сжык (косжык, dорасжык, чорасжык...), ϭжык (јоϭжык, пырыϭжык, пöϭжык...), тжык (ічöтжык, татжык, сетжык...), шжык (вільышжык dышжык, кокышdжык...), ҙжык (сöҙжык, таҙжык, сіҙжык...); сюда же примыкают сочетания ҙ ҙь (воҙҙьеп...), ҙϭ (віҙϭыd,—сыс,—леҙϭыны, суҙϭыны...), dҙ (бöрdҙыны, гырdҙа—локоть, ödҙыны аdҙыны...) и ҙч суҙчыны леҙчыны..) [1]) 10) „Мягкость“ зырянских согласных заметно отличается (по своему физиологическому и акустическому характеру) от „мягкости“ русских согласных; особенно это следует сказать про те согласные, „мягкость“ которых на письме не обозначается (бі, віч, вір, віт, гіжны, кі, міча, пін, пі, мірнöј, пільітчыϭ, рісујтны—рисовать и под.; см выше), но слышится в речи. Вот почему, может быть, правильнее и точнее было бы говорить в таких случаях не о „мягкости“ зырянских согласных, а об их „полумягкости“—по крайней мере, в сравнении с „мягкостью“ русских согласных. Известно, что в русском языке, звуки которого изглашаются сильным напряжением мускулов речевых органов, „мягкие“ согласные отличаются большою резкостью, силой и отчетливостью и влияют своим произношением, своей артикуляцией даже на следующие за ними гласные звуки (произносимые в таких случаях обычно с большим усилием). В языке зырянском такой резкости и отчетливости „мягких“ согласных не замечается. Этим и должно об“яснить то, что

1. См. у В. А. Молодцова, „Коми грамматика“..., стр. 15—19. Во всех этих и подобных этим словах имеет место несомненная ассимиляция (уподобление) звуков **т, d, с, ҙ** и др. последующим звукам **з, ж ч** и др. Ст. б., все эти слова пишутся **именно так** по морфологическому, а не фонетическому принципу.

в словах, заимствованных из русского языка, зыряне изглашают русские „мягкие" согласные с неполною „мягкостью", т. ск., с „полумягкостью"; так, напр., зырянин не произнесет слов: запjатаjа, памjатњік, Вjатка, Славjанскij, знамjа, гіра и под. точь-в-точь так, как их произносит русский, ибо ему, зырянину, трудно „выдержать" полную, резкую, „мягкость" русских **п, м, в, г,...**, и в его речи эти слова звучат, **почти** как запйатайа, памйатник, Вйатка и т. д., т. е. почти с „твердыми" **п, м, в** и т. д. (Подобные „полумягкие" звуки—напр. **с** и **з**—диалектически отмечены в украинском наречии.—См., напр., проф. Е. Ф. Будде. op. cit., стр. 114 и 115. Срв. также „полумягкие" губные и губо-зубные **б, п, в. ф** в **литературном** русском произношении перед „мягкими" сонорными и „мягкими" же переднеязычными зубными **т, д. с, з**: обмен, плен, брить, влеку, врешь, изобрел, все, в землянке, в зелени...)

Физиологическая сущность „мягких" (палатальных) согласных заключается в том, что при их изглашении передняя (передне-средняя) часть языка поднимается к твердому небу, ртовая полость укорачивается, и углы губ слегка растягиваются, словом, речевые органы и, в частности, язык, как наиболее активный из них, принимают такое артикуляционное положение, с каким произносятся гласные переднего ряда **і** и **е**; таким образом, при произнесении „мягких" согласных имеет место, т. ск., предвосхищение (предвзятие) согласным артикуляции гласного **і** или **е**: язык, „готовясь" произносить согласный, как бы забегает вперед и заранее принимает уклад, необходимый для произнесения следующего за согласным гласного **і** или **е** (в лингвистике подобное явление именуется **антиципацией** мускульных ощущений или укладов и считается одним из важнейших психических факторов звуковых изменений в языке—наряду с экономией сил или стремлением к удобству и большей легкости произношения, наряду с явлениями так наз. аналогии, или морфологической ассимиляции-уподобления по форме—термин проф. Н. В. Крушевского—и т. д.). Если при изглашении „мягкого" согласного уклад речевых органов приближается к укладу их при звуке **і**, то налицо будет так наз. полное „смягчение" (полная палатализация), если же артикуляция „мягкого" согласного предвосхищает артикуляцию при звуке **е**, то перед нами будет палатализованный согласный, но с неполным „смягче-

нием". Примеры полного и неполного „смягчения" зырянских согласных в достаточном количестве приведены выше; здесь мы только отметим и запомним, что даже полная „мягкость" зырянских согласных **ԉ**, **ԁ**, **ԋ**, **ԍ**, **ԏ**, **ԅ** и др. более слаба и менее резка, менее отчетлива, чем столь широко распространенная „мягкость" согласных в русском языке.

Таковы **важнейшие** особенности звуковой системы зырянского языка—в сравнении ее с звуковой системой языка русского.

IV ГЛАВА

Вопрос о коми ударении. Значение изучения коми ударения для истории ударения в русском языке. 2 основных вида ударения: динамический и тонический. Ударение с физиологической точки зрения. Вопрос о слогообразующих звуках. Зависимость фонетической определенности гласных звуков от ударения. Ударение слогов в словах; 3 основных системы его. Общий характер коми ударения и задачи, стоящие перед его исследованием.

В наши первоначальные намерения входило еще освещение вопроса о зырянском **ударении** (акценте; лат. accentuz, франц. accent нем. Akzent) и его природе, а также его влияний на степень отчетливости в произношении гласных звуков.—Дело в том, что вопрос о существе и принципах зырянского ударения слишком недостаточно вырешен,—меж тем разрешение этого вопроса важно не только по отношению к самому зырянскому языку, но и для выяснения природы и источников того языка, из которого зырянам, в силу территориальных, исторических и политических обстоятельств, приходилось и приходится заимствовать больше всего: мы говорим о своем родном, русском языке.

В новейшее время в науку о русском языке внесено предположение, по которому русское экспираторное, или выдыхательное (=эмфатическое, динамическое, основанное **преимущественно** 1) на

* 1) Говорим: „преимущественно“, т. к., строго говоря, **элементы** обоих видов ударения—и экспираторного, и музыкального—имеются во **всех** языках. Такие языки, которые имели бы **только** экспираторное или **только** музыкальное ударение, нам неизвестны; а потому, на наш взгляд, можно и должно говорить лишь о большем или меньшем преобладании ударения экспираторного над музыкальным (назовем такое ударение **экспираторно-музыкальным**) или же ударения музыкального над экспираторным (назовем такое ударение **музыкально-экспираторным**). Таким образом, ударение всякого языка по своему характеру-смешанное, основанное и на силе выдыхаемого тока воздуха, и на повышении голосового тона, причем преобладает то первая над вторым, то второе над первой.

силе выдыхания звуков) ударение образовалось из ударения музыкально-экспираторного (музыкальное=тоническое=мелодическое=хроматическое ударение основано **преимущественно** на высоте звука, на повышении голосового тона; этим повышением и выделяется ударяемый слог) под влиянием инородцев,—причем автор этой любопытной научной гипотезы настаивает на том, что много интереснейших данных для выяснения этого должно дать изучение зырянского языка в Олонецком и Вологодском краю 1)...

Но **пока** в этой области не сделано почти ничего, и кто знает, —когда эта благодарная, хоть и нелегкая задача найдет себе любителя или специалиста?.. **Наши** наблюдения по этому вопросу пока еще слишком скудны, и мы ограничимся лишь несколькими замечаниями **общего** характера, т. к. чувствуем и знаем, что плох тот физиолог речевых звуков, который ни словом не обмолвится об ударении, его характере и его роли в живом; произносительном языке.

Ударение, обычно определяемое, как повышение или усиление голоса над к. л. слогом в слове, с физиологической стороны характеризуется усилением выговора, выделением „центрального" (по той или другой причине) слога, т. е. увеличением силы, с какою выталкивается воздух при произношении звуков. Таким выделением слога определяется и смысл слова и его музыкальность. Недаром еще древне-латинский грамматик Диомед (IV в.) называл ударение „душою речи", а в новейшее время лингвист метко характеризует ударение, как „пульс мысли в массе звуков"...

Напомним здесь кстати, что **слогом**, по наиболее удачному, точному и теперь общепринятому в науке определению проф.-физиолога-лингвиста Э. Сиверса, называется звук или—чаще—сочетание (комплекс) звуков, произносимое **только одним** самостоятельным, непрерывным выдыхательным толчком (напором). А для того, чтобы эти звуки **об'единялись**, слышались, как нечто **единое**, чтобы их сочетание могло быть произнесено **одним** толчком выдыхаемого воздуха, необходимо, чтобы наибольшая выдыхательная сила воздуха сосредоточивалась на **одном** из этих звуков, и чтобы остальные звуки слога примыкали и были подчинены по силе этому сильнейшему (т. наз. **слоговому** или **слогообразующему**) звуку; он должен быть, таким образом „слоговой вершиной" (нем.

** 1) Срв. проф. Е. Ф. Будде, op. cit., стр. 137, 142 и 170.

silbengipfel), носителем слога, слогового акцента и с тем вместе носителем необходимого в слове звукового единства. (Звуки, примыкающие к слоговому, наз. **неслоговыми**, или **неслогообразующими**).

Обычно **сильнейшим** звуком в слоге является наиболее полнозвучный, т. е. **гласный** звук (далее идут по нисходящей степени звучности--плавные сонорные **р, л, љ**, „носовые" сонорные **м, н, њ**, звонкие фрикативные **в, ж, з, ъ, j**, звонкие взрывные **б, d, ђ, г** и, наконец, глухие фрикативные, **ш с, о**, и глухие взрывные **п, т, ћ, к.**) Легко понять, что сила звука и его сонорность, звучность, „слышимость" зависят от величины щели для его выхода:, чем шире эта щель, тем звук сильнее. Из гласных звуков сильнейшим является **а**: гласные **е** и **о** сильнее, чем **ö, і, у, ы**. Отсюда другое, менее точное определение слога: слог—это гласный с относящимися к нему согласными (стало быть, число слогов в слове одинаково с числом гласных звуков в нем). Это определение менее состоятельно потому, что в живой, произносительной речи слогообразующими звуками способны быть и бывают не только гласные, но и, напр., согласные плавные и „носовые", как наиболее „полноголосые", полнозвучные и наиболее близкие к гласным; в такой роли (в слогах, гл. обр., неударяемых) плавные и „носовые" выступают, напр., в русском языке, а также в языках: немецком, английском, сербском, чешском, словацком и др. Срв. **русск.** произносительные: „ты, грт, ходи грт, ко мне, грт, почаще"... вм. ,ты, говорит, ходи говорит ко мне, говорит, почаще..."; „что, брт, срезался, бедняга..." вмт. „ что, брат, срезался, бедняга"... „Анна Иван-на" или даже „Ан-ныван-на" вм. „Анна Ивановна"; „гол-да" вм. „голода"... **немец.** hab-n, Hand-l вм. haben, Handel... **серб.** врх, црн...—верх, черный... **чеш.** vlk, hrdy—волк, гордый и т. п. (Знаками р, л, н, r, l, n обозначаются слогообразующие р, л, н). Как видим, во всех этих примерах гласные теряют свою обычную слогообразовательную способность, являются неслоговыми; согласные же **р, л, н** делаются слогообразовательными, слоговыми, т. е. выступают в роли гласных.

А. С. Сидоров неправильно утверждает, будто „только гласные звуки в слогообразовании играют роль ртоdo размыкателей, т. е. слогообразователей, а согласные—роль ртосмыкателей"... и напрасно

предлагает „рассматривать различие между гласными и согласными звуками не с т. зр. участия голосовых связок в произношении, а с точки зрения физиологии слога“... 1) Физиология слога-то как раз и говорит против А. С. Сидорова, хотя он на нее и ссылается. Очевидно, А. Сидоров увлекся метким определением (немецкого проф. - лингвиста Ф. Техмера) гласных, как „рторaскрывателей“ (Mundöffner) и согласных, как „ртосмыкателей“ (Mundschliesser); но ведь проф. ф. Техмер, определяя **так** природу и физиологическую сущность гласных и согласных, вовсе не имел в виду их способность или неспособность быть слогообразующими, так что между словами: „ртораскрыватели“ и „слогообразователи“—с одной стороны, и словами: „ртосмыкатели“ и „неслогообразователи“—с другой, нельзя ставить знака равенства, как это делает А. Сидоров. Проф. Ф. Техмер своим кратким и метким определением хотел только подчеркнуть **основную физиологическую разницу** между так наз. гласными и согласными звуками и сделал это бесспорно удачно, т. к. единственно надежным и прочным физиологическим критерием гласных звуков является то, что при их произнесении имеет место свободный, беспрепятственный проход звучащей воздушной струи и сравнительно малое участие речевых органов, находящихся в полости рта; другими словами говоря, гласные образуются то более, то менее открытым ртом (ст. б., с обязательным осаждением нижней челюсти) при минимальном участии языка и губ (в этом смысле гласные вполне могут быть названы „ртораскрывателями“ или открытыми, не-затворными звуками); согласные же звуки произносятся с приближением нижней челюсти к верхней, требую для своего изглашения большего или меньшего смыкания или сближения (полного затвора или теснины, т. е. неполного затвора) речевых органов; и устранение преграды, образованной последними—неоебходимое условие для произнесения согласного звука (в этом смысле согласные вполне могут быть названы „ртосмыкателями“ или суженными, затворными звуками),

1) См. его ренценз.на книгу В.А.Молодцова: „Коми грамматика.“...— в журн. „Коми му“ 1924 г., № 1—2. стр. 109; срв. возражение В. А Молодцова в том же журнале за тот же год, № 7—10, стр. 161.—Впрочем, сам В. А. Молодцов повторяет ошибку А. С. Сидорова в своей книге „Некоторые принципы зырянского правописания“, стр. 9,—где отождествляет понятия „слогообразовательные“ и „гласные“, и „неслогообразовательные“ и „согласные“.

Само собой разумеется, что ударяемый гласный звук звучит наиболее ясно, определенно и отчетливо; неударяемые же гласные эту определенность и отчетливость в той или иной степени теряют. Нужно здесь же заметить, что в зырянском языке гласные (кроме, пожалуй, лишь ö) не находясь под ударением (стало быть, в слогах предударенных, пред-предударенных и послеударенных) не редуцируются, не так заметно меняют свой первичный звуковой характер и отчетливость, как это имеет место, напр., в литературном русском языке.

Принцип подчинения неударяемых (слабых, низких) гласных в слоге гласному ударяемому (сильному, высокому, произносимому с наибольшей силою, высотою и длительностью) сохраняется и при сочетании слогов в слове. Как в слоге звуки группируются около одного, сильнейшего (слогового, центрального, высокого) и произносятся, т. ск., заодно с ним, так и в слове неударяемые слоги группируются около одного, сильнейшего, ударяемого („словного центра").— причем как общее правило, можно установить, что наиболее слабым слогом, слогом с наименьшей экспираторной и звуковой силой в слове является тот, что непосредственно следует за ударяемым, а также слог пред-предударенный.

Конечно, **сам по себе** любой слог слова может иметь на себе ударение; но раз это ударение получает—по желанию говорящего—только один, „центральный" слог, то остальные слоги вынуждены примыкать к нему, и тем самым образуется необходимое ритмическое единство слова; слово становится определенной ритмической единицей: центральный слог, как основной стержень всего слова, как бы „спаивает" все остальные слоги, и именно на нем, гл. обр., основывается музыкальность слова. В этой единице, строго говоря, нет никаких **естественных** произносительных границ между слогами[1]), и потому эти границы определяются или привычными, уже хорошо усвоенными произносительными приемами, или какими-либо психологическими качествами, или просто произволом говорящего.

Со времен знаменитого немецкого лингвиста Ф. Боппа (1791-1867) в науке о языке приняты 3 основных системы ударения слогов в словах: 1) так наз. логическая („смысловая" система об-

1). Слова с фонетической точки зрения не разделимы да и вообще едва-ли разделимы—проф. Э. Сиверс (Сн. у акад. Я. Грота, т. II. стр. 127; срв. проф. Е. Будде, стр. 124).

нимает собою те языки, в которых ударение падает преимущественно на корневой слог слова (сюда принадлежат—немецкий язык и все ему родственные: английский, шведский, норвежский, датский, голландский и нек. др.), 2) свободная или подвижная (грамагическая) система ударения характеризует такие языки, в словах которых ударение разноместно, не прикреплено к какому-либо одному, определенному слогу; сюда относятся: санскритский язык, отчасти греческий и латинский язык, русский язык, литовский язык, языки—сербский, итальянский, испанский и нек. др.; 3) наконец, ритмическая система ударения (ее, на наш взгляд можно было бы называть и музыкальной или тональной системой) обнимает собою языки с постоянным ударением на к. л. одном, определенном слоге; сюда относятся, напр., языки-французский, (с ударением на последнем слоге), польский (с ударением на предпоследнем слоге), чешский, словацкий, лужицкий, латышский, мадьярский=угорский=венгерский финский (все ударением на первом слоге и др.

Язык зырянский по типу своего ударения должен быть отнесен, несомненно, к **ритмической** (музыкальной) системе, т. к. ударение в зырянских словах почти всегда падает на первый слог, т. е. является постоянным, одноместным, несвободным. **Общий характер** зырянского ударения мог бы быть более или менее точно назван **музыкально-экспираторным: музыкальным**—потому, что **главным**, преобладающим способом выделения того или другого слога в слове является высота звука, повышение или понижение голосового тона; тональные переходы и переливы (так. наз. музыка речи) играют в нем довольно видную роль и часто даже переносят ударение—никогда, впрочем, не меняя значение слова—с его постоянного места (первого слога) на другое; **экспираторным**—потому, что сила выдыхаемого воздуха в произносимых слогах (ударяемых и неударяемых) далеко не одинакова, и слоги и звуки приходится различать и динамически, т. е. по силе выдыхания (как, напр., и в русском языке, представителе другого, отличающегося по качеству экспираторно-музыкального ударения).

Литературной зырянской речи, культивируемой преимущественно (если не исключительно) зырянской интеллигенцией, свойственно т. н. тяжелое слоговое ударение—с более или менее значительной силой выдыхания (по своему общему характеру оно несколько напоминает русское, преимущественно экспираторное ударение);

но среди исконно-зырянских (т. ск., без всякой подмеси иноземных языковых влияний) народных масс живет именно музыкальное (тональное) слоговое ударение, покоящееся на повышении и понижении голосового тона, на различии слоговых звуков по их тону, высоте. Эта высота речевых звуков определяется количеством колебаний голосовых связок в секунду (как общепринятую единицу времени), зависит от длины этих связок, от степени их натянутости, от усиления или ослабления давления воздушного тока на них,—и в основном может быть троякой: 1) ровной, 2) восходящей (повышающейся), 3) нисходящей (понижающейся).

Нам думается, что для исследования природы и видов ударения в зырянской речи необходимо в дальнейшем: 1) собрать и систематизироватъ наиболее яркие и любопытные случаи переноса ударения с его постоянного места (первого слога); 2) проследить звуковые переходы и замену гласных в их положении в слогах пред-предударенных, предударенных и послеударенных; 3) попытатъся записать нотами тональные нюансы и переливы речевых звуков [1]); 4) при посредстве специальных приборов, имеющихся в кабинетах экспериментальной „фонетики", записать количество и характер колебаний голосовых связок и гортани—как в слогах ударяемых и неударяемых, так и хотя бы в коротких (2-3 слова) фразах.

Вот какие—в числе многих других—благодарные и интересные (хоть и трудные и кропотливые) задачи стоят перед всеми, кто хочет осознать и изучить зырянскую речь со всеми ее свойствами и особенностям; а среди последних на виднейшее место должно быть поставлено именно ударение, как „пульс мысли в массе звуков": прощупывая и исследуя этот пульс, мы многое поймем и из того, что движет им, т. к. ударение служит одним из орудий языкового мышления, удобным средством для достижения в максимальной степени точности и определенности мысли, для отличия разнообразнейших отношений между предметами и для выражения разных видоизменений (вариаций) мысли.

Прав был немецкий диалектолог—проф. Гольдшмидт, сказавший еще 80 лет тому назад: „**Каждая особенность языка**"—состоит ли она в необыкновенном выговоре или ударении, открываем ли ее у целого народа или у некоторой части его,—не должна казаться

1) Как это уже сделано, напр., по отношению к русскому языку проф. В. А. Богородицким в его „Общем курсе русской грамматики".

нам одной **случайной**, смешной **привычкой** или чем-либо подобным; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится в связи с своеобразною **духовною жизнью** целого народа или части его. **Случайная** особенность, не соответствуя **потребностям духа**, не могла бы распространиться, или, если бы по какой-нибудь моде и сделалась до некоторой степени общею,—все-таки была бы вскоре оставлена, как **неловкая и стеснительная**... [1])

Прав был и русский поэт П. А. Вяземский, сказавший:

„Язык есть исповедь народа:
в нем слышится его природа,
его душа и быт родной...“

---

1) „Der Oldenburger in Srache und Spriicnwort“. Oldenburg. 1847. (Цитиррю по Я. Гроту, op. cit., т. 1 стр. 141.—Курсив мой. Юр. С.).

В. И. Лыткин.

Краткий обзор диалектов коми языка.

Язык народа коми, занимающего обширную территорию на северо-востоке европейского СССР *), состоит (как и все языки) из ряда диалектов, отличающихся друг от друга как в отношении фонетики и морфологии, так и в отношении словаря и синтаксиса. В настоящем очерке нами будет главное внимание уделено на фонетику **) диалектов, т. е. на установление: 1) наличия (или отсутствия) той или иной фонемы в разных диалектах, 2) чередования фонем между отдельными говорами коми языка и т. д. Намеренно нами пропускается здесь описание особенностей произношения фонем в отдельных диалектах (напр.: **л**, **ӂ**, **щ**, **ӟ**. **ч**, **і** и др.).

В коми языке считается 33 фонемы (см. нашу книжку „Материалы по коми грамматике“), которые имеются на лицо на всей территории коми языка, за исключением Иньвенского говора (в южной половине коми округа, Уральск. обл), где отсутствует фонема „л“, вместо нее везде „в“: **вун**, другие коми говоры **лун**, день; иньв. **вавка** < рус. лавка и т. д.

По поводу наличия особых фонем в отдельных диалектах, помимо упомянутых 33, нужно отметить, что некоторые диалекты (напр. удорский, восточно-пермский и др.) еще недостаточно хорошо изучены и у нас не имеется данных, чтобы сказать, что там нет еще дополнительных фонем. Летом 1928 г. нам удалось, напр., установить наличие особой фонемы в верхнесысольском диалекте, куда еще не вступала нога лингвиста, несмотря на то, что коми диалекты

*) Коми народ образует две административные единицы: Коми область, входящую в состав Северного края, и Коми округ, входящий в состав Уральской области.

**) Знакомство с фонетикой коми говоров имеет большое практическое значение как в деле созидания коми-литературного языка, так и изучения его в школах.

сравнительно хорошо изучались, как комийскими (я подразумеваю Г. С. Лыткина), так и русскими и заграничными учеными. Территория этого диалекта занимает три волости на верхней Сысоле и на верховье р. Кобры: Гривенскую, Ужгинскую и Койгородскую (к последней относится и с. Кобра, которое является последним коми поселением на границе с бывш. Вятск. губ.)

В этом диалекте, помимо семи общекоми — гласных фонем **(а, е, і, о, ӧ, у, ы)**, имеется еще фонема „ô" (закрытое „о"). Артикуляция этого „ô" следующая: положение губ и зубов совершенно такое же, как и при „у" (**ур**, белка), но язык артикулирует там, где и при „о" (в смысле глубины), но щель между языком и небом уже (такая же узкая, как и при произношении „у"). Примеры **кôрса**, веник, **корса**,—ищу; **пôн**, собака, **пон**—конец; **кôс**, сухой поясница; **кос**, промежуток; **сôр**, шест; **сор**, поздно и т. д. Это „ô" молодым поколением начинает утрачиваться. Особенно эта утрата замечается в Койгородке, где мужская половина молодежи почти поголовно утратила это фонему, заменив ее „о". Интеллигентные люди и люди, жившие в других местностях, тоже утратили ее.

Теперь вкратце рассмотрим наиболее характерные закономерные чередования фонем между диалектами. Эта закономерность заключается в том, что в определенном диалекте, в определенном фонетическом положении стоит определенный звук. Эти чередования следующие:

1) В конце слова или в средине слова перед согласными „в" чередуется с „л" или же с удлинением предыдущего гласного. Территория **в** —диалектов: Вычегда с притоком Локчим и Пожег (Палевицкий), исключая некоторые Верхне-вычегодские волости (Усть-немск. Пожегодск и др.); Нижнесысольские волости: Кодзвильская с г. Сыктывкаром, Вильгортская и Шошкинская: Об'ячевская и Читаевская вол. на Лузе. Сюда же относятся коми литературные языки. Примеры: **вӧв**—лошадь, **нывв**—девушка, **овны**—жить, **сӧвтны**—нагрузить, **зев**—очень.

Территория **л** диалектов: Сысола с притоками, начиная с верховьев до с. Лозыма вкл., Кобра, Прилузье (исключая Обячевскую и Читаевсиую вол.), Летский говор, некоторые Верхне-выче-

годские волости (Керчемская, Вочевская, Пожегодская), говоры северного района Коми-пермяцкого округа (косинский и др.), Зюздинские говоры (на верховьях Камы), Печерские волости Устькуломского района, Верх-Язвинская вол. Верхн-Камского округа. Примеры: **вӧл**—лошадь, **ныл**—девушка, **олны**—жить, **сӧлтны**—нагрузить, **зел**—очень.

Территория диалектов с удлинением предыдущего гласного [ōt-(ō)]: Ижма, Нижне-печерские волости, Ижмо-печерского р., Вымь, Вишера, некоторые волости верхней Вычегды (напр. Устькуломская, Устьнемская), Приобские и Лапландские коми говоры (на Кольском полуострове*). Примеры: **вӧӧ**—лошадь, **ныы**—девушка, **ооны**—жить. В положеини перед двумя согласными или перед согласным+пауза этого удлинения не происходит, напр. в вымском и ижевском диалектах: **вет** (выч. **вевт**)—крыша, **сӧтны** (выч. **сӧвтны**)—нагрузить, **сутла** (выч. **сувтла**)—на время встану. После гласного „е" вместо удлинения появляется „j": **зеj** (выч. **зев**)—очень, **веjjала** (выч. **вевjала**)—успею.

Внутри говоров всех этих трех типов встречаются отступления: а) в заимствованных словах, напр. выч. **столб вiлкi, тӧлка, Павел** и др., и б) в звукоподражательных словах, напр. выч. **Колсмунi**—раздался звук удара.

2) В суффиксах после гласного звука **d** чередуется с **т** (--d∼--t): **сӧкыd сӧкыт,** тяжелый, **тенаd тенат**—твой. Территория т—диалектов: коми говоры Коми-пермяцкого округа и Верх-Язвинский говор, что к востоку от Чердыни: примеры **морткӧт** с человеком, мортыт—твой человек, **мӧртнат**—вашим человеком, **тенат**—твой, **пемыт**—темный, **мунат, мунатӧ**—идете, вуротны—дать шить и т. д. Все другие диалекты, т. е., главным образом, диалекты области Коми будут относится к **d** диалектам; примеры: **морткӧd**—с человеком, **мӧртыd**—твой человек, **тенаd**—твой, **пемыd**—темный, **мунаd**—идете, **вурӧdны** дать шить и т. д.

3) В простых исконных коми словах не в первом слоге „ӧ" чередуется с „е": **мунӧ∼муне**, идет; **карӧ∼каре** в город и т. д. Территория **ӧ**—говоров: Присыктывкарский диалект, сысольский, лузсколетский (с некоторыми исключениями, вроде **керкаеҙ** до избы),

*) В моей книге „Материалы по Коми грамматике" стр. 9, Удора ошибочно отнесена к этой группе диалектов

диалекты коми-пермяцкого округа (с исключениями, вроде **шырөзмыши**), нижне-вычегодский диалект, где после палатального согласного все же в этом положении всегда встречаем „е" (**віӡөдны**—смотреть, **тышкаөны**—дерутся, **ӧӡөс**—дверь и т. д.) и некоторые другие диалекты, о которых в нашем распоряжении нет точных сведений. Примеры: **мортлӧн**—у человека, **морттӧг**—без человека, **тенӧ**—тебя, **мунӧ**—идет, **мунӧмаӧө**—ушли, **огӧ мунӧ**—не пойдем, **арӧс**—возрастной год, **кӧртӧd**—повязка, **гожӧм**—лето, **серӧктыны**—засмеяться и т. д.

Территория **ө**—диалектов: верхняя Вычегда (Сторожевский и Устькуломские районы), Ижма и др. Примеры: **мӧdө верөссаjө**—собирается замуж, **локтө гортө**—идет домой и т. д.

Оба литературных диалектка принадлежат к ӧ—диалекту.

4) В коми-словах не в первом слоге „ы" чередуется с „і", за исключением некоторых случаев (**муніс**, ушел; **jагті** по бору и др., см. „Материалы по коми грамматике" §§ 9-13). Верхне-вычегодский диалект (Сторожевский и Устькуломский районы) представляет чистый і—диалект (**шоніd**—тепло, **тӧлін** зимой, **мунөні**—идут.) Остальные диалекты являются смешанными диалектами в отношении чередования **ө** с і не в первом слоге, но все же с преобладанием элемента „ы". В этих говорах только в определенных случаях встречается „і", напр. в присыктывкарском говоре встречаем „і" только в следующих случаях: 1) в конце двусложной основы (**турі**—журавль, **шонdі**—солнце), 2) в окончании переходного пад. (**вӧрті**—по лесу), 3) в суффиксах прошедш. вр. глагола **муні**, **мунін** и т. д. я шел, ты шел и т. д.), 4) в словообразован. суффиксах: **іг**, **іт**, **ік**, **іньік**, **іӡ**, **іч** (**мунігтырjі**—идучи, **луdік** клоп, **ӧміӡ**—малина и т. д.). В пермских диалектах коми языка перед **ө** всегда „і", напр.: **муніө**—идущий, **керкуіө**—из избы, **мортліө**—у человека. В нижне-вычегодском диалетке после палатального имеем всегда „і" **пукөіны**—сесть, **вojін**—ночью и др.

5) В конце слова сочетание согласных—фрикативный плюс взрывной—чередуется с фрикативным, иными словами в некоторых диалектах конечный взрывной согласный после фрикативного отпадает—(st ∾ t), примеры: **боөт** ∾ **боө**!—возьми! **Мунышт**! ∾ **муныш**! подвинься, **кост** ∾ **кос**—промежуток.

Территория ş-говоров: пермские коми, лузско-летский диалект, верхняя и средняя Сысола, Вымь и Ижма. Примеры: **өн лыө**!—не

смей! **eojыш**! покушай! **kiө**!—лей! **гӧө**—гость, **чеө**—честь, **коc**—промежуток.

Определенно знаем, что к st—диалектам относятся присыктывкарский и вычегодские говоры. Примеры: **он лыөт**! не смей! **eојышт**! покушай! **кiөт**! лей! **чукӧөт**! позови! крикни! **гӧөт**—гость, **чеөт**—честь, **коcт**—промежуток.

6) Согласные плюс „j" чередуется с удвоенным согласным, иными словами в некоторых говорах в определенном положении согласный ассимилирует последующий „j" (jt ∾ tt). Особенно ярко бросается в глаза ассимиляция „j" суффикса мн. ч. имени, который ассимилируется конечным согласным основы. Такую ассимиляцию мы наблюдаем в говорах Коми-пермяцкого округа, напр.: **шыррез**—мыши, **луннез**—дни, **пiонеррез**—пионеры. В остальных говорах коми языка этой ассимиляции нет: **шырjас**, уд. **шырjос**, верх-язвинск. **шырjез**—мыши; **лунjас**—дни и т. д.

7) Вначале слова согласные „г" и „к" перед гласными „i" и „е" чередуются с „ԁ" и „ҭ" (д е/i ∾ ԁ е/i; К е/i ∾ J е/i). Это чередование наблюдаем не только между говорами, но и внутри многих коми-говоров (сыктывкарское **кепыс** ∾ **ҭепыс**, **герт** ∾ **ԁерт**, **rid** ∾ **ԁid**). В нижне-вычегодском говоре обыкновенно имеем **ԁ** и **ҭ**, напр.: **ԁiжны**—писать, **ҭерка**—дом, **ҭi**—рука. В верхне-вычегодском диалектах явно преобладают случаи с **г** и **к**: **кепыс**—рукавицы, **rid**—телятник т. д. В остальных диалектах, который элемент преобладает трудно сказать, поскольку эти диалекты в отношении данного звукового явления плохо изучены.

В литературных языках принята форма с **г** и **к** (**герт**, конечно; **кепыс**—рукавицы и т. д.).

8) В начале слова в одних говорах **во-**, а в других отсутствует начальное „в" (vo- ∾ 8, где 8 обозначает вообще гласный заднего ряда).

Примеры:

Выч.	Верхне-Сыс.	Коми-окр.	Верх-язва	Уд.	
вoj	ӧj	oj	уj	oj	ночь
вольпас	ӧльпас	ольпас	uepas'		постеля
ворсны	ӧрсны	орсны	urs		играть

*) Верх-Язвинские примеры взяты из книги genetz „Ost-permische sprachstudien" „и написаны транскрипцией автора (латинск. буквами).

вом	ȏм	ŏм	ym	рот
вocca	ȏcта	ocта	ust-	открытый
вон	ȏн	ŏн	yn	полог
воʒ	ȏʒ	oʒ	ug	передняя часть
вос	ȏс	ŏс	yset-(блевать)	блевотина
вошны	ȏшны	ŏш	ys-	теряться
и т. д.				

Территория говоров без начального „в“: Коми-пермяцкий округ, верхняя Сысола с Коброй, Верх-Язьва и частично Удора. Все остальные диалекты относятся к типу **во**.

9) Не в начале слова сочетание „**jd**“ чередуется с „**ԃ**“, а сочетание „-**jт**“—с „-**ԏ**“, напр.: **doԃ** ∽ **dojd**-сани, **кваԏ** ∽ **квајт**-шесть, **коԃ** ∽ **kojd**-подобный, подобно.

Территория этих двух разновидностей (-**jd** ∽ **ԃ**-**jт** ∽ **ԏ**) звукового явления нужно рассматривать отдельно, поскольку они не совпадают. К **ԃ**—диалектам относятся: диалекты коми округа, Верх-язьвинский, Зюздинский, Лузско-летский, сысольский, Верхне-вычегодский, Присыктывкарский, также часть Нижне вычегодского, а именно д. Кряжеская и частично Часовская и некоторые деревни (Ервасьдор) Палевицкой волости (Ервасdор.: **doԃ**, **daԃ**, **ȏaԃ**, но: **cajd** и **kojd**). Остальные диалекты принадлежат к типу-**jd** а именно: Устьвымский район, Удорский р., Ижмо-печерский р,. Пожегодские волости (Прокопьевская и Слудская), Палевицкая вол. (за исключением некоторых деревень, представляющих смешанный говор в отношении данного звукового явления).

Территория—**ԏ** гораздо уже теаритории—**ԃ**, так как говоры Устькуломского, Сторожевского и Сыктывкарского районов, говорящие **doԃ**, говорят **њајт** (а не: **њаԏ**), а в остальных же коми диалектах распространение-**jd** и-**jт** с одной стороны,-**ԃ** и **ԏ** с другой, совпадают.

Вообщем северные говоры коми-языка принадлежат к типу-**jd**, **jt**, а южные—к типу **ԃ**, **ԏ**. Чем южнее говор, тем больше слов типа **ԃ**, **ԏ**, что можно видеть из нижеследующих примеров:

Сам. южн. пукнт		Самый северн. .пункт.	
kojd	Час	коđ	Кражск. (в 7 верст. от Часа к югу).
cajd	Час	саđ	Кражск.
dojd	Палевицы	dođ	Час
dajd	Палевицы	dađ	Час
бajd	Пал.	бađ	Час
гajd	Пал.	гađ	Час
њajт	Иб(?)	њaт	Межадор(?)
квajт	Иб(?)	квaт	Межадор(?)
вojт	Иб(?)	вoт	Межадор(?)
вojdöp	Коми обл;	уđервун	Коми округ
мojdны	Коми обл.	моđны	Коми округ
мajтöг	Коми обл.	матег	Коми округ
вojтыр	Коми обл.	отip	Коми-округ

10) Перед суффиксами, начинающимися с гласного звука, в одних диалектах коми языка в определенных словах вставляются согласные **j**, **к**, **м**, **т**, (см. „Материалы" §§ 36, 46), а в других этой вставки не происходит, напр.: **зорjöн** ∞ **зорöн**—колом, **зонмыс** ∞ **зоныс**—его парень, его сын (Перм). Нужно сказать, что эти вставочные звуки в говорах коми области употребляются чаще, а в говорах коми округа реже, или вернее, весьма редко.

На **морфологии** здесь не будем подробно останавливаться, лишь отметим несколько моментов. При описаини суффиксов диалектов должны быть учтены следующие вещи: 1) какие особые суффиксы имеются в диалектах, 2) фонетически отличные суффиксы (т. е. представляющие фонетич. разновидность по сравн. с соответств. суффиксом другого диалекта), не попадающие под вышеперечисленные фонетические явления, 3) особые значения суффиксов.

1. В диалектах коми округа,на Сысоле (средн. и верхн.) и на Лузе имеется, напр., суффикс сравнительного падежа—**са: мöс ыжса jöн**, корова сильнее овцы.

В диалектах чередуется окончание глаголов мн. ч. 2 лица-**анныd** ∞ --**ad** (--**ad**,--**атö**),--**iнныd** ∞ --**id** (**iт**,--**iтö**). Суффиксы--**анныd**,-**iнныd** бытуют вообщем в северных диалектах (напр., нижне-вычегодский, ижемский и др.), а суффиксы-**ad**) (--**aт**.--**iт** (--**iт**)—в южных: в сысольском, в пермских и т. д.

Из особых **словообразовательных** суффиксов отметим уменьшительное: **іньӡі (к)**, который встречается в нижне-вычегодском, удорск., вымск. и ижемском диалектах, а в других диалектах вместо этого суффикса—**іньік** Примеры: **косіньӡі**, **косіньік**-сухонький **сьӧдінӡі**, **сьӧдіньік** черненький.

В пермских диалектах употр. уменьш. суффикс.—**ок**.: **керкуок**-домик, **кньігаок**—книжка.

2. **Фонетически отличные суффиксы** суффикс дат. пад.-**лы** ∽ **лӧ**;—**лӧ** (-**вӧ**) встречается в пермских и лузско-летском диалектах. В некоторых диалектах, напр. в верхне-вычегодском, в двусложных основах, оканчивающихся на гласный звук, начальный гласный суффиксов местного, исходного и вступительного падежа отсутствует, напр.: **керкан-в** избе; **керкае**—из избы, **керка**—в избу (Устьс. керка**ын**, керка**ыс**, керка**ӧ**)

Суффикс отдалительного пад.-**сань** ∽ -**сень**. Форма **сень** встречается в нижне-вычегодском, нижне-лузском и верхне-сысольском диалектах.

В местоимениях существительных **сіјӧ**, **најӧ**, **тајӧ** и т. д. он, они, это в винит. п. во многих диалектах отсутствует „с", напр. **сіјӧ** (**сіје**)-его, **најӧ** (**најe**)-их и т д. Такими диалектами являются нижне-вычегоеский, ижемский, пермские и др. и т. д. и. т. д.

3. **Суффиксы с особым значением**. В некоторых диалектах значением суффик. дат. п.-**лы** ∽ **лӧ** несет функции вин п. напр.: **сіја пунктіс щунькыщылы** Иж.—он положил кольцо; **кокыштіс чуньлӧ** Луза-клюнул в палец (вин. п). Такое явление мы наблюдали на средней Лузе, на Летке и на Ижме.

На нижней Вычегде форма род. п. некотор. местоименных существительных употребляется так же в роли дат. падежа, напр.: **міјан** наш, **нам**; **тіјан**, ваш, вам и т. д.

Диалекты отличаются друг от друга и своим **словарем**. Характерны напр., для нижне-вычегодского, вымского, удорского и ижемского слова **нӧшта** -еще, **выјым** (**выјім**) есть, **карны** делать и т. д. Для пермских и верхне-сысольского диалектов характерно слово ӧдьдьӧн—очень (**ӧдьдьӧн** **јон**—очень сильный)—для Лузско-летского диалекта—**лакны**—притти, приходить, **ньіda**—они и др., для верхне-сысольского**јӧвӧ**—он и т. д. и т. д.

Каждый отдельной диалект не представляет единого целого, так как язык разных слоев населения отличается друг от друга,

напр. язык кулака значительно разнится от языка батрака или бедняка. Наиболее ощутимо это различие в области синтаксиса (в широком смысле этого слова); словаря и семантики. У кулака и батрака разный стиль языка, разный запас слов, одни и те же слова имеют у них разное значение (напр. „Коллектив" „гöль" и др.) и т. д. Вопрос об особенностях классовых диалектов коми языка это тема особой работы, поэтому в этом кратком очерке не останавливаемся на этом. Здесь наша задача дать краткий очерк территориальных диалектов, из которых каждый имеет исторически сложившиеся особенности, общие для носителей этого диалекта.

При подразделении коми языка на территориальные диалекты не следует делить по одному какому-нибудь фонетическкому или морфологическому признаку, а следует учитывать всю совокупность особенностей диалектов. Всю территорию коми языка разбиваем мы на 14 диалектов, между которыми резкой границы не проводим. Эти диалекты следующие (начиная с юга).

1. Иньвенский (бассейн р. Иньвы, правого притока Камы, южная частьКоми-пермяцкого округа).

2. Зюздинский (в верховьях Камы).

3. Северно-Камский (северная половина Коми округа).

4. Восточно-пермский (Верх. Язьвинская вол. Верхне-Камского округа),

5. Летско-Лузский (современный Лузский район обл. Коми).

6. Верхне-Сысольский (Гривинская, Ужгинская и Койгородская волости Сысольск. р. обл. Коми).

7. Средне-Сысольский (остальные волости по Сысоле до Лозыма включ.).

8. Присыктывкарский (Приусьсысольский), начиная с Шошки и Выльгорта и кончая Зеленцем.

9. Нижне-вычегодский (с низовья коми Вычегды до Часового включ.).

10. Верхне-вычегодский (сельсоветы Сторожевского и Устькуломского районов, расположенные по Вычегде и ее притокам, а также по верх. Ижмы).

11. Вымский.

12. Удорский.

13. Печерский (печерские сельсоветы Устькулом. р.)

14. Ижемский (Ижмо-печерский район).

Таковы коми диалекты, количество которых с дальнейшим изучением их может измениться, так как некоторые из этих диалектов плохо изучены и может быть, под-диалекты, входящие в состав их, можно будет назвать отдельными диалектами (таковым является, напр., верхне-вычегодский диалект).

В настоящем кратком очерке мы не будем касаться особенностей каждого из перечисленных диалектов, так как это будет предметом особого труда.

А. Сидоров.

Природа синтаксической связи между определяющим и определяемым словами в языке коми.

Монизм, как общий принцип мировоззрения и как метод научного исследования, начинает завоевывать общее признание. В области языкознания яфетидология своими основными принципами о всеобщности и единстве глоттогонического процесса, а также о необходимости увязки языкознания с этапами культурного исторического развития человечества, отвечает растущей потребности рассматривать и языковые явления в общей связи явлений социального порядка.

С точки зрения единства языкового процесса три основные морфологические системы языков — корневая, агглютинативная и флективная—представляются тремя этапами, стадиями развития этого процесса. Различный характер их системы должен обуславливаться соответствующими изменениями основных факторов языкотворчества в связи с коренными изменениями социально-экономического быта.

Само собой разумеется, что указанные положения должны быть обоснованы на самом языковедческом материале.

Отсюда вопросы, касающиеся факторов перехода языков из одной морфологической системы в другую, или освещающие литационный процесс превращения количественного явления, эволюционного развития языка в пределах данного типа, в явление качественно другого типа, должны считаться ударными.

Равным образом, взаимоотношение факторов синтаксического и морфологического характера, понимаемое не смысле их смешения, а в смысле наиболее чистого выявления обоих начал, т. е. синтаксического и морфологического, для последующего установления связи между ними, должно также привлекать пристальное внимание исследователей.

С точки зрения указанных проблем — взаимоотношения морфологических типов языков и взаимоотношения факторов морфо-

логического и синтаксического порядков — особый интерес приобретает вопрос о природе синтаксической связи между определяемым и определяющим его словами. Отнюдь не претендуя не только на окончательное решение этого вопроса, но даже не имея в виду сообщить достаточный фактический материал на данную тему, все же хочу поделиться со своим направлением исследовательской работы, на которое поневоле наталкиваюсь при изучении языка Коми.

Известно, что в языках не только агглютинативного типа, как напр., в угрофинских, тюрко-татарских и пр., но даже и в языках флективного типа, как напр., в немецком, два или несколько слов, стоящих рядом, при некоторых условиях, бывают между собой связаны, но не при помощи какой-нибудь морфологической формы, а просто фактом своего соседства. Чуваш. **шыв курки** „вода ковш". т. е. ковш для воды *). Немецк. feld veg „поле дорога", т. е. полевая или проселочная дорога, butter brot-„масло хлеб", т. е. хлеб с маслом. Понятие топор на коми языке выражается звуковым комплексом: **чер**, и понятие дерево словом **пу**. Если второй комплекс мы поставим впереди первого, то получим **пу чер**, т. е., дерево топор. Это сочетание, в силу какой-то особой грамматически невыраженной связи на флективный язык должно быть переведено „деревянный топор". Предыдущее слово является определением к последующему, в данном случае, оно достаточно неопределенному понятию „топор" придало большую определенность, именно „деревянный топор".

Если части этого выражения переставим местами, будет **чер-пу**—„топор дерево": Здесь два представления опять связались вместе и на флективный язык, это выражение нужно перевести так: дерево топора или топорище. Между этими словами опять существует для носителя языкового мышления данного языкового типа связь, которая почти недоступна для носителя другого типа языкового мышления, т. е. она морфологически не выражена.

Последнему выражению может быть прибавлено спереди слово **тоша** „с бородой", которое опять сразу же окажется в связи с последующим словом **чер** „топор" и весь ряд еще более сузится в своем логическом об'еме: „топорище того топора, которое с бородкой" Прибавляя к этому сочетанию спереди те или другие но-

*) См. Ашмарин. Опыт исследования Чувашского синтаксиса, ч.1, стр. 16.

вые именные слова, не имеющие личного притяжательного суффикса, мы получаем целый ряд слов, взаимно друг с другом связанных с синтаксической стороны как определения с определяемым, а с внешней стороны—простой последовательностью (впереди—определяющее, позади — определяемое), при чем об‘ем всего выражения суживается по мере прибавления к началу новых определений. Эту последовательность в сочетании слов для удобства условимся называть последовательностью первого типа или восходящей последовательностью. Части этого ряда совместно составляют единый грамматический оборот, композитум, могущий оканчиваться какимнибудь суффиксом словоизменения и т. п. Но притяжательный личный суффикс словоизменения, введенный в средину цепи, нарушает имеющуюся последовательность, разрывая ее на две части, так: если во втором типе двучленного выражения—**чøр пу** топорище—к первому его члену присоединим притяжательный суффикс, например 2-го лица **ыd**, то выражение превратится в **чøрыd пу** и его нужно перевести „топор твой из дерева". Последнее выражение будет заключать предикативность, определенное утверждение, оно превратится в предложение.

Но нас пока интересует не предложение, а сама детерминативная связь, существующая между словами, составляющими един. грамм. член-композитум.

Чем же обусловливается материальная связь между членами композитума.

Для этого разберем другую цепь, состоящую из следующих слов: **ньін кöм воль̂öс тош** „липа обувь подстилка борода". По законам сочетания членов в детерминативной цепи каждый предыдущий член определяет последующий и каждый последующий определяется предыдущим. Возьмем 1-ю пару: ньін кöм. Для человека, незнакомого с соответствующими бытовыми условиями, это будет просто „липа-обувь", а для знающего соответствующий быт, „липа" будет **материалом** для обуви—поэтому 1-ю пару слов нужно перевести: обувь из липы. Во 2-й паре—„обувь подстилка"—связь уже другая. Здесь нужно подразумевать момент нахождения употребления подстилки в обуви. 3-я пара „подстилка борода" не имеет связи ни грамматической, ни бытовой-здесь только даются рядом два понятия, понимание связи между которыми предоставляется собеседнику, который и связывает их в силу тех или других своих ассоциаций, в данном случае по внешнему сходству.

Из этого примера видно, что сочетание членов композитума коррелируется бытовыми связями. Если бытовой связи нет, то и сочетание, хотя бы оно по внешности и было правильное, не воспринимается, напр. выражение кок пу—„нога дерево" ходули (дерево ноги) вполне понятно; выражение же сiн пу „глаза дерево"- не понятно, оно никак не воспринимается, оно не находит отклика в психике собеседника, так как дерево и глаз в быту не вступают между собой в какое-нибудь постоянное взаимоотношение.

Детерминативная связь, существующая между членами композитума, имеет большое значение, так как она лежит в основе словообразовательного процесса в языке коми.

Предмет или явление, замеченное в какой-либо новой бытовой связи, немедленно запечатлевается соотв. словесной комбинацией, указывающей на принадлежность предмета к данному комплексу. В силу устойчивости бытовых форм и словосочетание становится устойчивым, образуя собой единый фонетический комплекс, подпадающий в месте соединения под действие обычных фонетических процессов и влияний, свойственных данному языку-ассимиляции, выпаданию звуков и т. п., например, **выльлун** (понедельник) из **выль лун**, **вежон** из **вежалун** (неделя) и т. д..

Весь остальной процесс изменений в сторону выработки форм слов будет заключаться в более быстром изменении значения конечного звена сочетания.

В этом отношении в языке коми типологически можно отметить ряд групп с постепенным приближением роли конечного элемента к роли флексии.

1. 2-й элемент приобретает значение префикса, но в то же время сохраняет еще свое значение как отдельное слово—это послелоги, напр., **керка доро**—к дому (**дор**-край), **керка выло**—на дом (**выл**—вверх) и т. д.

2. 2-й элемент приобретает абстрактное значение **пу**—дерево **поп пу** „поп дерево"-кандидат на попа, **гöтыр пу**-„жена дерево"-будущая жена, невеста.

3. 2-й элемент приобретает значение суффикса. Примеры: **лун**—день, jöj—глупый, jöj **лун**—глупость, **ouo**—умный, **ouo лун**—сообразительность, находчивость, **тор**—кусок. jöв—молоко, jöв **тор**, молочко, имеет значение суффикса уменьшительности, **лун**— абстрагирующего суффикса существительного.

4. Затем идут другие суффиксы словообразования, которые труднее поддаются восстановлению в их первоначальном значении.

5. Суффиксы словоизменения.

6. Особо нужно отметить притяжательные личные суффиксы.

Это расположение морфем на морфологические типы в порядке приближения их от слова с полным значением к флексии не нужно понимать как порядок генетический.

Генетический порядок мог быть совсем обратным. Так напр., система изменений по притяжат. личным суффиксам, дающим 6 разновидностей (3 в ед. и 3 в множ. числе—множественное коллективности лица), свойственны и существительным и послелогам и инфинитиву и наречию. Спражение из'явит наклонения в языке Коми во всей своей системе также не имеет морфологически следов других суффиксов, кроме этих личных притяжательных (время указывается только изменением согласовки этих суффиксов). Таким образом, возникновение системы изменений по притяжательным суффиксам нужно относить ко времени до возникновения деления слов на **морфологические** части речи, и, в частности, до возникновения системы склонения.

Это положение согласуется и с изысканиями акад. Н. Я. Марра по яфетическим языкам, который говорит, что это местоименное склонение (с притяжательными личными суффиксами. А.С.) „предшествует простому агглютинативному склонению, и во всяком случае оно-то и предшествует системе флективных языков" (Яфетическая теория, 57, Баку 1928 г).

Не имея возможности в данной заметке остановиться на этом процессе выветривания материального содержания у вторых элементов составных слов и присвоения ими служебных функции, отметим, что процесс словообразования, напр., в языке коми, за исключеним более раннего типа сложения слов по образцу скрещения и соединения слов с одинаковой формой на равных правах (напр.: **aj-мам** родители, **олан вылан** живешь—можешь), укладывается в рамки отношений именного определения и определяемого (когда предшествующее является определением для последующего). [1])

Из сказанного можно сделать вывод такого рода, что некогда существовал и до сих пор еще не изжит в языке Коми процесс

---

[1]) В детерминативную связь в языке коми вступают имена или совсем без формы, или оканчивающиеся на определенные суффиксы словообразования, о которых надеюсь сообщить в другом месте.

соединения слов такого типа, который с одной стороны привел к возникновению в конечном счете суффиксов словоизменения и который, с другой стороны, яснее сохранился в характере соединения слов по типу определения и определяемого. Несомненно первоначальный характер этойсвязи нельзя отожествлять с современным характером ее. Он, по всей вероятности, был несколько другой.

Для лучшего разумения первоначальных возможных форм детерминативных связей, вернемся снова к примеру, аналогичному приведенным.

Слеза по коми будет **сін-ва**—„глаз вода", т. е „вода глаза". С грамматической и бытовой точки зрения это сочетание нам уже понятно.

Можно подойти к данному примеру и с логической точки зрения. Из данного сочетания видно, что слезы представляются коми в виде воды, которая может быть самая разнообразная-речная, морская, фруктовая, из глаз и т. д. Но слезы, глазная вода, будут определенной частной разновидностью понятия воды и потому об'ем понятия **слезы** как частного понятия воды, будет меньше об'ема понятия воды (см. логическое опред. понятия с точки зрения его об'ема и содержания). С точки зрения логического подхода понятие вода **ва** будет родовым, а „слеза" „вода глаза" будет понятием видовым. Но можно к анализу этого сочетания подойти и с другой точки зрения, с точки зрения происхождения и генетического отношения самих предметов. Если мы оторвемся от логики и обратимся к самим предметам, то увидим, что глаз, как сложное целое, заключает в себе и все то, что входит в этот предмет в качестве составной части или что может произойти из этого глаза как производное. Так, глаз, как внешний видимый комплекс, заключает в себе яблоко, зрачек, ресницы и т. д., а с другой стороны может породить и воду. Таким образом, все то, что глаз заключает в себе как реальный материальный предмет, будет понятием частным видовым по отношению к родовому (в буквальном смысле) „глаз". Таким образом, конкретно, вода та, именно, которая происходит из глаза, будет явлением частным. Но эта же глазная вода, кроме своего индивидуального конкретного частного названия, **ва** „вода", не требующая никакого определяющего названия при наличии перед собой в момент возникновения слова самого родового предмета глаза, из которого в дан-

ную минуту проистекает слеза, в других условиях обозначения требует эквивалентного, но более точного, наименования, сочетания своего видового имени совместно со своим „отцовским", родовым (в прямом смысле) именем.

Если будем продолжать, удлинять наметившиеся ряды понятий, то при применении логического принципа, мы далее сузим основное понятие до степени подвидового когда спереди присоединим еще одно слово **мам** „мать"-тогда выражение будет—„материнские слезы". Наоборот, представив себе материнские слезы или слезы матери как родовой предмет, мы можем в его составе указать новый составной элемент-„капля".

Понятие **туо** капля, слезинка будет аналогично предыдущему звену заключаться внутри **ва** „вода". Здесь намечатся другая цепь понятий, идущая в противовес первому направлению в направлении нисходящем—последовательность 2-го типа. Таким образом, мы имеем последовательность сочет. слов 2-х типов. Если будем опираться на логический принцип, то ряд будет нарастать от определяемого к определителям и каждый определитель может быть определен новым определителем; с другой стороны, если какой-нибудь член композитума возьмем за основной и будем его рассматривать, как **родовой предмет,** в генетическом смысле то линия развития пойдет в противоположном направлении и будет нарастать по условиям реального существования предметов в последовательном порядке во времени, т. е. в порядке зарождения видового предмета из родового (**оін ва туо жын** „глаз вода капля половина") и в том же порядке по произношению.

Из этого анализа наметились две возможные линии развития интересующей нас детерминативной связи—в логическом смысле и в родовом смысле, в восходящем и нисходящем порядке.

Если мы теперь зададим себе вопрос—который из этих двух принципов связи исторически более первичен, то можем с достаточно большим основанием указать на родовой генетический тип связи, как на более первичный, более реальный.

За этот тип этнография, фольклор, первобытное мировоззрение. Основным принципом примитивного мировозрения является именно стремление все явления внешнего мира осмыслить при помощи идеи происхождения. Знать вещей происхождения значит по Каливале, овладеть вещью, значит обезвредить, покорить окружающие человека внешние силы(ср. заговаривание пореза) и т. д.

Но у нас имеется и реальный ряд, вид композитума, основанный всецело на родовом принципе—это родовые имена. Здесь характер последовательности определяется родственными отношениями поколений, а сама последовательность—моментом возникновения следующего поколения и его имени. Для иллюстрации приведу свое родовое имя, оно звучит так; Мішö Ваӊ Семö Ԁӧљӧ Семӧ Ӧљӧ. Здесь мы имеем последовательность имен предков, к которой на конце присоединяется личное, индивидуальное имя. В данном примере мы видим грамматически ту же связь детерминативную, что мы имеем в композитуме обычного типа, но здесь связь реальная, жизненная, она заключается в реальном происхождении, каждого звена от предыдущего. Здесь реально, а не логически только, дается связь явлений, а также и последовательность самого хода их, что и запечатлевается в тожественном расположении слов: родовое, определяющее—раньше, видовое же, определяемое, индивидуальное-в конце, так как реально это есть самый поздний факт, присоединяющийся уже к готовой цепи их.

Последовательное наращение звеньев в цепи родовых имен есть последовательность историческая. Эта последовательность наращения родовых поколений и их имен есть тот реальный психический и языковый фактор, который должен был вызвать в связи с мышлением по родовому принципу ту последовательность в синтаксической связи между двумя соседними словами, из которых первое является определяющим, второе определяемым, и которая сохранилась в словообразовании языка коми до настоящего времени.

Это же отношение родового имени к имени потомка грамматически есть отношение определителя к определяемому. Процесс изменения связи слов от генетического принципа к логико-грамматическому принципу есть процесс изменения основ мышления-от мышления по родовым принципам к логическому мышлению. Этот процесс неизбежно должен был отразиться и на понимании связи между членами родового имени. Так, если мы за исходную точку установления связи в род. имени возьмем имя первого предка, тогда все имена потомков расположатся в нисходящем порядке по 2-му типу связи, если же за исходный пункт возьмем имя последнего члена или поколения, то весь ряд будет связан в восходящем порядке и все предыдущие члены будут играть роль не названий родовых предметов, а простых определителей к индивиду-

альному имени. В других же случаях перерождение родового порядка взаимоотношения слов в отношение логическое, синтаксическое, совершилось полностью и та цепь понятий, которая по частям анализирована нами по двум принципам с восходящей и нисходящей последовательностью: **ыжыd <мам <оiн <> ва> туо> жын**, она в настоящее время воспринимается нами как однородная с одной восходящей последовательностью, где последний член является определяемым, а все предыдущие—определяющими соседних последующих членов—**ыжыd <мам <оiн <ва <туо <жын.**

Этот процесс пересозидания связи между членами детерминативной цепи из одного типа другой, от типа родовой связи в тип логический, есть процесс разложения родового строя, родового мышления и он, этот процесс, неизбежно связан с изменением значения индивидуальности, роли личности. Когда вместо родового имени появляется индивидуальное имя, тогда эти родовые члены детерминативной цепи превращаются в простые аттрибуты, в определения, значит, тогда зарождается синтаксически понимаемая связь, которая в настоящее время в пределах чисто лингвистических факторов не получает никакого об'яснения.

Таким образом, в последовательности родовых имен мы имеем разрешение противоречия между тремя точками зрения на детерминатив 1) логической, 2) грамматической—формальной и 3) культурно-исторической, социологической. Социальные, именно родовые, взаимоотношения, отраженные в мировозрении и в системе родовых названий, суть прототип той синтаксической связи, которая характеризует взаимоотношение определения и определяемого. Это та социальная основа словообразовательного процесса, на почве которой корневая система языка перешла к агглютинативной. Одновременно решается вопрос—почему определяющее стоит впереди определяемого: предок бывает раньше потомка. [1]) От агглютинативной же системы к флективной мы имеем в одних случаях продолжение тех же процессов, в других же—наличие новых факторов и исчезновение старых.

Отсюда делаю выводы. Вопрос о синтаксической связи между определяющим и определяемым словом вопрос общий, касающийся основных вопросов эволюции речи. Разрешение его затрагивает вопрос связи синтаксического и морфологического принципов с

[1]) В семитических языках иначе. Автор.

одной стороны и перехода корневого языка в флективный с другой. Разбираемый вопрос есть вопрос не только языковедческий, но и социологический, этнологический. Для окончательного его разрешения необходимо детальное изучение с грамматической точки зрения родовых имен самых первобытных племен в связи с грамматической системой их языков и форм их общественной жизни.

В. А. Ильинский.

Проблемы топонимики Коми области

(Отклик на статьи ИКС'а и ИГРЕК'а).

Ст. I. Название рек.

В среде историков все чаще и чаще раздаются голоса о ревизии традиционной концепции истории б. России. Следует отметить позднейшие работы, заостряющие эту проблему ревизии: проф. И. М. Катаева „К вопросу о культурном состоянии населения Приокского бассейна в VII—XIII в. в. в связи с проблемой об „особом начале" для „Великорусской истории"[1]); проф. А. Е. Преснякова „Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы"[2]) и Е. Н. Быковского „К вопросу о трех древнейших центрах Руси"[3]). Наконец, по вполне понятным побуждениям, эти общие темы локализируются в местных исследовательских штудиях напр. у коми. Из числа последних укажем, к примеру, критическую часть статьи Икс'а „Очень близкая задача (ко вниманию наших краеведов-лингвистов)"[4]). Автор смущен тем, что методами ортодоксальной финоугристики не об'яснить ряда местных названий напр. Но-шуль, Шой-на-ты[5]).

Не анализируя их специально в предстоящей работе, отметим, что эти наименования могут быть введены в общую схему яфетидологической интерпретации материала (учтите — Но-шуль, Шой-на-ты).

Цель настоящей заметки иная — выявить некоторые организационные моменты краеведческой работы по топонимике Коми края, в связи с топонимикой севера Европейской части РСФСР, демонстрировать метод работы и заострить внимание коми краеведов на яфитидологию; подчеркнуть, что с историками и археологами у лингвистов, сторонников яфетидологического метода, могут быть самые интимные встречи, взаимно оплодотворяющие специальные изыскания

и, наконец, выявить яфетическую природу некоторых групп названий рек указанных районов, критически рассмотрев ранее предложенные этимологии.

Коми читатели имеют уже некоторое, хотя далеко не полное, псведомление об яфетической теории[6]); литература предмета доступна[7]), поэтому я не буду устанавливать общих тезисов.

Топонимистический материал имеет особую методологическую ценность при увязке лингвистических работ с историей жизни человечества, в том числе, понятно, и с историей материальной культуры, так как топонимика—постоянно раскрытая книга истории человечества, в которую каждое племя, каждый народ, вернее каждый господствующий в данное время класс (учтите С.-Петербург—Петербург—Петроград—Ленинград) наносит этапы путей своей жизни, или, как говорит акад. Н. Я. Марр: „Нет страны, где топонимистический материал не представлял бы состава из наслоений различных эпох, так даже в районах с цельным яфетическим населением. Попробуйте обойтись в Грузии одним грузинским языком, хотя в обоих его разрезах: древне-литературном и так называемом новом при толковании названий населенных пунктов, гор, озер, рек, и т. д., пусть лишь в тех частях, где казалось, кроме грузин никогда никого и не было на памяти самых древних исторических свидетельств. Осечетесь на третьем названии. А, в прочем, и на первом" [8]). Яркой иллюстрацией к этим словам может служить одна из кардинальнейших тем не только северо-востока РСФСР, но и северо-запада Сибири — проблема „Чуди", которая в настоящее время решается далеко не так просто, как во времена Европеуса и, даже, И. Н. Смирнова. Теперь уже не возможно большинство местных названий, которые исследователи не могут об'яснить, в силу тех или иных причин, из русского, угрофинских или других языков, приписывать этому мифическому народу [9]). Специальные археологические изыскания А. В. Шмидта [10]) пока что решили вопрос. Но для того, чтобы выводы автора—историка материальной культуры—стали убедительны для всех, должна быть проделана некоторая работа: во первых должна быть составлена карта всех мест, так или иначе связанных с проблемой „Чуди" и, во-вторых, должна быть начата лингвистическая разработка хорографии.

Не нужно забывать, что в последние годы в языкознании произошла революция, подобная Октябрьской. Так быстро развивается яфетидология, так утончаются методы работы, поэтому в настоящее

время не представляется возможным в частности трактовать о переселениях народов или их расселениях в древности только потому, что в том или другом месте бытуют названия рек, гор, урочищ и т. д., аналогичные коми, удмуртским или словам неньцев. Подробные примеры—в дальнейшем.

Разработка данных хорографии может и должна представлять интерес не только для топонимиста, но и для специалиста по общему языкознанию, так как на севере, напр. мы имеем ряд таких названий, которые или с трудом поддаются об'яснению из финно-угорских, русского и др. языков, или совершенно необ'яснимы. Таковы, например, названия рек Ир-до-м (Вохомский район, Северо-Восточной области ср: Ир-ва (приток реки Мезени, р. Ир-ма (в б. Малмыжском у.) и др. Если первая часть Ир может быть об'яснена без большой нятяжки из коми jір, jыр глубокое место, 'омут', то вторая часть—дом—не может быть удовлетворительно об'яснена, если не учесть возможностей палеонтологического анализа[11]).

Нас обязывает, наконец, совершенно законное к лингвистам требование дать перевод и толкование т. н. „об'яснительных частей", сложных речных названий, тем более, что до настоящего времени мы имеем попытки об'яснения некоторых названий совершенно ложные—из созвучия слов. К слову сказать, это созвучие также губительно в лингвистике, как вредительство в экономической жизни страны. Такие этимологии в настоящее время несколько гигантских шагов назад, но они, к сожалению, встречаются и у исследователей коми. Проф. А. Н. Грен[12]) название Шой-на-ты (а равно совершенно закономерно и Шуй-на-ты) переводит „озеро трупов", тогда как здесь скрещение элементов и результат—слагаемых: „вода"+'вода'+'вода'. Незнание основ палеонтологии речи, слишком свободное обращение с данными языка часто приводит к нелепостям. Найриосенга[13]) название Москвы выводит из слов мöс куа и получает „место, где есть коровьи кожи", (sic). В приведенных нами случаях (их можно набрать большое количество), совершенно ясна та же беспомощность, что у Рогова[14]), который пытался об'яснить название р. Кор-доз, как сложное из кор 'луб' и доз 'посуда', ссумируя 'лубянная посуда' (!) так что против такого, по истине варварского, об'яснения был, в свое время, вынужден протестовать проф. Н. И. Смирнов[15]), или у Н. К. Чупина[16]), об'яснившего название р. Койвы ср.: Кай-ва; Кой-ва; суммой коми слов Кой 'брызгай' и ва 'вода'.

Ранее сказанного вполне достаточно для того, чтобы сделать необходимейшие выводы о срочности ревизии топонимистического материала, но заметим еще одно условие, научно-общественного характера, плототворности дальнейшей работы по краеведению в той или иной области.

Краеведы мало связаны взаимно. Они, в большинстве случаев, работают в узких рамках отдельных обществ. Особенно сильно и отрицательно ненормальность подобного положения и направления работы выявляется в области так называемых „гуманитарных" наук. Само собой понятно, что в условиях развития социалистического строительства такой кустарный метод организации работы особенно не терпим. Одной из тем коллективной работы (хотя бы в порядке социалистического соревнования) ряда краеведческих организаций (напр. Общества изучения Коми края, Вятского Научно-исследовательского Института краеведения и исторического общества, кружка по изучению Северного края при Пермском Государственном Университете) и отдельных краеведов, может быть топонимика и, в частности, „Чудская" проблема.

Еще одно замечание общего характера—в вопросе об удвоении и скрещении элементов [17]) мы стоим всецело на платформе акад. Н. Я. Марра: „Альфа познания словарной палеонтологии, что в известный период, долгий период человеческой речи, удвоение служило средством для производства новых слов" [18]). Таковы напр., остяцкое ю + ган ср. юракское ю + га 'река' где „га" изводное из ган и мн. др.

В материальной части нашей заметки мы рассмотрим, пока-что, несколько групп наименований рек Коми области и попытаемся выявить их яфетическую природу. Еще раз подчеркиваем при этом, что сохранившиеся в определенных языках (русском, коми, вогульском, удмурдском) те или иные термины для обозначения воды и реки, а также их дериватов, мы рассматриваем как яфетические реликтовые отслойки, (напр. коми ва 'вода'; русское во-да и др.)

I. Кур + ья—название многих небольших рек.

Прежде всего, вопрос о части кар в наименование рек севера должен быть предметом особого рассмотрения. До сих пор было, безусловно, принято предположение, что здесь мы имеем ничто иное, как перенесение на реку названия близь расположенного поселения (городка) [19]). Но, возможно, что в ряде случаев, мы имеем совершенно параллельно и независимое друг от друга словотворчество.

для доказательства нашего предположения достаточно вспомнить, во-первых, приводимое А л к в и с т о м северо-остяцкое, почему то называемое топонимистами, кар-+-ья. Можно напомнить, также, приводимые Д а л е м[20]) русские кар-да-г (пермское) 'болотистое' место; кар-га (олонецкое) 'топкое' место в лесу. В таком случае об'яснима вторая часть названия притока р. Вычегды—Лен-ка, что не об'яснимо (без полнейшего произвола) при традиционном толковании—от женского имени Лены, изводного от Елены.

Что же касается—возвратимся несколько назад—части кар[21]) в словах, означающих 'городище'—напр. Вой-кар; Ур-кар, то не следует ли Кар в данном случае считать образованием, о т л и ч н ы м от кар в ранее указанном значении, относящемся к 'реке' или, в самом крайнем случае, более далеким по схеме.

Вода < небо > город

Рука > камень?

Не имеем ли мы здесь яфетический эквивалент н е з а в и с и м о г о образования, который следует сближать с эстон. кар-и паралл. кар-е кряж подводных 'камней', армянским кар-кар, куча 'камней'[22])[23]).

Наименования рек: Кай; Ка-ма, изводное по нашему мнению, из кар-ма, ср. р. Карма в Сибири[24]) Камарья, Кал-ья (впадает в реку Водлу); Ко-ла, (в б. Пермской губернии); Кол-ва; Кол-ды, Ко-са; Ко-кай; Кор-а (близ Холмогор); Кор-ма; Ко-м-ша (приток Важки) Ко-ма аналогична Ка-ме изводное из Ког-ша ср. закономерное Кол-ма; Кор-шур; известный уже читателю Кор-доз; Кой-ша (близ Холмогор) и мн. др. легко могут быть об'яснены как яфетические реликтовые отношения. До сих пор в яфетических слоях русского, угрофинских языков и др. сохранились убедительные доказательства этому: таковы русские двух элементные кор-га; соответственно кар-га в значении 'взморье'; 'берег' (Байкала); кор-ба (Олонецкое) 'сырая' низменность под ельником; им отвечают лопар. йо-кка 'ручей'; йо-ка 'река'; марийское кор-ым 'овраг'; [25]) эстонск. ко-ск в значении во-1-ых) 'водопада' во-2-х) быстроты 'течения'; кол-к (род. пад. кол-га) морской 'залив'; русское (Архангельское) кор-е-ба мелкий 'дождь' свидетельствует о далее зашедшем процессе скрещивания, в то время как в эрзено-мордовском кал рыба [26]) и коми кой 'брызга'; кол-а 'болото' (в старых руслах рек) имеем одно—элементарность. Методологическое замечание: когда В е с к е[27]) выше указанное марийское слово кор-ым, а также кор-а-ш, а затем эстон кур-у 'угол';

узкий ‘путь‘ между заборами, пытался не только формально—фонестически сблизить, что, как видим, фонетически допустимо, но и увязать идеологически говоря: „Все эти слова развились из одного первоначально кур или кор, кыр, которым финны старались изобразить известный глухой, дрожжащий звук (шум), производимый водою, когда оно протекает через различные препятствия: по камням, по склону, с обрывистого берега, и при этом отмывает землю“ — то нам ясно, что Веске сопоставляет слова, имеющие довольно далекое палеонтологическое родство, сопоставлять которые следует с большой осторожностью.

Доказав, что слова на кар, кор в данном случае означают воду, мы, в порядке разновидности, адекватных звуков, займемся словами на кур с его перерождением без изменения количества гур; падение сильного у в слабый ы дает нам параллельную линию кыр-гыр. Материальная сторона характеризируется эстонск. кур-а ‘осадок‘; кур-к ‘бухта‘; ‘залив‘; ‘губа‘ морская; кур-м ‘бухта‘: суоми кур-и-му-с ‘водоворот‘; ‘пучина‘; русскими (пермское) кур-ья 1) длинный и узкий речной ‘залив‘; 2) рукав или проток ‘реки‘, отделившейся от нее и впадающий потом в нее же; 3) старица: сюда относятся названия рек: кыр-ья т. н. Большая Кыр-ма; Шу-гар; а рек. с названием кур-ья достаточно много для того, чтобы их перечислять.

II. Jу коми ‘речка‘ и jа вогульское ‘река‘ уже раз‘яснены яфетидологией. Эти яфетические отношения очень распространены на севере: ср. карельское йо-ги в чередовании йо-ге ‘река‘; суоми йо-ки ‘река‘, лопарское йо-кк, йо-ка в чередовании йо-га: йу-хо ‘река‘; эрзя—мордовское йач-ке [28]) ‘пруд‘. Ср. названия рек Сар-ью; Рас-ю; Сой-ю. Учитывая их одноэлементность и элементарность мы не можем согласиться с Веске в анализе таких сложных слов, как лопарское йо-га в чередовании йо-кка; марийское йо-го ‘течет‘; остяцкое йо-ган ‘река‘; ‘ручей‘ которые он не только считает односложными, но и восстанавливает к ним праформу йо-го. Га, ган, кка в этих случаях, между тем, не что иное, как второй творческий элемент: ср. кушвин.—самоедское ой-га ‘река‘; эстонск. йу-га 1) ‘водопад‘; 2) ‘брод‘; йу-н-ка ‘ледяная‘ сосулька; ср. относящиеся к этим же родам, указанные акад. Н. Я. Марром, тунгуск. кан ‘ручей‘; корейское ган и т. п. В приводимых нами ранее сложных словах (напр. олонецкое кар-го ‘топкое‘ место в лесу) часть га, перерождение из ган, а может быть и из гор, относится именно сюда.

Об эквивалентах в яфетических (в тесном смысле слова) язы-

ках см. акад. Н. Я. Марр „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом отношении их племенных названий“ [29]).

III. Когда Веске [30]) в анализе слова сал-ма (карельское; русско-архангельское) ‘пролив‘; ‘проран‘ меж берега и острова или меж островов; (олонецкое) ‘залив‘; ‘губа‘, ссылается без поговорок, следовательно тем самым соглашаясь, на этимологию Доннера, утверждавшего, что сал-ма в чередовании сал-мы происходит от корня сал ‘узкий‘; ‘длинный‘, так, что сал ма есть узкое пространство ‘воды‘ между островами или между островом и материком, то в настоящее время мы уже знаем, что как в слове сал-ма, так и в слове сал-ми намечены две части, эквивалентные в значение воды. Более того—ряд названий рек, приводимых нами в последующем, в сопоставлении с другими, самантически равнозначными словами, совершенно точно корреспондируют данному слову.

Мы уже знаем, что сал чередуется с сар, в падении дающим сай; сар в перерождении дает зар, падение которого зай. Это элементы яфетидологической техники. Материально сюда принадлежат: коми сар ‘море‘; удмуртское сар—езь [31]) ‘море‘; башкиро-мишар са-з ‘болото‘; лопарское са-ме ‘болото‘; остяцкое саа-п ‘ручей‘; енисейско-остяцкое са-с с перерождением его за-с ‘река‘; суоми сал-ми ‘пролив‘; эстонское са-гар ‘туча‘; ‘проливной дождь‘; русское сал-о ‘шуга‘; ‘ледяная‘ кашица; сар-ма ‘речной‘ порог; ‘мель‘; ‘ом ут‘ са-га ложбина серпом, вероятно от ‘старицы‘ на плоских мысах степных речек, горбом к реке, в разлив заливается; (иное об‘яснение: долгий песчаный мыс).

Отсюда название рек Сар-а; Сар-ка; Сар-ью; Сар-ма; Ин-сар-а; Са-вя; Са-вал-а; Зай; Зай-ью.

Связь звуковых соответствий по линии Сар достаточно велика и, как увидим в дальнейшем, при каждом переходе мы можем привести, как пример, несколько наименований рек—так богато яфетическое наследство на севере!

Сар в перебое сер с его разновидностью сир, дающей в падении сий; сер в падении дает сей; зар в перебое—зер, падение последнего—зей, с его разновидностью—зий.

Ср. коми зер ‘дождь‘; удмуртское ки-зер ‘жидкий‘.

Имеем названия рек: Сер-га; Сер-ва;—приток Лолога; Се-вер-а; Сей-ма; Зер-ва; Си-ва.

Сар в чередовании—сор; в перерождении сол; а в падении сой; сор при перерождении дает зор, а в падении последнего—зой.

Ср. удмуртское йӧ-зор 'град'; лопарское сӧ-в и его чередование сӧ-ва 'море'; суоми сол-а 'овраг'; 'лощина': остяцкое сӧр-ет, сӧр-от [32] [33]) 'море'; русское (побережье Байкала) сор 'отмель' поросшая камышем и кугой, или с наносным хламом, дрязгом; (тобольско-томское)[34]) обширные 'поемы'; 'поймы'; эстонское сос 'болото'; сор-и-та 'течь'; 'журчать'; сой-дор открытое место во ,льду'.

Названия рек: Со-кур; Сор-дюр; Сор-а, приток Лима; Со-ва; Со-га; Сой-ва; Сой-ма; Сой-га; Соль-ва; Сол-я; Сол-да.

Сор адекватно сур, дающим в падении суй. Сур одновременно при перерождении дает сыр, чередующийся с сыл. Ср. русское су-ша 'вода' и 'воды'; сулой (Архангельское) 'вода' [35]) суоми сул-а 'проталина'; эстонск. сул-г 'затопленный'; удмуртское су-ме-д 'ил'; русское сыр-ой и т. п.

Имеем названия рек: Сур-а; Сур-гу-м; остяцкое название р. Сӧ-до-м; [36]) Су-ма; Сю-ма; Сул-а, приток Мезени; Сур-га, приток р. Кол-ва; Сылва и т. п.

Мы проработали материал по линии свистящих, по линии шипящих—картина аналогична.

Шал чередуется с шар, чередующимся с шор, при падении дающем шой; шор адекватно шур, падение которого шуй; шар при падении переходит в шай.

Имеем; коми шор [37]) ручей; 'река'; удмуртское ша-ры-ш 'капля'; шур 'река'; шур-вож 'устье'; шур-йыл 'исток'; мари шар-а-ш стоячая 'лужа'; шар-га капля воды; осадок 'влаги' [38]) на холодных стекляных предметах; шор-ла-ма поло—'водье'; 'разлив'; шор-ла 'вода' разливается; шор [39]) — говорят о звуке весенней разливающейся 'воды'; шор-р [40])—говорят о шуме от сильного 'дождя'; шур-га просачивается 'вода'; шу-быр, равно шо-быр—о звуке при прыгании в 'воду'; шу-выр, равно шо-выр—о звуке при падении в 'воду': русское шар морской 'пролив'; [41]) шуга, [42]) шал-га.

Сюда принадлежат названия р.р. Шар-а; Шар-ю; Шар-да, приток реки Нижней Пинеги; Ир-ша; Ша-ча; К-ша; Шо-ша; Ша-га; Шор-е-га: К-ва-шур; Шур-ма; Кор-шур; Кор-о-шур; Кол-о-шур; Кар-шур; Шуй-ма; Шай-ма; Ыб-шор; Вой-шор; попутно, скорее как методологический пример, отметим относящиеся сюда р. Суры у Мари-шур. Следовательно—в русском языке мы встречаем свистящую ветвь сибилентной группы, а у Мари той же ветви — шипящую группу!

Наконец, сюда же относятся наименование оз. Шал-о, из которого течет р. Палуй, впадающая в р. Сясь и др.

При а в перебое е: коми шер 'град'.

Сал в под'еме дает тал, чередующийси с тар, в свою очередь чередующийся с тор, в падении той. Падение же тач-тай. Перебой тар-тер. Тор адекватно тур, падение которого туй. Тур чередуется с тул, падение которого—тыл.

Ср. вогульское та-гил и чередование его та-гул; остяцкое та-г-т 'приток реки';[43] суоми тул-ва 'прилив'; эстонск. тал в 'снег'; тел-л 'льдина'; тич-п родит тур-ва 'сыроватый'; тур-и 'залив'.

Имеем названия рек—Тал-а, Тал-та, Тар-у-са, Тар-а, приток Яренги; Той-ма, Той-я, Тар-га, То-ма-рас, Тер-а, Тер-са, Тер-ма, Туй-га, Туй-ва, Тур-ма, Тыл-а-вел, приток Кылтовы; оз. Тор и Тур.[44][45]

IV. Вал чередуется с мал и чередуется с вар, в падении дающим вай, мар же в падении—май.

Имеем: коми ва 'вода' (ср. зер-ва дождевая 'вода'; ва-бер-га-ч 'водоворот'; ваа 'водный'; 'мокрый'; ва-мы-ны 'воденеть'; ва-д 'трясина'; удмуртское ю-мал 'пресный'; суоми вал-а 'муть'; вал-у-а 'течь': вöр-г 'струя'; мöр-кö 'мокрый'; эстонск. мöр-г 'мокрый'; русское вал; вай-га 'русло' (ср. вай-га-ч); мар-но (тульское) 'пасмурно'.

Сюда относятся названия р.р. Вал-а[46])—приток реки Кильмези; Валь-га; Вар-ю-га; Вар-зу-га; Вар ма; Вар-на-ва; Вай; Ва-га (название двух рек—первой в бассейне р. Сев. Двины; второй—в бассейне р. Енова); Ва-ка; Ва-ма; Ир-ва; Мил-ва; Малый Вал-ай, приток Березовы; Вай-мо-га; Маль-ма, Юл-ма, приток Вишеры. Для связи можно указать несколько наименований р.р. средней полосы РСФСР: —Вар-я; Вар-гол; Вал-о-ва; Мал-о-ва. Последние, наверное, из Валва; Мал-ва.

Вол чередуется с мол и с vог, чередующимся с мор. адекатным вур, чередующимся с мур. Вор в падении дает вой, чередующийся с мой, который адэкватен вуй, чередующимся с муй.

Имеем: коми вор-га 'желоб'; 'углубление'; 'ложбинка';[47]) войт 'капля'; 'поток'; во-м 'устье'; водж 'запруда'; мол-ынь 'мокрота'; удмуртское ву 'вода'; 'жидкость'; 'сок'; ву-дур 'берег'; ву-мур 'омут'; мур 'глубокий'; мур-гу 'ров'; эстонское воо течение 'воды'; воо-г; 'течение': воол-е 'волна'; воол (поэтическое) 'течение'; 'волна'; вол-а-ма 'течь'; русское вол-о-га 'влага'; 'вода'; 'жидкость'; мой-ка;

муль (ярославское) 'муть'; мутная 'вода'; мур-ья (архангельское) 'ямина'; сюда же относится и обще-русское во-да.

Топонимистические данные: названия р.р. Вол-ва (в верховьях Камы); Вол-да; Вол-ка; Воль-ка (близ с. Афанасьевского—Гидаева б. Омутинского у.); Воль—приток Вычегды; оз. Вол-до; Вор-ью: приток Вычегды; Во-я; Вой-ма; Вой-са, приток р. Вятки на правом берегу. Мол-а—приток р. Кубины; Мол-о-ша; Мол-ва; Мо-ша, приток р. Онеги; Мур-га; Мур-а; Му-ша; в б. Уржумском у. Этот список можно было еще, наконец, продолжить, привлекая материал средней полосы РСФСР. Ср.: Бор-а, в падает в Белозеро; две реки Вор-ья 1) приток р. Угры, 2) Клязьмы; три реки Вар-ша: первая—приток р. Клязьмы; вторая и третья в б, Елатомском у; Вой-гол в б. Трубачевском у., в падающая в р. Посол, приток р. Десны; и р. Вол-га должна занять свое место в этом списке. С га наименованием следует сопоставить названия, почему-то обычно топонимистами не сопоставляемые, р.р. Волга, что в падает в р. Клязьму; Воль-га; Вол-ю-га.

В е л чередуется с м е л; в и л с м и л и аналогично с в и р, в свою очередь чередующимся с м и р, последний с в е р. В е р же с м е р.

Имеем: коми ви-с 'ручей'; ви-зыл 'текучий'; 'быстрый'; удмуртское ви-зыл 'течение'; 'текучий'; пуж-мер замерзшая 'роса'; западно-русское вир 'омут'; 'водоворот'; суоми ве-си 'вода'; ме-ри 'море'; мордов-эрзенское ве-дь 'вода'; ве-ре-к 'сырой'; эстонск. ве-си 'вода'; мери 'море'; ве-дел 'жидкий'; 'водянистый'; вир-да-ма кружиться о 'воде'.

Сюда относятся названия р.р. Вель—близ г. Вельска; Вель-суй—приток р. Вытегры; Вел-ва—приток Печоры; Виль-ва—1) приток Камы; 2) приток Чусовой: Мел; Мар-а—левый приток верхнего течения р. Вятки; Ме-ва приток Костромы.

В настоящей работе мы опускаем материал не только западноевропейский (ср. названия Ме-мель и др.), но, большею частью и средне-русской равнины—напр. Мер-и-на (пересекает границу б. б. Полховского и Козельского у. у.); Ме-да; Мерская река; Мер-ла, приток р. Ворсклы; Мер-на в б. Муенском у.

П а л в перерождении б а л; пар в перерождении бар; пар в падении пай, в перерождении бай.

Материальная часть: русское пар; пар-о-сь (владимирское) мельчайший 'дождь'; русское и урдмуртское бар-да 'уща'; (мезенское)

павна 'проток'; 'ручей'; (в болоте); па-водь параллельно па-водь-йе внезапное 'наводнение' от ливня; па-вол-на ср. вол-на круглое волнение (на 'воде') после бури; суоми п⁻-то 'запруда'.

Названия рек Пал (две реки в б. Яранском у.); Пар-юг; Пар-ма; Бар-ма (в б. Глазовском у.); Ба-кур; Пал-ья — южный приток реки Печоры и др.

Пол, перерождаясь, дает бол, адекватное пул, перерождающиеся в бул; пор перерождается в бор, адекватное пур, которое перерождается в бур; пел перерождается в бел; пил—в бил; пер перерождается в бер, что в падении дает бей; пер в падении—пей; пор в падении пой, перерождающееся в бой, адекватное пуй, перерождающееся в буй; пер чередуется с пир, перерождается в бер, чередуещееся с бир.

Имеем: коми бöр-дö-м 'плач'; 'вой'; бöр-д-ны 'плакать'; удмуртское бöр-дон 'плач'; 'вой'; ву-бер-ган 'водоворот'; пор-те-т 'омут'; эстонск. пор-и-к 'болотистое' место; пар-су-ма 'размокать'; истлевать от сырости; пи-сар 'капля'; пир-с 'капелька'; пи-сар да-ма 'капать'; пул-л 'водяной' пузырь; суоми por-é (ср. в слове веса rakko pore—водяной) 'пузырь'; por-e-йä ледяная 'кора'; пор-е веси 'вода', стоящая поверх льда; пур-о-ру-чей; русское пой-ло (параллельно пой-во) 'питье'; пол-ый || пол-ой (вятское) струя разлитой по полу жидкости,—квасу, воды и т. п.; (северо-двинское) проталина во льду; пур-ить (псковское) точить 'жидкость' струей; биль (архангельское) чистое, голое, маховое 'болото'; бур-да'барда, бур-ва (камское) 'ямина'; колдобина, в которой есть незамерзающий ключь на дне; буль—звук при падении чего нибудь в 'воду'.

Сюда относятся названия рек: Пол-о-ма; По-ло-м-ка; Пол-о-м; Пол-а-ли-т; Поль-ва, приток Обвы; Пай, приток р. Геньвы; Пой-ма; Пер-га; Пу-я; Бол-ма; Бол-да; Вож-бол; Важ-бол; Сон-бол, приток Лозьвы; Тай-бал-а—названия многих рек в Сибири; Буй—близ гор. Буя; Би-я—близ г. Бийска; оз. Ле-нель.

Примечания и литература к 1 части

1) Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете II вып. 88—106 с/в.

2) Яфетический сборник V т. 1—22 у. 7.

3) Труды Вятского Педагогического Института т. III вып. VI 1928 г.

4) Записки Общества Изучения Коми края 1 т. 101—44.

5) Все яфетические слова приводятся в делении на элементы. О элементах см. литературу, указанную в 7 примечании.

6) См. хотя бы А. С. Сидоров яфетическая теория и коми язык „Комі му“ 1926 № 10/43—74.

7) См. Марр Н. Я. 1) Яфетическая теория Баку 1928 г. 2) По этапам развития яфетической теории Москва. 1926 г. 3) Актуальны проблемы и очередные задачи яфетической теории Москва 1929; Мещанинов И. И. Введения в яфетидологию в 1929.

8) К вопросу о топонимике Крыма. „Известия Таврического Общества“ истории, археологии и этнографии 1927 г.

9) Таковы, напр., утверждения В. В. Комарова в статье „Северо-Двинский Край“ см. 1—35 ст. 6 сборника Северо-Двинская губ. В.-Устюг; Верещагина „Очерки Алтая“ Новосибирск 1927 г. собств. стрр.: 22 сл.; В. М. Подорова „Что такое чудь и ее отношения к народу коми“. „Комі му“ 1928 № 9—10, 70—81 ст. 7.

10) О чуди и ее гибели. Записки Уральского Общества любителей естествознания 40 т. 2 вып. 49—53 ст. 6.

11) Акад. Н. Я. Марром коми ва ‘вода‘; ма в чуваш— двухсложных (А + В) шер + ма ‘река‘ и в теторо-татар. у + мар большая ‘река‘ уже раз‘яснены, как яфетические. см. „К вопросу о названиях р. р. Сибири в освещении яфетической теории“. „Известия Академии Наук“. 1926 г. 352—3.

12) Археологическое и этнографическое путешествие по Вишере и Нившере. „Іуgreeting туј“ 1927 № 102.

13) Зыряне, их язык, мифология и народная литература „Жизнь национальностей“ 1922 № 18, 2—4.

14) Материалы для описания быта пермяков. „Журнал министерства внутренних дел“ 1858 г.

15) Пермяки, 1891 г.

16) Географический и статистический словарь Пермской губернии т. 2 вып. 4, 1877 г. 64.

17) К сожалению, нет возможности в настоящей заметке познакомить читателя с яфетидологической техникой и словарем, поэтому статья будет несколько трудна. Отсылаем к литературе, указанной в 7 примечании.

18) Карфаген и Рим. Сообщения Государственной Академии Истории материальной культуры II т. 380.

19) Сидоров А. С. Памятники древности в пределах Коми края „Комі му“ 1924 № 4—6; 1926 № 6—7.

20) Хотя тождественность слов, а равно как и названий рек, текущих в далеке друг от друга (напр. Сур-а 1) река впадает в Волгу; другая — в Днепр; третья течет по б. Архангельской губ.; или р. Су-ма; или р. Той-ма) есть, в большинстве случаев, явное доказательство их принадлежности к яфетическим слоям, мы предполагаем, все же, пока что, отмечать указания Даля, где это возможно, на территорию бытования русских слов.

21) Другие, возможно далекие, горизонты раскрывает об‘яснения этого слова Н. Я. Марром (см. „Карфаген и Рим“ 394): конечно, когда речь о „строительстве“, то в первую очередь выступает ‘река‘, имеющая космического двойника в ‘небе‘, в части его ‘солнце‘. И понимать ли термин ‘город‘ в значении ‘построения‘ (из ‘рука‘) или ‘защитного места‘; ‘покрова‘ (из ‘небо‘) или (по позднейшему восприятию) огороженного населенного места; ‘круга‘, термин кар прослежен от финских пределов до передней Азии и пр.

22) По независящим от нас обстоятельствам, мы лишены возможности дать ряд параллелей из кавказских языков, так как русский алфавит, которым мы пользуемся, для удобства типографии, не отражает специфических кавказских звуков.

23) Более подробно по последнему вопросу писал акад. Н. Я. Марр. „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до истории“ Л., 1926 45—8 и сл.

24) Следов, можно не согласиться с анализом этого названия в предыдущей работе: он гораздо проще и яснее.

25) Марийское же кор-аш ‘чертить‘; прорезывать‘ оставляем вне рассмотрения, так как семантически эти понятия связаны с ‘ру-

кой', а комплекс 'рука'—'женщиниа'—'вода' в настоящем случае нашему анализу не подлежит.

26) Наше об'яснение не противоречит указанию акад. Н. Я. Марра: см. „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до истории" Л. 1926 см. 6.

27) „Славяно-финские культурные отношения по данным языка" 28.

28) Зифельт-Симумеги („Uralo Altaica") кн. 1 1928 г. 54 производит это слово праформы*) иал + к — е и, по нашему мнению, совершенно напрасно. Читателн этой книги должны иметь с виду, что формальный анализ у автора очень невыдержан.

29) „Известия Академии Наук" 1925 г. особ. ст. 695—6.

30) Цитир. работа, 57—8.

31) В настоящую заметку не вошли такие слова, как коми кур-ыд 'вино' (ср. кур-ыдва 'водка'); суоми сор-ва 'плотва'; лопарское кор-се 'иней'; русские сал-па 'тарань'; сар-ган (назв. рим.) и др. потому, что семантический род в нашем плане очень узок.

32) Инициатива сближения этого слова с урдмуртским зар-езь правда в другой перспективе, принадлежит М. А. Кастрену.

33) Приводимые остяцкие слова, мы, к сожалению, не могли дать в транскрипции.

34) В методологическом отношении не безинтересно отметить что Даль, желая быть осторожным, даёт очень опасную этимологию первого слова сор, сближая его со словом сор в значении разного хлама и допускает и такую же ошибку, говоря о тобольско-томском: „кажется это иное слово—не остяцкое ли"?.

35) В методологическом отношении слово сул-ой особенно интересно, как бытующее в одном и том же русском языке (если „язык" понимать традиционно) и в значении целого 'вода' и его части 'рассол' (архангельское, новгородское); 'пак и соль'.

36) Ср. Ир-до-м.

37) О природе коми шор см. специальные указания (683 и др.) в работе акад. Марра „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий. „Известия Академии Наук" 1925 г.

38) Включение этого слова, обычно выводимого из звукоподражания, имеет особое методолочическое значение.

39) Точно такое же и данное слово, об'ясняемое из звукоподражания, есть яфетическое, по природе своей означающее 'воду'.

40) В слове шор-р дублетное р. есть или остаток элемента Д, или же удвоение первого р. Нам кажется, — первое предположение ближе к истине.

41) Но ни в коем случае нельзя сопоставлять. в проводимом направлении, со словом шар, означающим геометрическое тело.

42) Д-р Калима выводит его из финского со-хсо; со-хью. Против этого совершенно справедливо возражает проф. Ильинский „К вопросу о финских словах в русском языке". „Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном Университете". 34 т. 2 вып., 192, но и толкование самого проф. Ильинского „звукоподражательностью нам кажется ошибочным.

43) См. 33.

44) Мы совершенно не указываем здесь, как и в других отделах нашей работы, слова, семантически более далекие—напр. эстонские тӧӧр 'осетр'; тур (ср. тура-кала) тоже; тюю р тоже и др,

45) Совершенно закономерно сюда относится старое название р. Днепра—греч. Тюр-ас, турец. тур-ла, поэтому следует считать излишним предлагаемый акад. Шахматовым—„Древнейшие судьбы русского племени„ П. 1919. 31, произвольно им восстанавливаемый „Местный вариант" (?!) *) тиу-рас.

46) О природе слова см. Марр „Приволжские и соседящие с ними народности 696—8,

47) С этим словом интересно сопоставить русское вор-га (архангельское) 'залив'; (сибирское) полое, кочковатое 'болото'; (нижегородское) накипь смолы на сосне, Последнее значение слова вор-га мы подчеркиваем, так как об'яснить его из коми языка, как это дает Даль, семантически совершенно нельзя. В данном случае имеме два слова вор-га, имеющие совершенно особую историю.

А. М. Мартюшев.

Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г.*)

(Материалы к истории народа коми).

Из учета физико-географических условий Печорского края и Северного Урала, мы не соглашались с некоторыми литературными данными об историческом походе Семена Курбского за Урал в 1499 г. и, отрицая возможность прохождения его отряда через Ылычский или Щугорский перевал, давали такое резюмэ, вытекавшее из разбора материала: „Все описания о героическом переходе его за Урал через Щугорский перевал должны быть серьезно заподозрены, ибо Герберштейн, не зная местных условий, мог все географические названия, во-первых, основательно перепутать и, во-вторых, не исключена возможность некоторого сгущения красок собственной фантазией“.¹)

Против такого предположения выступил один исследователь, скрывшийся, повидимому, под псевдонимом, и заключил, что „такой отзыв и оценка работы известного автора „Записок о Московии“ (Герберштейна) может быть дана лицом, которому совершенно неизвестно действительное их содержание“.²)

*) Прошлое народа коми, относящееся к XIV и XV векам, представлено историческими документами наиболее слабо и все исторические исследования, освещающие эти периоды, строятся большею частью на догадках и предположениях. Предлагаемая автором работа построена, разумеется, на таких же догадках и предположениях, но выведенных им из практического знакомства с теми местными условиями, в которых должны были совершаться исторические события, рассматривающиеся в статье. В этом отношении должно быть признано за автором преимущество, что и отмечено исторической секцией Общества изучения Коми края, рассматривавшей труд автора на своем заседании 19 октября 1930 г. и признавшей, что предлагаемый труд строго выдержан автором в рамках имеющихся исторических данных и нисколько не теряет своей научной ценности от способа его изложения. Наоборот, для популяризации исторических знаний среди широких масс Коми населения, избранный автором метод изложения научной работы в первом лице признан желательным.

Примечание редакции

¹) „Записки“ Общ. изучения Коми края, 1928 г., вып. I, стр. 72—77.

²) Чожмöр, „Записки“ Общ. изучения Коми края, 1929 г., вып. III, стр. 31—42

Распространившись затем в два раза длиннейшими толкованиями исторических документов, относящихся к походу Курбского, означенный рецензент внес, может быть, много нужных дополнений, но в конечном результате ввел читателя в такой лабиринт туманных сведений из „Разрядных книг“, что выбраться из него гораздо труднее, чем из самых тяжелых „урем“ и „тайг“ приуралья.

Не намереваясь повторяться в ранее высказанных предположениях о происхождении „Разрядных книг“ и не вступая с рецензентом в полемику на тему— Милюковской-ли, Миллеровской-ли редакции „Разрядные книги“ лучше, или обе редакции никуда не годятся,—мы все же вынуждены сказать, что подозрительное сходство маршрута на Печору, приводимого и в „Разрядных книгах“, и в „Записках о Московии“ Герберштейна, дает основательный повод думать о влиянии „Записок“ на „Разрядные книги“.

Строго научная, критическая разработка исторических материалов будто-бы не должна допускать игнорирования последними или иронического отношения к ним. В этом в значительной степени, может быть, нужно согласиться с рецензентом, но в то же время, по нашему мнению, необходимо когда нибудь установить предел „ценности“ исторического документа. Если единственным критерием для нашего суждения о ценности будет только то, что данный документ кем то написан давно и потому только он ценен, и потому только нельзя отрицательно относиться к нему, то тогда исторические исследования могут быть сильно стеснены. Всякое распространительное толкование документа, или отрицание его, или проявление малейшего сомнения о возможности, например в данном деле, головокружительных войсковых передвижений в дебрях Урала, с успехом могут быть сочтены за „игнорирование“, Если бы все исследователи держались в узких рамках документа, боясь игнорирования, то вероятно мы не имели бы всех тех авторов, которые так разносторонне и так разноречиво толковали способы комплектования войск Курбским и его товарищами, разными путями вели их отряды, удлиняли или сокращали сроки операций и т. д. Разобраться в подобном разноречивом материале и не впасть в какую либо ошибку, особенно, когда об описываемых местах и предмете имеется лишь абстрактное представление, может только очень опытный исследователь. Не избег этого, по нашему мнению, и наш рецензент. Подтвердив разбором „Разрядных книг“ целиком те труд-

ности войсковых передвижений на Северном Урале, которые были высказаны нами, рецензент тем не менее повел отряд Курбского по современной р. Щугору, а наши выводы назвал „скороспешными смелыми и основанными на очень шатких основаниях".

Не намереваясь согласиться даже после сделанных нам возражений с мнением ученых исследователей о прохождении отряда Курбского по реке Щугору и допуская возможность крупных ошибок в работе Герберштейна в смысле наименования тех местностей по которым теперь гадаем маршрут Курбского за Урал, мы вновь позволяем себе остановиться на разборе „дорожника" Герберштейна в пределах участка Печора—Обь, а вместе с тем вернуться и к разбору некоторых материалов о походе Курбского. Разумеется, нужны будут новые выводы. Для возможно большей простоты и естественности изложения буду вести рассказ в первом лице. Итак, вообразил я себе, однажды заходит ко мне высокий, худощавый старик и говорит:

— У меня к вам покорнейшая просьба. Будьте добры... не откажите...

Своим симпатичным лицом, умоляющими глазами он сразу располагает меня к себе.

— Пожалуйста... В чем дело? Такой-то,—назвал я свою фамилию.

— Знаю, знаю. Я давно вас ищу. Я—Семен Курбский.

— Очень приятно. Но чем я вам могу услужить?—спрашиваю.

— Дело, правда, касается больше меня, т. к. оно тревожит сильнее меня, то мне сообщили, что вы интересуетесь моим походом на Печору. Вы—Печорянин?

Я утвердительно кивнул головой.

Так вот—продолжал Курбский—я хочу правдиво рассказать вам о своем походе, а вы, будте добры, записывайте по возможности точно.

— Садитесь пожалуйста,—я указал ему стул против себя. Он сел, вынул записную книжку и начал говорить, а я быстро, быстро записывать.

— Вам, конечно, известно—начал Курбский свой рассказ—что еще во времена Калиты, и даже раньше, москвичи доставляли с вашего севера шкурки разных ценных зверей—соболей, выдр, чернобурых лисиц, песцов и др. Правда сначала больше орудовали

там новгородцы, но и москвичи рядом с ними проникали туда-же. Места и леса широкие—всем хватит. Когда я был уже видной персоной при княжеском дворе, новгородцы как-то побезобразничали на Пинеге—поколотили наших волостелей и кое-кого из наших ограбили; за это мы в долгу, конечно, не остались—так прижали их, что они сразу же сдали нам всю Пинегу, Керголу, Чаколу—так, кажется, назывались. Мы, конечно, немедленно вновь поставили туда своих волостелей и тиунов. Как их звали, точно не помню. Что то в роде „Ярец“, „Брюхо“, но это неважно, Так вот мы дали им строгий приказ: разузнать—где какой народ живет? далеко ли и у кого бывали новгородцы? чем и сколько они брали дань? И мы, конечно, велели собирать дань не меньше новгородской. Через несколько лет мы уже хорошо знали—волостели доносили—кто где живет и сколько и чем платит дань. Звериных шкурков в общем поступало порядочно. Но вот однажды кто-то из волостелей сообщил, что один, такой-сякой косматый, югорский князь дани не дал. Наказать!—в один голос решили мы. Я, Петька Ушатый, да Васька Бражник,—а боевые все были парни,—вызвались проучить этого югорского князя. Доложили, конечно, своему великому князю Ивану Васильевичу, что Югорский князь бунтует, дани не дает, надо итти на него войной и наказать. Наказать!—согласился великий князь с нами. Он был тогда настолько стар, что почти ничем не интересовался и ничего не знал. Вот мы и наговорили ему кучу всяких трудностей. А горы-то какие—прямо до небес! А югры-то какие великаны—один сшибет пять человек! Чтобы итти на них, непременно нужно взять с собой и отяков, и арян и зырян и пр. и взять не мало, а прямо тысячами. Тогда только можно наказать Югру. Великий князь согласился и дал нам на расходы деньги. Вы, конечно, понимаете—чем больше брать людей, тем больше нужны деньги. И так мы получили денежки не маленькие. Сразу же конечно, Бражник поехал в Вятку к своим знакомым ребятам звать их на веселую прогулку на Север. Я поехал в Устюг, а Ушатый—в Вологду. С Устюга я известил волостелей и тиунов о своем походе на Югру и просил их, при случае, набрать по два—три десятка добровольцев и прислать их в Устюг, или ждать нас в Усть-Пинеге, или Керголе. Помню, в Устюг прибыло человек 20 вычегжан и сысолян. Столько же, примерно, добровольцев нашли и в Пинеге, и Керголе. В Устюге же меня догнали Ушатый и Бражник и каж-

дый из них привез с собой человек 30 отчаянных головорезов, и все вместе мы поплыли по Двине; захватив в Усть-Пинеге собравшихся там двинян и важан, мы так примерно в середине лета прибшли в Керголу. Там собралось всех нас так около 200 человек. Но там же мы узнали более точно от своего волостеля, что Югорский князь не совсем отказал в платеже дани, а только уменьшил ее, так что и наказывать то его не за что. Немного смутились, конечно, сначала, а потом порешили: ехать, так ехать, хоть места повидать. И поехали дальше Прибыли на Печору, в Усть-Усу уже поздней осенью, почти перед самым ледоходом.

—Простите меня, Семен Федорович, за небольшое замечание,—прервал я его.—Вот вы говорили, что деньги получили на сформирование и содержание отряда в тысячи человек, а взяли с собой всего 200 человек. Это же, мягко выражаясь, есть обман вашего великого князя, и вы рисковали я не знаю чем, если бы великий князь как-нибудь узнал о таких ваших махинациях.

—Обман!.. Рисковали!... Чудак вы человек! Не верю, что вам так непонятно положение приближенных бояр при нашем великом князе. Не нужно, во-первых, вам об'яснять, что чем известная партия бояр при дворе богаче, тем большое влияние имеет она на князя—и, во-вторых, что такое князь? Те, кому полагалось знать о наших махинациях, люди были наши же, и личное богатство, не стесняясь подчас и порицательными приемами, приобретали мы общими силами. А князь, когда мы вернулись с Печоры, был настолько стар, что ничем не занимался, кроме как воцарениями, коронациями, свержениями. То коронует в успенском соборе внука своего Дмитрия от умершего старшего сына Ивана, то гонит его и ставит своего сына Гаврюшку, то опять Гаврюшка долой,—иди Дмитрий и т. д. В конце концов, после смерти великого князя все же заменил его Гаврюшка, и, назвавшись почему-то Василием Ивановичем, заморил племянника своего Дмитрия в тюрьме.

—Вот вы говорите что прибыли в Усть-Усу поздней осенью. А дальше вы куда поехали? по Печоре или по Усе?—задаю я вопрос.

—Зачем по Печоре?—удивился Курбский. Конечно по Усе. По Печоре, как мне тогда говорили, никого не было, кроме каких то одиноких, кочующих вогулов. Сегодня здесь, завтра—там, и что с них возьмешь? И мы тогда же решили подняться по Усе до местеч-

ка „Струпиль“ еще до ледохода. Благо там, как нам сказали, сохранились, какие-то амбарчики еще от новгородцев, а в Усть-Усе кроме двух-трех самоедских шалашиков ничего не было. Вот прибыв в Струпиль, мы наскоро отремонтировали амбарчики, сложили туда свои запасы и стали ждать зимнего пути для того, чтобы уже оттуда как нибудь—перебраться за Урал. Для жилья в ненастные осенние месяцы вырыли землянки, покрыли их березовой и еловой корой и жили в них как кроты. Кстати там же, в Струпиле, на всякий случай, наши ребята сделали пар 50—60 „лямп“. Знаете, это то же лыжи, но только не обитые „камысами“, т. е. шкурками с оленьих ног? Впрочем, вы это прекрасно знаете и напрасно я об этом говорю.

—Но вот позвольте...—и я запнулся, считая вопрос несколько неудобным, но потом все же спросил.—Вы там, как нибудь случайно не убили 50 самоедов и не отняли у них 200 штук оленей?

—Ха, ха, ха!—громко засмеялся Курбский.—Они то, эти самоеды, и оказались нашими благодетелями, а то без них мы пропали бы совсем. Нужно сказать вам, что после Керголы настроение наше было совсем не воинственное, и, отправляясь оттуда, убивать мы никого и не намеревались. Молва об убийстве нами самоедов сфантазирована кем-то, вот из чего. Когда мы отправлялись в поход, взяли с собой какое то количество разных безделушек—бубенчиков, ленточек и еще других пустячковых вещичек. Вот когда мы жили в Струпиле, к нам частенько приезжали вблизи кочующие самоеды. Не помню сколько их приезжало всего; может быть и человек 50. Все они страшно интересовались привезенными нами бубенчиками и прочими безделушками. Прямо как дети! Вот на эти-то безделушки мы их и наняли перекатнуть нас за Урал.

После заморозков и спада снега они доставили 200 штук оленей, посадили нас на свои нарты и мы... фюить за Урал. Самоеды ямщики аховые. просто любо-дорого. Перевалив за Урал, с Ушатым мы поехали вниз по одной реке к Обдорску, а Бражник завернул в какой-то правый приток этой реки. Название реки теперь точно не помню. О нашем приближении Югорский князь все же как-то узнал заранее и приехал к нам на встречу, так не доходя до Обдорска еще порядочное расстояние. Когда мы встре-

тились, он первый слез со своих саней и хлоп нам земной поклок. Мы ему начали говорить через переводчика: почему ты, такой сякой, дани не даешь? мы тебя в бараний рог... и т. д. Через переводчика же получаем его об'яснение. Он никогда не отказывался в платеже дани, и впредь не отказывается. Платил же он всегда исправно дань новгородцам не меньше. В этом году вышла небольшая заминка вот из-за чего. Все почти песцы перекочевали куда-то в Енисейскую тундру, а соболи—в более южные леса, и он не мог собрать положенного количества зверья. О том, что получим такое именно оправдание, мы, признаться, знали за ранее, и говорим ему: будешь ты впредь исправно платить дань? обещаешься?— Буду, буду—говорит он—и опять хлоп земной поклон. На этом собственно и покончили с ним. Но ведь надо же хотя бы приблизительно знать—сколько он может дать максимум и сколько у него всех плательщиков. И спрашиваем его. Сколько под твоим ведением более или менее постоянных стойбищ? Он отвечает: 33. А мы своему писарю: пиши—33 города.—Дальше говорим князю: сколько же всех-то чумовых хозяев? Ответ; 1009. Мы писарю: лупи—1009 лучших людей. Но сколько у тебя—опять вопрос—более крепких хозяйств, которые могли бы дать зверья больше обычного? Он отвечает: 50. Мы писарю; жарь —50 князей. Получив такую статистику, мы говорим князю: вот тебе норма: 1009 песцов, 1009 соболей и прочей мелочи возами ежегодно, и чтобы было, а не то мы тебе... Князь обещался и в знак покорности перецеловал всех нас и наших самоедских оленей, на которых мы приехали к нему. Этим мы и покончили свои военные операции. Потом мы порядочное время прошатались на Оби по чумам—ели обскую рыбу, оленьи языки, и только к весне обратно поехали в Струпиль на тех же самоедских оленях. Самоедов отпустили, дав им за труды весь остаток запаса бубенчиков и ленточек, а часть оленей оставили себе на продовольствие. В Струпиль же к нам вернулся и Бражник из своей поездки. Совершенно так же, как и мы на Обдоре, „покорил" он несколько чумов. После весеннего ледохода, мы поплыли вниз по Усе, направляясь домой, в Москву. Долго-ли, коротко-ли, а все же ехали и ехали. По долгу останавливались в таких городах, как например: Устюг, Вологда, моя родина—Ярославль. Ну и задавали в иных местах пирушки, после трудов праведных! Так мы все лето и часть следующей зимы тихонько дви-

тались вперед и вперед, и приехали в Москву на какой то большой праздник, не то Рождество, не то Пасха—точно не помню. Когда мы немного там поотдохнули и бухнули же отчет о своих победах великому князю. Именно так, как наш писарь записывал. Нельзя было иначе,—на дорогу мы получили не маленькие денежки. Ничего, все сошло благополучно, только похвалили нас и больше ничего.

— Вот вы говорили, что без самоедов вы бы пропали. А как без них вы попали бы на Урал, если бы случайно с ними не встретились?

— Большая загвоздка. Мы и предполагали добраться на лодках до самых верховьев Усы или ее притоков и оттуда перейти пешком по новгородским тропам, в верховьях какого нибудь притока Оби—расстояния тут не большие,—а потом плыть как нибудь на плотах до Оби. Но встреча с самоедами изменила все наши предположения и планы. Передвигаться зимой на лыжах и на легке, скажем, на сотню другую километров—это еще туда-сюда, как крайняя мера. Но ведь убийственная штука—это возка за собой продовольственных запасов. А что вы сделали бы зимой без теплых казарм на остановках в пути, нередко при 40 градусном морозе? Конечно в течений одного часа заморозили бы всех людей, как тараканов. Чем больше людей, тем, конечно, больше хлопот и канители. Я и до сих пор в душе ругаю Ушатого и Бражника, которые из-за какой то глупой предосторожности не согласились со мной оставить в Керголе добрую половину людей и взяли с собой почти 200 человек. И канителились же мы с ними! Правда за Уралом мы питались еще сносно оленьим мясом, но когда возвращались обратно, на Мезенском и Пинежском волоку питались уже одними сухарями и еле дотащили свои ноги до Керголы. Вообще наш путь за Урал был возможен только потому, что мы заранее давали Кергольскому волостелю приказ перебросить зимним путем в Устьцильму целый склад сухарей, а Пустозерскому волостелю посылали еще из Москвы строжайшее приказание приготовить в Устьцильме лодки. Иначе всякое путешествие по вашим местам не мыслимо. Приписывают мне такие подвиги, что я будто бы проходил с отрядом в 4.000 человек через Уральские горы в декабре месяце. Вот вы Печорский житель, скажите мне, что вы сделали бы, если теперь внезапно получили бы приказ переброситься с таким отрядом

скажем из Щугора за Урал, без всяких дорог и в морозное время?

От неожиданности такого вопроса я сначала немножко опешил, но через минуту ответил:

— Поступил бы примерно так: послал бы в Щельяюрскую базу ордер нагрузить в баржу тысяч 15—20 пудов муки и других продуктов и пробуксировал бы эту баржу до Щугора. После получения задания максимум через 20 дней нужное продовольствие было бы в Щугоре; складочных помещений тут, конечно нет, но выгрузил бы весь товар и закрыл его временно брезентами. Превратить всю муку в сухари? Роздал бы ее для выпечки и сушки в крестьянские избы. В течении трех месяцев 200 крестьянских печей при большой, правда, нагрузке работу бы выполнили. Вопрос переброски 12.000 пудов сухарей за Урал на лыжах, конечно, сложный, но и тут бы нашелся. Заготовил бы 4.000 охотничьих нарт, каждая из которых подняла бы 3 пуда, и 4.000 человек айда в путь-дорожку. Человек на себе 3 пуда, не понесет, но на нартах без большой натяжки утащит. Выделка нарт—работа довольно кропотливая. но за то время, пока происходила выпечка хлеба, каждый из отправляющихся 4.000 человек, нарту себе сделал-бы. Итак, между получением приказа и выходом отряда из Щугора прошло бы максимум четыре месяца.

— Вот видите, и вам понадобились четыре месяца для подготовки к походу,—заметил Курбский.—У вас тут и пароход, и баржа и 200 крестьянских печей. А вот перекиньтесь назад на 400 лет. Что тогда могло быть? Где была продовольственная база? От Устьцильмы до Струпиля мы, пожалуй, не видали живых людей, кроме одиночных самоедов, а ближайшим к Печоре пунктом, где имелся некоторый запас муки, могла быть только Кергола на Пинеге. Вот сопоставьте ваши условия подготовки к походу за Урал с моими и скажете мне—сколько времени нужно было для подготовительных работ по отправке отряда в 4.000 человек тогда?

Я молчал.

— Вы представляете картину лыжного движения четырехтысячного отряда по снежным сугробам Печоры и Северного Урала?—вновь задал вопрос Курбский.

— Некоторое представление имею: участвовал один раз в гонке диких оленей в партии около 40 человек—ответил я.

— Ах, это—сорок, а тут—четыре тысячи. Разница довольно солидная,—сказал Курбский.—Если бы действительно пришлось мне такой поход совершить, или действительно такой поход вообще мыслим, то я представляю его примерно так. За несколько дней до отправки главного отряда пришлось бы отправить, конечно авангардный отряд в 200—300 человек. Отряд этот протаптывал бы дорогу, т. е. делал бы лыжницу, возможно и в два ряда, приготовлял бы дрова для главного отряда в местах остановки для отдыха и ночлега. Но вот отправляется и главный отряд. Воображаете себе, тысячи людей тянутся на лыжах гуськом... Сгорбившись, за собой тянут лямкой нарту, а таких нарт—конца не видать. Узкие длинные нарты гнутся, как змеи, и катятся за людьми. Чего только на них нет? и мешки с сухарями, и мерзлые ковриги хлеба; и меховые одеяла, и оленьи туши (мясо), и котлы, и топоры и т. д. В конце вереницы нарт показываются крытые кошевки; тянут их тоже люди. В кошевках сидят полководцы и их помощники. Они, как важные московские бояре, стать на лыжи не пожелали. Через километров 20 первая остановка. Дальше итти не могли: день короткий и мороз 40 градусов. Стоянка у костров в морозную ночь. Ну и гвалт же невообразимый! Кто котел потерял, кто лыжи сломал, кто нос отморозил... Словом, лучшую сказку не выдумаешь.

— Я пожалуй тоже не представляю возможность такого похода,—согласился я. Но вот скажите мне—что вы делали в городе Усташе?

— Никакого Усташа на Печоре я не видал—ответил Курбский. Да вообще никаких поселений там тогда и не было. В Усть-усе было несколько самоедских чумов (летние шалаши). Несколько стариков ловили рыбу. У них мы останавливались, помнится, дня на два. Потом я слыхал, что где то впоследствии появился город Усташ, куда будто бы мы останавливались. Но это я об'ясняю очень просто. Был у меня писарь, да притом довольно малограмотный. Ему я давал приказ записывать все названия местностей, где мы проходили. Сам ли он перепутал, или потом исказили, но, говорят, теперь днем с огнем ищут город Усташ и нигде его не находят. Как вы думаете, трудно-ли переделать из Устьуса—Усташ?—задает он мне вопрос.

— Да пожалуй, легко,—соглашаюсь я.

— Так вот Устьуса и есть Усташ,—более уверенно говорит Курбский.

— Скажите мне,—спросил я,—вы строили крепость Пустозерск?

— Да что вы мальчика из себя представляете что ли? — серьезно сказал Курбский. — Было ли у нас время строить крепости? Насколько я знаю, Пустозерск был построен новгородцами еще до того времени, как там самоеды поколотили Василия Шенкурского. В наше же время там был уже наш волостель. С Устьцыльмы мы посылали к нему нарочного за „камысами“, но так как летом тут оленей не оказалось, то наш нарочный вернулся пустой.

— Какой то город Папин вы там видали?

— Нет, не видал. О нем, если я кому нибудь говорил, говорил только так, что где-то в верховьях ли самой Печоры, или на Вычегде, или даже на Каме живет какое-то племя. „Папинами“ или „Пермяками“ назвал я это племя—теперь точно не помню. Я лично это племя не видал, мимо никакого Папин города не проезжал. Если об этом теперь и пишут, то пусть пишут на здоровье.

— Теперь вот что скажите мне, Семен Федорович,—Вы с Сигизмундом Герберштейном были знакомы?—спросил я.

— Как же, как же! Он бывал у меня несколько раз и спрашивал меня о многом, и между прочим, о моей поездке на Печору.

— Вы ему говорили о своем семнадцатидневном лазании на какую то гору?

— Говорил, но совсем не так, как об этом пишут. На его вопросы — высокие ли имеются там горы — я сказал, что я лично очень высоких гор не видал, но мне самоеды передавали, что южнее Усы есть очень высокие горы; „столпы“*) теперь они называются, кажется, „Тöл-поз-из“ и „Сабля-из„. Самоеды говорили, что если подняться на их вершину, то и в семнадцать дней не подымешься. Вот и все, что я говорил Герберштейну. Я ведь не такой дурак, чтобы зимой лезть туда,—ветром снесет тебя, как пух. Уже из того, что я вам рассказал, грудной ребенок должен понять, что я совсем не преследовал цели туризма. Кто приписал мне такую ахинею, я, конечно, не знаю, но если сфантазировал подобный ляп-

*) Столп древне-русское название значит большой камень.

сус даже сам Герберштейн, то и тогда мало мальски серьезный человек, даже незнакомый с Северным Уралом, не может этому поверить. Ведь ясно же, если бы я и проходил мимо каких-то „Столпов“, то думаю, догадался же бы спросить: а что, если перекинуться через вершину—„Столпа“,—куда я попаду—по ту, или по сю сторону Каменного пояса? Мне ответили бы: по сю; значит и в смысле продвижения за Урал не было надобности подниматься на „Столпы“. Отдельные пики и вершины Уральских гор теперь, конечно, все те же, что были и 400 лет тому назад. Вы не проезжали за Урал по реке Щугору? — вдруг задает мне Курбский вопрос.

— Проезжал, — отвечаю я.

— Интересно... Расскажите, пожалуйста, какие там горы? Какой перевал?—говорит Курбский.

— Дорога—(зимняк), проложенная в 1887 году,—начинаю я об'яснять—идет сначала на протяжении километров 100 исключительно по реке Щугору; потом по ее притоку—речке Волоковке. Мне приходилось не раз здесь переваливать за Урал не в качестве, конечно, полководца, ученого историка, этнографа и т. п., а в качестве простого ямщика, идущего за тяжелым возом. Под'ем на перевал начинается с речки Волоковки, где она представляет уже горный ручеек, и нужно подняться под углом 25—30° всего на протяжении около одного километра. Правда, лошадь с тяжелым возом останавливается через каждые 50—60 шагов, но на весь под'ем нужно употребить не более одного часа. После под'ема на вершину перевала сразу же будет заметна покатость в другую сторону и через три - четыре километра оформляется опять горный ручеек. Это—верховья речки Сартыньи, впадающей в Сыгву (Ляпин). Вот уж раньше никогда не мог подумать, что она (этот ручеек) и есть историческая Герберштейновская „Artavuische“.

— Да она таковой и не была никогда,—вставил Курбский.

—Когда долина реки Щугора войдет в предгорье Урала,—продолжал я,—и когда дорога проходит по речкам Волоковке и Сартынье, все время то на одной, то на другой стороне остаются отдельные пики гор, особенно знаменитый „Тöл-поз-из“. Правильно говорит Герберштейн, что „вершины их по причине постоянных ветров совершенно голы“. Мало того, вершины этих гор зимой чаще всего не видны. Правы в этом отношении и „Разрядные

книги". когда говорят, что „камени в оболоках не видить", коли ветренно, ино оболока роздирает". Слышен в вершинах гор только шум от бушующих ветров, и я не знаю кому вздумается подняться зимой на эти вершины.

— То-то и есть, — заметил Курбский. — Вот и верьте что я поднимался на какой-то — „Столп".

— Но вы слыхали что нибудь о Щугорском перевале, когда приезжали на Печору? — спросил я.

— Ничего не слыхал. Вот вы печорский житель, может быть лучше знаете об этом перевале, когда он стал известен и т. д.? — в свою очередь меня спросил Курбский.

— Мне известно, что в моей памяти, точнее в 1886 году, впервые приехал зимой на оленях из-за Урала по этому пути в с. Щугор известный на севере купец А. М. Сибиряков, в сопровождении двух остяков; он же потом проложил дорогу. До этого же, я думаю, едва ли кому либо был известен этот Щугорский перевал, кроме как единоличным охотникам.

— А откуда появился в трудах многих ученых этот пресловутый Щугорский перевал? — вновь спросил Курбский.

— Не знаю, но все же думаю, что он взят из „дорожника" Герберштейна, — ответил я. — Кстати скажите, пожалуйста, кто, по вашему мнению, мог дать Герберштейну этот „дорожник"? — задал я Курбскому вопрос.

— Определенно наш писарь, ездивший с нами в Югру. Он, путанник большой, был еще жив, когда Герберштейн посещал меня. Я, кажется, имел даже неосторожность упомянуть о нем Герберштейну. Впрочем, больших ошибок в „дорожнике" я не вижу, особенно в той части пути, где мы проезжали. Некоторые искажения названий, имеющихся и в этой части, могли произойти потому, что писарь писал весьма неразборчиво и когда Герберштейн перевел с его почерка на латинский язык мог добавить ошибок еще больше.

— Вот вы говорите, что больших ошибок в „дорожнике" нет, а где же тогда тот „Щугор", который треплется во всех ученых трудах? — спрашиваю я Курбского.

— Постараемся разобраться, — отвечает но. — Виноват в искажениях названий, может быть, вовсе не наш писарь и не Герберштейн, а виноваты те, которые не хотят, понять основную мысль

Герберштейна,—или же переводчики его „записок“ на русский язык. В „дорожнике“, между прочим, приведены названия двух рек „Щугора“ и „Подчерема“. Реки с такими названиями имеются в настоящее время в натуре; в устьях этих рек на реке Печоре имеются даже населенные пункты с такими же названиями. Как будто вполне нормально, что все исследователи, разбиравшие наш поход, до сих пор отожествляют современные реки Щугор и Подчерем с Герберштейновскими „Щугор“ (Stzuchogora) и „Подчерем“ (Potzscheriema). Правильно ли, спрашивается, такое отожествление?—По моему мнению, совершенно неправильно. Можно взять из „дорожника“ Герберштейна небольшую выдержку по переводу Анонимова: „от истоков Усы до ее устьев считается более 1.000 верст; Печора течет в этот северный край с юга; и отсюда 3 недели пути, если подниматься вверх, от устьев Усы до устьев Щугора. (Stzuchogora). Писавшие этот дорожник говорили, что они отдыхали между устьями рек Щугора и Подчерема (Potzscheriema)“. Вчитываясь в эту выдержку, я совершенно не вижу здесь никакого „пути“ по реке Печоре и по Щугору. Вижу только „путь“ вверх по реке Усе, и писавшие дорожник отдыхают где то между устьями каких-то двух неизвестных теперь по названию притоков Усы—Stzuchogora и Potzscheriema, а Печора шла к устьям Усы откуда-то с юга. Но стоило только другому переводчику Малеину вставить в нужном месте слово „по ней“—картина получается уже иная. Переводчик Малеин вышеприведенную выдержку переводит так: „Если плыть по Печоре от устьев Цильмы до устьев реки Усы, это составит путь 1 месяц(!?)... если подниматься по ней от устьев Усы до устьев реки Щугора, то это составит 3-х недельный путь“... Здесь благодаря вставленному слову „по ней,“ путь от устьев Усы до устьев Щугора (не Щугура и не Stzuchogora), конечно, неизбежен по Печоре. И вполне извинительно, что переводчик, незнакомый местами, ведет нас к устью Щугора только по Печоре, так как из любой географической карты можно видеть, что современная река Щугор впадает в Печору выше устья Усы километров на 250. Вот, между прочим, Герберштейн говорит, что „писавшие дорожник отдыхали между Stzuchogora и Potzscheriema, и сложили запасы, привезенные ими с собою из Руссии у ближней крепости Strupili, которая лежит на русском берегу, на правой руке, в горах“. Вам что нибудь понятно отсюда? Если бы писавшие

„дорожник“ поднимались по Печоре вверх, то они на своей правой руке около Щугора и Подчерема никаких гор не находили бы и как раз Уральские горы и отроги Урала были бы на левой руке. Потом, почему берег Печоры около современного Щугора и Подчерема на правой руке был „русский“, а левый стало быть не русский? Здесь вам, конечно, ничего не понятно.

—Совершенно ничего не понимаю—подтвердил я.

— Но когда мы вернемся на Усу,—продолжал Курбский,— и будем подниматься по ней вверх, то все будет понятно: все горы будут на правой руке, а на левой руке будет только левый низменный тундровый берег, который, вполне понятно, мог считаться не русским и закрепленным уже тогда за самоедами, тем более, и Герберштейн тут же вполне последовательно продолжает свой рассказ о том, что за Stzuchogora у Каменного пояса, и у моря, и около крепости Пустозерска живут бесчисленные племена, называющиеся общим именем самояди. Когда Герберштейн пишет, что „писавшие дорожник отдыхали между устьями Stzuchogora и Potzscheriema в Струпиле“, возможно, пишет именно про нас, т. к. мы действительно отдыхали в Струпиле Я теперь, конечно, не помню названия всех рек, но хорошо помню, что Струпиль не на Усе, а на каком то большом ее притоке, который впадал в нее справа, когда мы ехали туда. Недалеко от Струпиля выше разветвлялась другая река, по которой мы перебрались за Урал. Переваливать через какие либо горы не пришлось; почти без заметного под‘ема и спуска попали в верховья какой то зауральской реки, которая кажется названа Герберштейном „Sibut“.

Вот вы, печорский житель, не можете-ли расшифровать эти реки по современным названиям? — вдруг обращается Курбский с вопросом.

— Вы бессомненно завернули с Усы в ее приток „Кось-я“ и, не доходя до устья Кожима, нашли ваш Струпиль. Потом по Кожиму вы попали в верховья Сыгвы. Там и теперь существует главная оленья „ворга“,—по которой все почти оленеводы перебираются с тундры на зимние пастбища в зауральские леса. Этот путь самый кратчайший и самый удобный с Усы за Урал. Вполне простительно вам не знать названия всех этих рек. Вероятно они назывались разно: на самоедском языке—так, на остяцком иначе, на зырянском — еще иначе и т. д. Возьмем для примера реку „Sibut“

времен Герберштейна. На всех русских географических картах она значится „Сыгва“, на остяцком языке называется „Кулга“, а печорские зыряне называют ее почему то, „Ляпин-ю“.

— Столько же названий могли иметь и те реки, которые Герберштейном названы „Stzuchogora“ и „Potzscheriema“,—вполне резонно заметил Курбский,—и добавил: если эти названия, или отдаленные их созвучия перенесены на Печору и по какому то совпадению совершенно иные реки названы „Щугором“ и „Подчеремом“, то в этом Герберштейн ничуть не виноват. Играть созвучиями вольно всякому, хотя, может быть, между некоторыми такими созвучиями столько же общего, сколько например, в американском дяде—Сам и в вашем зырянском слове—„Сам“ (наживка для ужения рыбы).

Я засмеялся, улыбнулся и Курбский.

— Кстати, не можете ли об'яснить, хотя бы приблизительно этимологию слов „Щугор“ и „Подчерем“ — спрашивает меня Курбский.

— Названия эти мы понимаем так:—ответил я.—На языке Ляпинских остяков „сукыр“ означает—хариус. „Сукыр я“, значит, хариузная река. Река же Щугор действительно изобилует рыбой хариус. На восточной стороне Урала, против верховьев Щугора, есть также горная речка, называющаяся и теперь по остяцки „Сукырь-я“, превращенная русскими в „Щекурья“. Рыба хариус есть и там. Стало быть почти нет сомнения, что „Щугор“ произошел от остяцкого слова „Сукыр“, видоизменившись потом в „Щугур“ и „Щугор“; впрочем на языке печорских коми село Щугор до сих пор произносится „Чугыр-дин“. „Подчерем“, видимо, нельзя уже об'яснить с остяцкого языка. „Чер“, как мы знаем, часто на коми языке означает реку, преимущественно разветвление реки, иными словами, — приток, например „Ижемская черь“, “Чердынь“, хотя, впрочем по зырянски „чер“ в то же время и топор. Я слыхал такой вариант об'яснения слова „Подчерем“. Уже много позже Герберштейновских сказаний, а именно в XVIII веке, когда по Печоре стали ездить с товарами русские купцы (Чердынские хожальцы) и когда, возможно, не было еще никакого поселения в устье реки Подчерема, на вопросы: где будем останавливаться на отдых?—они отвечали: под Черем. Вполне удовлетворительное склонение имени существительного „Чер“, а оттуда получилось новое имя

существительное „Подчерем“. За правильность подобных об'яснений я, конечно, не ручаюсь, но тем не менее есть некоторая доля правдоподобия; если русские переводчики Герберштейна начертанные последним слова в форме „Stzuchogora“ и „Potzscheriema“ подгоняли в позднейшем под слова „Сукыр“ и „Подчерем“, то они совершили величайший грех против науки и ввели большой круг научных работников в заблуждение.

— Да, слово „Подчерем“, пожалуй, по звуку совсем не похоже на какое либо самоедское или остяцкое слово,—заметил Курбский.

— Вот что, Семен Федорович, мне бы хотелось получить еще одно об'яснение,—обратился я к Курбскому.—Вам приписывают, что вы мобилизовали тысячи людей, с которыми проделали в одно лето походы, в тысячи километров. Возможно все это было 400 лет тому назад? и как тогдашнее население относилось к вашим призывам и мобилизациям?

— Был бы я вам очень благодарен, если бы вы что нибудь рассказали из более позднейшей вашей печорской жизни,—сказал на это Курбский.— Не может быть, чтобы вы не могли знать о трудностях длинных походов или об уклонении от воинской повинности.

Мне не хотелось говорить, но такой репликой Курбского был вызван и пришлось кое-что сказать.

— Я употребил слово „мобилизация“,—начал я.—Правда, это звучит несколько громко, по современному, но что же делать? приходится называть так, ибо и вы, Семен Федорович, тоже ставили под оружие для боя людей из разных углов обширного севера, углов, отстоящих один от другого за 1.000 километров. Вот эти то тысячикилометровые расстояния и наводят меня на некоторые аналогии и воспоминания. Живя на Печоре в с. Щугоре, отстоящем от уездного города Устьсысольска в 700 километрах, я, как запасной солдат, переживал две мобилизации—в Японскую в 1904 году и в Германскую в 1914 г. войны. Если бы наш уездный воинский начальник сумел так же успешно, как и вы, Семен Федорович, мобилизовать и погнать нас за одно лето пешим маршем хотя бы до Вологды, то вероятно он не остался бы без какого либо большого ордена Владимира, Станислава и еще проч.

— Так, так,—кивал головой Курбский.

— Относительно возможности уклонения от призывов на военную службу — продолжаю я, — могу пожалуй привести такой случай: за несколько лет до Германской войны из с. Щугора переселился жительством в верховья реки Щугора один всеми нами уважаемый крестьянин. С об'явлением войны, так недели через две пришло известие, что он умер. Ну умер, умер—легка будь ему земля. Пожалели—хороший был охотник, еще молодой. Остались вдова и сын — мальчик лет 12. Потом стали однако догадываться: больно много всякого зверья доставляет вдова. Неужели ее сын такой уже боевой охотник? но так и прошло. Уже после германской войны, в период гражданской, вдруг наш покойник воскрес из мертвых и теперь жив-живехонек. Другой случай: на нашей родине наши родители хорошо помнили и рассказывали об одном человеке, прозванном „шеше-пеше"—„Göd dукöс", уклонявшемся весь свой век от военной службы. „Göd dукöс"—это в переводе на русский язык „черный зипун", в который он очевидно, был одет, а к этой кличке он получил в прибавок баронский титул „шеше-пеше" потому, что вечно приходилось ему говорить шопотком, прячась в ближайших лесах, а зимой—в хлевах, голбцах, на полатях. Так вся деревня его сохранила, и он умер естественной смертью на старости лет.

— Вполне достаточно! — прервал меня Курбский. — Вот эти случаи в удесятеренном количестве перенесите к нашим временам и вам будет без моих об'яснений все понятно. Что, например стоило какому-нибудь „отяку", „аряну" или „пенежанину", ведущему полукочевую жизнь, перебраться в другое место, зажить так же и... показать нам комбинацию? Если в ваш век пара и электричества, радио в ваших дебрях можно уклониться от военной службы, то что же могло быть в наши времена? Мы могли действовать в ваших трущобах только небольшими спаянными, заинтересованными в деле отрядами, но о принудительных призывах туземного населения, конечно, не могло быть и речи: во-первых, потому, что она малонадежна и, во-вторых—снабжение продовольствием и снаряжением громоздкого отряда по вашим бездорожицам — немыслимая вещь.

— Но почему же тогда все ученые исследователи упорно не хотят согласиться с тем, что вы оперировали с меньшим числом людей, чем 4.000 человек?—задал я Курбскому вопрос.

— Видите ли, тут действуют так называемые „ученые традиции“,—ответил Курбский.—Люди кабинета находят в каком нибудь старинном историческом документе „4.000“ и отрешиться от этой цифры никак не могут. Вот такой схоластический подход ученых меня больше всего и волновал.

С. А. Попов.

Результаты работ по выявлению исторических документов о Коми в Ленинграде и Москве.

Просматривая небольшую историческую, вернее историко-этнографическую литературу о коми, мы сталкиваемся с фактом чрезвычайно малой разработанности коми истории. Вся эта небольшая литература дебатирует и излагает одни и те же вопросы: ставится и рассматривается вопрос о происхождении коми, отношения его к чуди, к летописной Перми, строятся предположения об этимологии терминов: „Пермь", „Зырянин", даются краткие характеристики так называемых—Новгородского, и Московского периодов коми истории, деятельности Степана Храпа, сопровождаемые несколькими выдержками из документов XV и XVI столетия.

Период времени с момента смерти Степана вплоть до самого 19 столетия оставался почти незатронутым, за исключением небольших замечаний, которые большого значения для выяснения исторического прошлого этого периода не имели.

Лучшие работы по коми истории, как работы Г. С. Лыткина, Дмитриева, бедны фактическим материалом, относящимся к истории народа коми, населяющего территорию современ. обл. Коми.

В общем, авторам статей о коми в очень малой степени были известны исторические материалы о коми. Единственным, широко известным документом было житие Стефана, затем отдельные отрывки из летописей. В сущности этим и ограничивался фактический материал для большинства авторов о коми. Хотя уже в самой середине 19 столетия были сделаны попытки собирания исторического материала о коми и попытки довольно успешные (Саввантов П. И., Мельников С. Е.), но проработки этих материалов сделано не было да к тому же и существование этих материалов впоследствии было забыто. Вплоть до последних годов, работавшие над историей коми,

не имели точных сведений: имеются ли материалы по коми истории, где, в каком количестве и какого времени.

Со времени основания области хотя и наметились в изучении прошлого коми народа некоторые сдвиги, но разбирается тот же круг вопросов и в том же почти об'еме: происхождение коми, деятельность Стефана и чрезвычайно мало касаются последующих периодов. Незнакомство с историческими документами о коми, отсутствие информации в их существовании не позволяли расширить круг разрабатываемых вопросов. Привести в известность эти материалы—неотложная задача наших дней. Только с помощью фактических данных—документов мы будем в состоянии сдвинуться с вечного топтания на месте и изучить весь тот долгий исторический процесс, в течении которого формировались: социальная структура, экономический быт, национальные соотношения современных обитателей области Коми. Приведение в известность фактических материалов дело не одного лица и не короткого времени, и Общество Изучения Коми Края должно обратить серьезное внимание на это дело.

В настоящей статье мы хотим дать небольшую информацию в том, что сделано в отношении выявления документальных данных о коми в Москве и Ленинграде. Остановимся сначала на работах в Ленинграде.

а) Работа в Ленинграде.

В 1928 г. Общество изучения Коми Края обратилось в Археографическую комиссию Академии Наук СССР с просьбой снять несколько копий с документов, имеющих отношение к коми. В результате этого начинания были скопированы и высланы: платежница по Пустозерской вол. 1574 г., описание Лузской Пермцы 1645 г 18 мая 1929 г. на заседании комиссии экспедиционых иследований Академии Наук решено было, помимо выполнения ряда работ по заданиям Коми ОБИК'а (составление географической карты области, библиографического указателя), приступить к подготовке издания исторических документов о коми. Руководство над приведением в известность имеющихся документов в Ленинграде, было поручено ученому секретарю археограф. ком. А. И. Андрееву. Работа производилась научными сотрудниками археограф. ком.: Чаевым, Н. Е. и Садиковым, П. А. по плану, выработанному А. И. Андреевым. Были обследованы архив археографической комиссии и рукописное

отделение Государственной Публичной Библиотеки. 20 февраля 1930 г. за № 624 комиссия экспедиционных исследований Академии Наук высылает сообщение о состоянии работ и об'яснительную записку с картотекой—описью выявленных документов.

На издание выявленных исторических документов потребовалась бы солидная сумма, каковую Общество Изучения Коми Края в настоящее время не может выделить из своих бюджетных возможностей.

В таком положении находится пока работа по выявлению и по предполагаемому изданию исторических документов о коми в Ленинграде.

Учитывая, с одной стороны, крайнюю необходимость издания исторических документов и не имея возможности, с другой стороны, определить срок, когда такое издание осуществится, мы решились дать здесь, в целях информации интересующихся историей коми, краткий обзор тех документов, которые уже выявлены. Данные о документах, обнаруженных в Ленинграде, мы позаимствовали исключительно из об'яснительной записки, составленной ученым секретарем археографической комиссии Академии Наук А. И. Андреевым (дата—10 сентября 1929 г).

Не имея возможности поместить полностью всю об'яснительную записку и напечатать картотеку—опись, мы приводим те места об'яснительной записки, в которых указываются материалы, подвергшиеся просмотру, и материалы, не отраженные в картотеке—описи.

„Обследованию подверглись..... архивные материалы, хранящиеся в двух научных учреждениях Ленинграда—Археографической комиссии и рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки. Работа по обследованию соответствующих фондов названных учреждений заключалась в просмотре материалов, относящихся к Яренскому, Усть-Сысольскому и смежных с ними частей Сольвычегодского (Вологодской губ.), Мезенского (Арханг. губ)., Соликамского (Пермск. губ.) уездов, и составлении описи выявленного материала. Кроме писцовых и переписных книг было просмотрено с вышеуказанными целями свыше 5000 документов (в столбцах) XVI—XVII в. в. В результате проделанной работы образовалась картотека —опись, в которую вошло 630 №№ актов, относящихся к зырянскому краю и охватывающих период времени с 1490 по 1737 год. Из фондов, находящихся в археографической комиссии, были просмотрены коллекции В. В. Вельяминова—Зернова, Григорьева,

С. Е. Мельникова, П. И. Савваитова, В. Борисова, Н. Суворова, Зинченка, И. А. Шляпкина; акты Коряжемского монастыря, акты Соликамские, акты Яренские и акты Вологодские. Наибольшое количество актов, имеющих непосредственное отношение к территории быв. Яренского и Усть-Сысольского уездов, дала коллекция С. Е. Мельникова. Сюда же следует отнести акты Яренские и Вологодские и коллекцию В. В. Вельяминова—Зернова; из них первые сплошь, а последние в значительной своей части относятся также к Яренскому и Усть-Сысольскому уездам. Коллекция П. И. Савваитова, акты Коряжемского монастыря, акты Соликамские дали много материала по смежным уездам—Сольвычегодскому и Соликамскому. Не менее ценный материал, но уже случайного характера, дали также и некоторые другие из вышеупомянутых коллекций археограф. комис. Среди рукописных книг комиссии может быть отмечена одна, содержащая „исторические сведения о городе Яренске" (в материалах к истории и статистике Российского Севера, собранных Строевым, ч. 1—рукоп. по описанию Барсукова № 32, in F.) Здесь приводится выписка из переписной книги гор. Яренска, 1707 года. В ней..... дается описание гор. Яренска, указывается его местоположение, описывается Архангельский монастырь, приводится количество находящихся в городе церквей с их убранством. Далее, довольно подробно описываются приказные учреждения города . . . . . . Заканчивается выписка подведением общего итога, как названным зданиям с указанием их населения, так и дворов подьяческих, приставов, сторожей, посадских людей, бобыльских и др. Тут же в рукописи приводятся списки с грамот: 1) 1632, июня 30—грамоты царя Михаила Федоровича яренскому воеводе Мине Кирилловичу Грязеву, заключающих ряд весьма ценных сведений по характеристике гор. Яренска, в связи с его переносом на другое место в виду разрушений, произведенных в нем вешними водами реки Вычегды; 2) 1631 г., сентября 11—грамоты архиепископа Вологодского и Великопермского Варлаама церковному старосте храма Афанасия и Кирилла Александрийских в Яренске Афанасию Чувашеву на перенос названной церкви „на иное на крепкое место" по той же причине, что и в предыдущей грамоте.

Рукописное отделение Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде обладает несколькими собраниями актов, относящихся по своему содержанию до территории Зырянского края. Прежде всего надо отметить две коллекции: 1) „акты Яренские" и 2) „Усть-

сысольские акты". Оба эти собрания, в сущности, представляют нечто единое и разобщены чисто случайно, в силу разновременности поступления своего в библиотеку. Содержание их—гл. обр. документы, характеризующие поземельные отношения и быт местного населения. Вторая группа актов носит более специальный характер. Это: 1) документы из „Собрания И. К. Зинченка" и 2) „Собрание актов Николо-Коряжемского Сольвычегодского монастыря" (два документа 1595—96 г. г.), касающиеся преимущественно разных сторон церковной жизни края. Наконец, среди основного собрания „актов" рукописного отделения, в которое вошла между прочим, и коллекция П. И. Савваитова, также имеется некоторое количество документов, непосредственно связанных иногда с частными собраниями (И. К. Зинченка, Коряжемского монастыря и др.).

Кроме этих коллекций (об их составе—см. прилагаемую опись и „введение" к ней) в рукописном отделении Публичн. Библиотеки хранится ряд отдельных документов весьма важных для истории территории и населения области Коми. Таковыми на первый план необходимо поставить писцовые и переписные книги по Сольвычегодскому и Яренскому уездам (преимущественно в копиях XVIII в, подлинники хранятся в Московском Древлехранилище, быв. Московский архив министерства юстиции, Центроархива РСФСР). Следует, однако, отметить, что копии книг Публичн. Библиот. очень сложны по составу, т. к. при копировании их в XVIII в. и при переплете в XIX в. отдельные части книг перепутывались. Все же с присоединением к ним „выписей" и „платежниц" в XVI в., сохранившихся как в столбцах, так и в особых тетрадях, в подлинниках или в копиях, для области Коми может быть подобран завидный, далеко не для всех областей Московского государства дошедший в такой полноте до нашего времени, писцовый материал XVI—XVII в. в. Наиболее древней из писцовых книг рукописного отделения является „Сотная" с книг письма и меры Ивана Огарева и подьячего Филиппа Юрьева 7094-го (1585—86) года, выданная в 1600 г., февраля, по челобитью «Вымского уезда" Сысольской волости целовальников из четверти окольничего Мих. Мих. Салтыкова и дьяков Ивана Вахрамеева и Ивана Максимова взамен прежней, хранившейся в церкви в ларьце с документами, и сгоревшей „от молоньи" в 1599 году. Эта „сотная" (тетрадка в четверку, в списке XVII в., на 19 л., шифр Q IV 369) отмечает следующее подразделения „Сысольских волостей" — 1) город Вотча (л. 1 об.), 2) погост Вотча

(л. 1 об.), 3) пог. Визинга (л. 4), 4) в Киберском погосте городок Котен (л. 6), 5) пог. Кибра (л. 6 об.), 6) пог. Пыелда (л. 8 об.), 7) пог. Межадор (л. 10 об.), 8) пог. Иб Большой (л. 11), 9) пог. Гарья (л. 13), 10) пог. Пажга (л. 13, м. пр. упоминается дер. Лозома, „что был погост Лозома"), 11) пог. Шошки (л. 14, упом.: дер. Олексеевская, и что был написан погост Вильгорт, 2 починка Зеленец, в XVII в. ставшие отдельным погостом волостью).

В „Сотной" приведен рубеж по речкам и озерам „Сысольской земли" от Усть-Вымского и Яренского городка; всего по сотной в 1585—86 г. г. в Сысольских волостях числилось: 10 погостов и 2 погосца, 16 дворов поповых, 9 церковных дьячков, 7 пономаревых, 1 дв. просвирни, пашни церковной 1 четь с осьминою, сена 250 копен; „живущих" крестьянских деревень—130, починков—39, пустых деревень и пустошей—15, починков—5, дворов—404, людей в них—470; пустых дворов—37. „Сысольские волости" платили доходы в четь Д. А. Щелкалова, а подводами считались „с Вычегдою Еренского города и с Вымичи и с Плесовскою волостью, а до Удоры и до Глотовы Слободы дела им нет". В „Сотной" имеются указания на старые „чудские городища". Вместе с другими подобными же документами" (в примечании: 1) „Сотная" с книг и письма и меры Ив. Гр. Огарева и подьячего Филиппа Юрьева" на Глотову Слободку на р. Мезени, Яренского уезда (Рукоп. Отд. Госуд. Пуб. Библ., Собран. грамот, № 184). 2) „Сотная" из тех же книг на гор. Яренск с уездом (Рукоп. археогр. ком. Академии Наук СССР „Яренск") и 3) „Платежница" 1574 г. по Пустозерской вол. (рук. отделение библиот. Академии Наук СССР).

Дальше об'яснительная записка подробно описывает ряд копий, с писцовых и переписных книг по Коми краю 17го столетия, снятых с подлинников в 18-м веке. Указываются копии по переписным и писцовым книгам: Сольвычегодского, Яренского и даже Устюжского уездов. Эти копии не представляют полностью копию со всей писцовой или переписной книги, а лишь отдельные отрывки. Подлинники писцовых и переписных книг по уездам; Яренскому, Сольвычегодскому, Пустозерскому и ряду других хранятся в Московском древнехранилище. Каталог имеющимся книгам с кратким их описанием см. „Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции". Спб. 1869, кн. I.

Имея в виду существование подлинников и их описание в

упомянутой книге, описание копий в об'яснительной записке мы пропускаем.

„Среди рукописей П. И. Савваитова, в Рукописном отд. Публичной Библиотеки хранятся также и специальные „Книги описные и окладные" церквей Вологодской епархии (подлинные—шифр II 107), в которых имеются, между прочим, описания 1675 г. следующих церквей: 1) Рождественской на Зеленце (л. 202), 2) Никольской—в Ленской вол. (Митропольей области) (л. 202), 3) Иоанна Предтечи в Туглиме (л. 208), 4) Преображенской, Рождества б-цы и великомуч. Екатерины в Сойгинском мон., в Симоновой пустыни (л. 211).

Кроме вышеперечисленных документов в Рукоп. отд. Ленинградск. Публичн. Библ. имеется и еще ряд немаловажных источников для истории Зырянского края в более позднее время. Таковыми для XVIII века необходимо отметить крайне любопытную для местной истории „Книгу памятную Яренского уезду Шешемской вол. Преображенской церкви священника Василия Артемьева" с. Михайлова, 1740—90 г. г. (шифр: Q IV, 311, л.л. 39—88). В ней автор, происходивший из крестьян той же волости (род. 24 янв. 1717 г.), с 1740 г.—священник в Шежеме, на протяжении 50 лет, „не мудрствуя лукаво", почти изо дня в день заносил все, останавливавшее его внимание — сведения о погоде, об урожае, цены на рабочую силу, на хлеб и другие продукты и вещи, постройки, время засева и жатвы и т. п. Затем, для характеристики старинной северной церкви небезинтересна будет и „Опись, учиненная Яренского уезда Устьсысольской вол., Троицкой церкви священников Иоанна Никифорова и Илариона Максимова с причетники, в бытность старосты Ивана Петрова Суханова, имеющимся всякой вещи со описанием порознь, что по прежней, учиненной в прошлом 1769-м году, описи имеется на лицо и что ж из них обещали и на другое на что употреблено и вновь построено и кем—о том значит ниже сего" (шифр: F IV, 711). Среди бумаг известного историка В. А. Бильбасова, хранящихся в том же Рукоп. отд. Госуд. Публичн. Библиот., имеется „Проект определения Правительствующего Сената, 1769 г. по делу о крестьянах Яренского уезда, обвинявшихся в чародействе и волшебстве, дополненный в одном месте собственноручно императрицей" Екатериной II—материал конечно очень важный для суждения о степени христанизации местного населения. Наконец, для истории просвещения зырян на зырянском языке могут оказаться

весьма полезными и „Списки зырянской азбуки и зырянской надписи на иконе сошествия св. Духа в Вожемской церкви (Яренск. уезда)" —(шифр: F IV, 712 (?), 722 (?). В этом сборничке, на 9 листах, писанных разными подчерками, находятся: 1) Зырянская азбука— „списана с подлинника из Яренска, генваря 2-го дня 1832-го года"; 2) „Азбука Зырянская, употребляется в России в губерниях Вологодской и Пермской, почему прозывается Зырянская или Пермская; сочинял литеры и слог Стефан, епископ Великопермский, мощи его почивают в Москве, 6683 года",—„выписана из доставленной В. Мотсховым из Устьвыми, 25-го апреля 1833 года"; 3) Зырянская азбука, найденная историографом Карамзиным в архивских бумажниках Миллера № 199-й, взятая из древней рукописи о жизни и делах св. Стефана, епископа Великопермского",—„писана сия азбука 5-го октября 1829-го года"; 4) „Выписка Пермской азбуки из одной книги, рукописи Синодальной библиотеки"; 5) Сводная азбука по редакциям: 1) Миллера, 2) Синодальной, 3) Пермской; почерк и бумага 30-х годов XIX в.; 6) Зырянская азбука; почерк и бумага 20—30-х годов XIX в.; 7) Зырянская надпись под иконою сошествия св духа в Вожемской церкви (приведена надпись, а затем—другая, очевидно находившаяся на иконе „на другой стороне); 8) Зырянская надпись—„списана с образа в Вожемской церкве 11-го ноября 1834 года"; 9) Надпись на зырянском языке, зырянским алфавитом.

Разнообразный и ценный материал по истории, статистике и этнографии зырян дает собрание рукописей П. И. Саввантова. Так, следует отметить:

I. В сборнике XVII—XIX в. в. (шифр: F 1, 778) находится:

1) „Чудеса Устьвымских чудотворцев Герасима, Питирима и Ионы" —копия с донесения в Яренское Духовное Правление от 1804 г., сентября 27, явившегося ответом на указ Правления от 25 августа того же года, чтобы „неосвидетельствованным мощам запретить священникам и диаконам и причетникам от молебственного пения". В донесении сообщается: об иконе епископов, написанной в 1607 г., и о том, в какие дни совершается им служба и что никаких сведений о жизни их у местного причта не имеется (л. *23*).

2) Выписка из „об'яснения" 1841 г., августа 26, поданного епископу Иннокентию священником Усть-Вымской Благовещенской церкви Иоанном Аврамовым о старинных документах Усть-Вымской церкви, о чудесах от мощей Герасима, Питирима и Иоанна (предания и слухи) - (л. *29*.)

3) Память (копия) казначея Вологодского архиерейского дома Митрофана. 1627 г., мая 24, о том, что Усть-Вымскими крестьянами

Саввою Терентьевым с товарищи были поданы архиепископу Вологодскому и Белозерскому Варлааму, четыре грамоты для того, чтобы их вновь переписать, что четвертая грамота утерялась в архиерейской казне (л. 31).

4) Копия с чернового письма, 1707—1717 г. г., священника Усть-Вымской Благовещенской церкви Евтихия с причетниками и со всеми прихожанами к дьяку архиепископа Вологодского и Белозерского Спиридону Степановичу с просьбой списать им в архиерейском доме и прислать в Усть-Вымь сведения о начале епископии на Усть-Выми и об епископах Герасиме, Питириме и Ионе, „чего они, священники, не ведают" (л. 31).

5) Копия с черновой „сказки", 1745 г., февраля 5, священ. Усть-Вымской Благовещенской церкви Стефана Петрова с причтом, поданной игумену Теплогорской Богородской пустыни Корнилию, производившему по указу Великоустюжской консистории следствие о мощах в Сольвычегодске и Яренске и в уездах (л. 32).

6) Копия с чернового рапорта 1840 г., апреля 2, Усть-Вымского священника Аврамова епископу Вологодскому Стефану о нетленной человеческой голове, хранящейся под гробницею епископов Герасима, Питирима и Ионы в Усть-Вымской Благовещенской церкви (л. 35).

7) Две заметки: а) о ставленной священнической грамоте архиепископа Вологодского и Великопермского Ионы, данной 1590 г., января 6, дьяку Петру Феодосьеву, поставленному в священники „Вымского уезда Сыжмы реки к церкви и к Илье Пророку"; б) о льготной грамоте 1553 г., сентября 20, епископа Пермского и Вологодского Киприяна церкви Ильи Пророка в волости Кослане Глотовой Слободке.

II. В сборнике XIX в. (шифр—F I, 788):

1) Копия с благословенной грамоты, 1631 г., после сентября 11, архиепископа Вологодского и Великопермского Варлаама, на перенесение церкви Афанасия и Кирилла Александрийских, Иоанна Предтечи и Никольской в Яренском городке на новое место, вследствие грозившего обвала берега (л. 310).

2) „Краткое описание Ирговской Воскресенской церкви (в Яренском у.)", сосравленное С. Е Мельниковым и посланное им для представления Русскому Археологическому Обществу, из Усть-Сысольска, 19 янв. 1853 года.

III. В сборнике XIX в. (шифр: Q XVII, 229):

1) Ряд выписок о монастырях и епископах Пермского края, сделанных 20 августа 1846 г. Усть-Вымской Архангельской церкви дьяконом Василием Мотоховым (л. л. 19—23).

2) Толкование надписи колокола Усть-Выми (колокол лит в Гейдельберге в 1624 г. Надпись на немецком языке и перевод ее на русский).—Списано 20 авг 1846 г. Вас. Мотоховым (л. 24).

IV. В сборнике XIX в. (шифр: F XVII, 58):

1) „Путешествие на Синдор" (деревня Яренск. у.) — статья члена-сотрудника Русск. Географ. Общ-ва С. Мельникова (л. 72).

2) „Некоторые из замечательных мест Устьсысольского и Яренского уездов“, статья С. Мельникова (л. 78).

3) „Об искусственной чистоте и глянце лица девиц-зырянок“ статья С. Мельникова (л. 80).

4) „Картины зырянского народного быта“, заметки С. Мельникова (л. 82).

5) „Записка о древнем посохе, известном под именем посоха Стефана Перского“. (Приложен рисун. с рукояти посоха, (л. 102).)

V. В сборнике „Материалы для статистического описания Вологодской губернии“, скорописью 1838 и 1841—42 г. (шифр: F IV, 757) находятся:

1) „Ведомость сведениям, необходимым для составления военно-статистического описания Вологодской губернии и городу Усть-Сысольску (1840 г.)“—л. 71.

2) „Сведения, необходимые для составления статистического описания Вологодской губ. (по Яренскому уезду), 1840 г, л. 73.

3) „Сведения, относящиеся к статистическому описанию гор. Яренска“, л. 77.

4) „Описание Устьсысольского уезда и округа в отношении сведений, потребных к составлению военно-статистического описания (1840 г.)“—л. 79.

5) Сведения, необходимые для составления военно-статистического описания Вологод. губ. (Яренск. у.) получены 5 сент. 1841 г. —л. 97.

6) Описание по Яренскому уезду—л. 106.

VI. В „Сборнике сведений о состоянии учебных заведений Вологодской епархии и губернии в первой половине XIX в.“ шифр F XVIII, 36) находятся:

1) Ведомости о числе учащихся в духовных, уездных и приходских училищах Вологодской епархии со времени открытия их по 1845 г. М. проч.—„Ведомости“ Устьсысольского приходского и Яренских училищ—л. 6.

2) Ведомости о состоянии уездных и приходских училищ Вологодской губ. 1840 г.—Между прочим „Ведомости“ Устьсысольского и приходского и Яренского уездного училища—л. 32.

Этнографического характера материалы находятся в Сборнике Публ. Библ. Q XVII, 62—Зырянские народные песни, в Сборнике 1841 г., Q XVII, 231—„Описание зырянской свадьбы, В. Ванеева; „Описание родины (деревни Погост при церкви Воскресение Христова в Яренском у.)“—его же; „Описание вечера перед днем Ивана Великого“—его же в „Сборнике материалов и заметок относящихся до зырян и зырянского языка“ Q XVII, 247. Зырянские пословицы, загадки, поверья, примеры, сказки, причитания, названия деревьев, речек, животных и т. п. Специально „Зырянским пословицам и поговоркам“ и „Зырянским загадкам“ посвящен сборник Q XVII, 65.

Любопытен „Русско-Зырянский словарь и краткая грамматика древнего славянского языка“, скоропись 1830-х годов (шифр: Q XVI, 24), писанный в 1835 г. крестьянином „Деревянского селения“ Усть-Немского сельского общ-ва Ив. Гуляевым и принадлежавший—крестьянину Алексею Опарину. Словари еще хранятся и под шифрами Q XVI, 9, на карточках („Словарь Пермского говора“). Оригиналы известных печатных трудов П. И. Савваитова—„Русско-Зырянского словаря“ (шифр Q XVI, 26) и грамматики (шифр—Q XVI, 25), а также вызванная их изданием переписка (между прочим—переписка Савваитова с акад. Шегреном)—шифр F XVI, 9. „Краткий Зырянский словарь“, составленный Ижемским священником Вас. Михайловым и поправленный и дополненный Устьсысольским мещанином Ив. Р. Мальцевым—в рукописи (шифр Q XVI, 10.).

Таковы в общих чертах материалы, относящиеся к истории Зырянского края и хранящиеся в Археограф. комиссии Академии Наук СССР и Рукописном Отделении Госуд. Публ. Библиотеки в Ленинграде и просмотренные до настоящего времени. Дальше об‘яснительная записка переходит к обзору документов XV—XVIII в. в., которым составлена картотека-опись. Не имея возможности перепечатать всю картотеку в целом, заметим, что документы, означенные в ней, охватывая период с 1490 г. по 1730 г., дают весьма интересный и важный материал для суждений о земском самоуправлении, о экономическом положении населения, социальном строе и ряда других вопросов.

Проделанная работа дала большие результаты и ясно, что на этом нельзя останавливаться—необходимо продолжать дальше начатые изыскания. Общество Изучения Коми Края должно ассигновать определенную сумму на продолжение в высокой степени важной работы. Несомненно, что архивные хранилища Ленинграда располагают большим материалом по 18 столетию, которые необходимо привести в известность.

Важно было бы выявить какими списками житий Степана обладают архивные хранилища Ленинграда и т. д. Продолжение работ в Ленинграде может дать очень ценные результаты. Мы предполагаем: 1) что кроме Рукописного Отдел. Публ. Библ. и Археограф. Комисс. в Ленинграде могут вестись работы и в других архивохранилищах, 2) работа по выявлению исторических документов может быть продолжаема в том же Рукописном отделении Публичной Биб-

лиотеки и Археограф. Комисс., чтобы выявить дополнительно имеющиеся документы о Коми.

Порой мы находим фактический материал там, где иной раз и не предполагаем. Так, в архиве Русского Географического Общества в Ленинграде мы имеем несколько статей о коми, составленных в XIX столетии*). В числе рукописей по Арханг. губ. значится:

рук. № 67 Печера и Ижемский край, 16 стр. в восьмушку (продолжение к статье о Щокурском приходе).

По Вологодской губ.:

1) Рукоп. №10, автор—член-сотрудник С. Е. Мельников „Замерзание и вскрытие реки Вычегды в Устькуломе с 1808 по 1814 г.", 2 стр; данные взяты из старинной рукописи.

2) Рукопись №11 „Записки о городе Яренске и о уезде оного" 83 стр. в четверку (рукопись 1836 г., писана в Яренске), приводится летопись города, где как-будто Яренск упоминается по 1503 и 1372 годами, описываются коми.

3) Рукоп. № 4, автор—член-сотрудник Ст. Мельников „Краткое описание Иртовской Воскресенской церкви".

4) Рукоп. № 5. автор—член-сотрудник Стефан Мельников „Краткое описание Косланской Ильинской церкви", 8 стр. в полулист (история прихода).

5) Рукоп. № 60. автор—член-сотрудник С. Мельников: „Краткое описание Коквицкой Христо-Рождественской церкви", 9 стр. в полулист. Приведены копии с грамот.

6) Рукоп № 61. автор—чл.-сотр. С. Мельников „Краткое описание Оквадской Введенской церкви", 13 стр. в полулист, приведены копии с грамот.

7) Рукоп. № 19, автор Василенко—Яренский земский исправник, рукопись 1849 г. под заглавием „Записки о гор. Яренске и его уезде" на 39 стр. в полулист. Даются сведения о составе уезда в старину, про коми.

8) Рук. № 61, автор Ев. Кичин—штатный смотритель Устьсысольских училищ, рукопись—„Заметки об Устьсысольске 1849 года," 29 стр. в четверку.

в) Работа в Москве.

В течении зимы 1929—30 г. было положено начало работам по выявлению рукописных историч. документов о коми в Москве. Работа производилась в Древлехранилище Центроархива двумя студентами 1-го М. Г. У.—Поповым, С. А. и Терентьевым, А. А. по собственной инициативе. Поповым просматривались материалы, имею-

*) Д. К. Зеленин „Описание рукописей уч. архива имп. Русского Географического Общества" Петроград 1914 г, вып. I.

щие отношение к населению коми в пределах бывшего Устьсысольского уезда, а Терентьевым—в пределах бывшего Ижмо-Печерского со включением самоедов.

В настоящей статье приводятся те результаты, к которым пришел т. Попов в результате своей работы.

Результаты работы тов. Терентьева, продолжающего свои изыскания и в настоящий момент, будут опубликованы в следующем выпуске.

В Древлехранилище имеются следующие документы по Коми территории:

I. Книги 17 столетия:

1. Подлинная писцовая книга гор. Еренска 1608 г., кн. № 142 (см. описание документов и бумаг хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции, кн. I, СПБ 1869). На 5 лист книга так озаглавляется: „Книги Вымские и Вычегодские земли Еренсково городища письма и дозору Василия Ларионова да подьячево Ондрея Горохова лета 7116-го году“. Эта писцовая книга напечатана в изд. Общ. Ист. и Древн. Российск. при Московск. Универ. за 1915 г., кн. II-ая. Книга носит общее заглавие: „Акты времени правления царя Василия Шуйского“, собрал и редактировал Гневушев.

2. Подлинная переписная и дозорная книга посадских дворов Еренского городка и погостов, сел, деревень, починков и дворов в волостях: Тохте, Вадье, Плесовской, Тыдоре, Усть-Вымской, посаде Турье, Удорской и Устьсысольской, переписи и дозора Петра Александровича Граевского и подьячего Феофана Протопопова, кн. 143. (см описание). Настоящая книга скопирована Колычевым и приобретена Общ. Из Коми Края.

3. Подлинная переписная книга посадских дворов Еренского городка и погостов, сел. деревень, починков и дворов в волостях: Окологородной, Вадье, Урдомской, Плесовской, Палевицкой, посаде Турье, Усть-Вымской и отхожих: Удорской и Сысольской переписи Ивана Васильевича Елчанинова и подьячего Семена Бессонова“, кн. 15057. (см. описание...). С настоящей книги зимой 1929 г. снята копия на средства краеведческой секции Московского землячества.

Указанные переписные и писцовая книги охватывают не все места, населенные в теперешнее время Коми. Современный Прилузский район за исключением с/с Мутницского, Слудского и Прокопьевского входил в состав волости Лузской (Луцкой) Пермцы, входившей в число волостей Сольвычегодского уезда. Древлехранилище располагает рядом писцовых и переписных книг 17 столетия по этому уезду. (см. Описание...). Отметим те из них, с кот. сняты копии по Лузской Пермце.

1. Подлинная писцовая книга 7133 г. (1625) года, кн. 449 и 450, письма Мансурова, Благово и подьячего Архипова.

2. Писцовая книга 7153 г. (1645) года, кн. 447 и 448, письма Богдана Приклонского да подьячэго Осипа Трофимова.

3. Подлинная писцовая книга 1678 82 г г. письма Григория Овцына и подьячего Василия Крюкова кн. 504 и 505: копия с нее кн. 899.

Современный Ижемский район в XVII столетии входил в Пустоозерский уезд, в котором числилась Ижемская Слободка. Древлехранилище располагает весьма ценным докумантом в отношении этого района: Этз переписная книга Пустоозерского уезда 7187 г. (1679) года переписи Гаврилы Тухачевского, кн. 366 (с нее снята копия). Для выявления территориального распределения Коми в 17 столетии черезвычайно любопытный материал дают нам писцовые и переписные книги соседних уездов: Сольвычегодского, Хлыновского, Слободского, Кайгородского, Мезенского и Кеврольского и более отдаленных: Усольского и Чердынского. Не отмечая все их подробно, укажем, что лица, интересующиеся писцовыми книгами этих районов, краткое их описание найдут в том же „Описание документов арх. Минист. Юстиции“ т. I. Отметим лишь важное значение их изучения. Знакомство с писцовыми и переписными книгами этих районов дает не только знакомство с распределением и количеством населения соседних территорий, но бросает свет и на более старинное территориальное распределение коми, их колонизиционные движения и экономическое положение. Отметим те писцовые и переписные книги, которые просматривалась автором.

Подлинная переписная книга по Кайгородку от 7186 г (1678) года), переписи Никиты Глебова и подьячего Тимофея Антропова. кн 184.

Эта переписная книга дает черезвычайной любопытные сведения о колонизационном движении населения с быв. Яренского уезда в Кайгородский уезд и дальше. Любопытные сведения имеются в писцовых книгах по Хлыновскому уезду, которые также говорят о большом колонизационном потоке, шедшем как из Поморья вообще, так и из пределов Лузской Пермцы. Отметим одну из переписных книг Хлыновскогв уезда, дающую первые сведения о населении по бассейну р. Летки в пределах трех современных с/с: Мутницкого, Слудского и Прокопьевского.

Это — .

подлинная переписная книга по Хлынову от 7186 г, (1678) переписи Михайла Воейкова да подьячего Федора Прокофьева. кп. 520. 521.

Интересные сведения даны в писцовых и переписных книгах по Мезени и Кевроле. Отметим те из них, которые просмотрены нами.

1. Подлинная писцовая книга по Мезени и Кевроле от 7131 г. (1623) г. «Письма и меры Осипа Яковлевича Прончищева да подьячих Семена Репкина да Петра Шарапова Леты», кн. 185.

2 Переписная книга Кевролського и Мезенского уездов 7186 г. (1678) года переписи Бориса Андревича Пазухина да подьячего Бориса Максимова, кн. 15055.

Писцовые и переписные книги упоминают деревни: Пермянская и Пермяковская и волость Перемскую в Кевролском уезде. Наконец, в Мезенском уезде упоминаются несколько деревень „вверх реки Важки и на усть речки Олемы, отмежеванные деревни, что отмежевал от Вычегодского уезда от Удоры к Пинеге и к Мезени князь Григорей Вяземской в опричину и были на обороне". Деревни: Олема, Кебская (бывш. починок) на р. Важке и усть Кебы речки, Рещемья (бывш. починок) на Важке. Просмотр переписных и писцовых книг указанных уездов по 17 столетию, имеющихся в подлинниках в архивах Древлехранилища дадут чрезвычайно богатый и важный материал для понимания Коми истории. Пользоваться ими очень удобно, так как они все описаны и каталог их отпечатан (см. Описание... т. I). Работа над писцовыми и переписными книгами даст чрезвычайно много ценных сведений для понимания Коми истории. Распределение населения, численность выясняют переписные книги. Писцовые книги дают еще более важный материал, прибавляя к этим данным сведения экономического и социального порядка. Поэтому данные писцовой книги 1608 года, где приведены и сравнения с письмом и мерой Огарева 96-го (1585) года, приобретают большую ценность. Располагая рядом переписных и писцовых книг по современной коми территории и соседних районов, можно предпринять ряд весьма интересных и ценных работ, так: можно просмотреть территориальное положение коми в начале 17-го века в сравнении с данными 1678 г., прослеживая колонизационные движения коми; составить определенную картину об экономическом строе и социальном положении по писцовой книге 1608 г., привлекая как дополнительную иллюстрацию другие документы. Пользоваться ими в архивах Древлехранилища очень удобно, все имеющиеся писцовые и переписные книги описаны и каталог их отпечатан (см. Описания . . . т. I). Общество Изучения Коми Края для работ располагает пока только двумя переписными книгами по Яренскому уезду: от 1646 и 1678 г. и вы-

держкой из писцовый книги по Сольвычегодскому уезду о Лузской Пермце за 1645 г. Кроме писцовых и переписных книг надо отметить следующие книги:

1. Соликамская книга окладных и не окладных доходов № 2 7187/1679 г.

В этой книге содержатся копии с расходных книг Вымских целовальников, присланных для отчета в Новгородскую четь и переплетенных затем в книгу по Соликамску... В книге содержатся следующие списки с расходных книг, касающихся коми:

1. Список с расходных книг Княжпогоского земского целовальника, л. 138—183. Начала нет 183 году (1675) году.

2. Расходных книг Лязьского зем. ц-ка Тимофея Клементьева 185 г. (1677) году, л. 234—265. (Снята копия).

3. 189 году (1681) году список с книги расходные Еренского городка уезду для выездного дела Лязьской трети зем. ц-ка Леонтия Федорова сына Дузгирева как был Лязьской трети для прииску серебряной руды стряпчей Семен Иванович Толстой и сколько для того дела издержано мирских денег, л. 266—305.

4. Книги Лялской трети данного окладу л. 306—340. 188 (1680) году.

5. Начала нет, но очевидно список с расходных книг Лязской трети земского у-ка Афонасия Никитина сына Ровкина, л. 531—584, очевидно 182 (1674) год.

6. Список с расходной книги Лязьской трети ц-ка Офомка Фомина 183 (1675) года, л. 587 620.

7. Список с расходных книг Лязьской трети ц-ка Микифора Пахомова 186 (1678) года л. 620—659

8. Список с расходных книг Лязьской трети ц ка Ивана Евсеева сына Леонтьева с 1-го сентября 187 (1679) года, л. 660—720.

9. Список с расходных книг 181 (1673) года сентября с 1-го числа Лязьские трети земск. ц-ка Пахомка Поповцева, л. 721—789. (Со страницы 782 идут книги данные окладные этого же ц-ка).

Эти списки с расходных книг дают интересный материал для выяснения земской организации Лялечан, показывают статьи расхода земских средств и наконец дают нормы раскладки подати на отдельные хозяйства. Такого же рода книги имеются в книге по Мезени № 1 „Книги записныя рязных городов земских старост и ц-ков о мирских денежных издержках". В этой книге имеются следующие документы книги:

1. Книги расходные Турецкого земского ц-ка Аф. Ив. Сухоносова мирским деньгам 182 (1674) года.

2. Книги, данные того же участка 7182 (1674) году.

3. Книги Ямские Турецкого Яму того же участка 7182 (1674) г

Для иллюстрации содержание этих книг приведеи небольшие выдержки. Так в расходной книге ц-ка Ляльской трети Тим. Клементьева 185 (1677) года занесено следующее:

„Ноября в . . . день Ляльской зем ц-к да мирские люди ездили в Еренской, высланы были ко кресту, под'явились к сыщику и воеводе несли они за всю Ляльскую треть 5 рублевв, боярыне 2 рубли, сыну рубль. племяннику Петру 16 алт. 4 денги, людям на весь двор 15 алт., верховым жильцам . . алт. 2 ден.

Того же дни ходили с мирскими людми двум подьячим для того, что и преже сего челобитье на нас было для складных денег, о том били челом чтобы нам во всем подобрили. Несли им по рублю и того 2 р.

На другой день воевода осердился, целовальника велел посадить в тюрму и грозил батогами бить, что сплавных денег долго не прислали: а приставы трою ходили и от того несли воеводе 5 рублев, боярыне 2 рубли, сыну рубль, племяннику 8 алт 2 д. Да ему же сыщику посошных денег несено 2 рубли и для той почести мирские люди отпущены домой . . . . . или" июля в 3 день ц-к Тимофей да посылщик Данило Подюков ездили на Турью для Ямского дела для совету на неделю, посылщику по полтыне, за 2 недели дано ему 1 рубль. Ц-к Турьичам купил пива и вина на 1 алт. да по мирских людей посылали на Онежье и на Пожог в страдное время, збирали на совет, дано за ходьбу 5 алт. . . . .".

Важные сведения дают данные книги в отношении налогового обложения отдельных хозяйств. Так из записных книг Турецкого зем. ц-ка Офанасья Сухоносова читаем: Даной оклад Турецкой трети земского ц-ка Офанасъя Гаврилова Сухоносова 182-го году. Деревня Вашерт: Иван Ананьин Малгин з братьями—четь с полуосминою, Настасья Харитонова дочь Стефановская Малгина—осмина и пол пол осмина, Васка Конев Попов—осминка...

Кроме указанных книг имеются 3 градские книги по Еренску.

Кн. № 1. Еренска города сметный список приходу и расходу окладным и не окладным деньгам 1681—1689 г.г.

Кн. № 2. Еренска городка список бывшим у присяги стольниками, воеводам и другим чиновникам при возшествии на престол Иоанна и Петра Алексеевичей (см 154 л. идет крестоприводная Мезенцев и Кеврольцев, с 241 „Канинские и Тиунские самоедцы, которые по их вере приведены к шерти").

Кн. № 3. Приходо-расходная книга Яренской приказной избы, 1699 г.

„Лета 7206 сентября в 1 день по указу вел. гос. царя и вел. кн. Петра Алексеевича всех вел. и мал. и бел Росеии с-ца и по приказу воеводы список Еренской приказной избы что собрано в 205 году неокладных денежных доходов и что в том годе в расходе и что тех денег в остатке и что на нынешней 206-ой год со Еренска с посаду и с уезду оброшных денег и стрелецких взято и то писано в сем сметном списке ниже сего..."" (снята копия).

Из этих трех указанных книг, кн. 1 и 3 интересны как с фискальной стороны, так и со стороны экономической, выявляющийся в раскладках оброчных статей.

II. а) несколько иной характер имеют другие дела охватывающие самый конец 16, все 17 и самое начало 18 столетий. Это так называемые приказные дела старых лет. Этот род исторических документов представляет дела приказов четвертей Москов. гос-ва. Россия в 17 столетии в отношении управления разбита на ряд приказов, каждый из которых управлял определенной территорией. Современные Коми (как коми—живущие в области так и окружные—пермяки) находились под ведением двух четвертей: Новгородской и Устюгской. Устюгской четверти были подведомственны лишь коми, входившие в Сольвычегодский уезд. Остальные коми были подчинены Новгородской четверти. Дела этих четвертей, хранящиеся в архивах Древлехранилище, представляют самый богатый источник для истории Коми 17-го века. Перечитывая дела этих четвертей, по интересующим уездам, год за годом, можно составить точное и ясное представление об жизни того времени.

Насколько нам известно, Приказные дела старых лет были описаны еще в 18 столетии. Эта опись представляет собою огромные 8 томов, написанные почеркам того времени с очень поверхностными характеристиками описываемых связок. Опись составлена хронологически. При отыскании дел о Коми приходится искать упоминания Новгородской или Устюгской четверти с указанием дел такого то уезда, но указаний уезда часто не бывает, что очень затрудняет работу.

Кроме этих приказных дел старых лет, описанных в 18 столетии, архив Древлехранилища располагает Приказными делами нового разбора, описанными, если мы не ошибаемся, в 20 столетии. Нам над ними не приходилось работать, по по сведениям они тщательно описаны и несравненно облегчают работу.

Что представляют собою эти приказные дела? Это—все дела той или иной четверти, вся совокупность входящих и исходящих дел, сгруппированных по тем или иным вопросам или просто собранных в связки под наименованием—разные дела.

Здесь историк столкнется с огромным количеством челобитных, отправляемых местным населением в центр по тем или иным вопросам, которые почему либо не могут быть разрешены воеводой (если эти места подчинены воеводе) и земскими судейками отпис-

ных волостей. Приказные дела дают интересные документы о Еренском удзде в смысле его управления, где часть уезда, как: Сысола, Удора представляли какую то автономию в отношении к воеводе и непосредственно сносились с Новгородской четвертью в Москве. *) Подробный разбор документов в отношении Еренского уезда даст ряд фактов в отношении этого земского самоуправления.
Эти же дела дают подробные сведения о ежегодной раскладке налогов, должных поступить в казну приказа. Встречается большое количество дел о винной продаже и таможенной пошлине, об организации Ямской гоньбы и ее отправлении. Наконец, челобитные населения по самым разным вопросам дополняют картину и дают полное представлеиие о тогдашней жизни. Для истории Коми, дела Новгородской и Устюжской четвертей приобретают большое значение и еше потому, что ряд мест современной коми территории, как уже отмечалось выше, пользовалось правами некоего рода автономности (ср. прик. дела 1653 54 г., № 44. Отписка воеводы Еренска Акинфева по поводу присылки кузнецов в Москву...: „Я холоп твой на Выми в Еренском городке на посадке и во всем Еренском уезде, о п р и ч ь С ы с о л ь с к и х в о л о с т е й и У ж г и и Г л о т о в ы с л о б о д к и и У д о р ы и В и ш е р ы, к о т о р ы х в о л о с т е й к р н я х о л о п т в о й н и ч е м н е в е д а ю, кузнецов всех переписал...“ и др.) и дела этих волостей хранившиеся в коробьях, в старинных церквах пропали, сгорели и если частично они собраны в 19 столетии то они все же не дадут той последовательной картины, кот. даст разбор приказных дел.

в) По 17-му и самому началу 18-го столетий интересный материал заключает в себе 3 связки дел Яренской приказной избы, в количестве 206 дел (описаны они вместе с делами Яренского уездного суда, см. ниже). Нами просмотрена 1-ая связка. Она заключает ряд тяжебных дел (130 (1622) по 174 (1666) год о неплатеже денег по кабалам, о пожнях и пашенных землях, воровстве. Захватывают они Н.-Вычегду, Вымь. Судя по описи и остальные связки охвавывают только эти места, оставляя в стороне Удорский, Сысольский и В.-Вычегодские районы. Отмегим, что эти дела дают интересный материал в названиях тяжебных пожен, полей в местностях ниже г. Яренска, которые явно коми происхождения.

*) Такое же явление мы имеем и с Лузской Пермцей в Сольвычегод. уезда.

с) Кроме указанных документов Древлехранилище располагает рядом собраний грамот коллегии экономии по разным уездам. Этим документам составлены подробные описи. По Яренскому уезду их указано 8 грамот, из них:

документ под № 5/14729 датированный 7194 (тысяча шестьсот восемьдесять шестым годом)—выпись из писцовых книг Вознесенского монастыря, что в Яранском уезде (на 31 л.) и документ под № 7/14731 кспии с указов в Яренский Вознесенский монастырь. Эти два документа относятся к Яранскому уезду Вятской губ., а не к Яренскому уезду и включены ошибочно. Остальные 6 грамот следующие:

грамота № 1/14725—купчая 1600 г на пожню, проданную Пархачевым из Коквицы Архангельскому и Никольскому игумену (на Устьвыми);

— № 2/14726—купчая 1614 г. на продажу вотчины „Николе чудотворцу в дом на Устьвым строителю Ермогену и всем вкладчикам";

— № 3/14727—купчая 1624 г. на землю, проданную Торлоповым „Архангельскому монастырскому строителю Павлу Стапанову и сыну и вкладчикам"...

— № 4/14728—запись 1657 г. на пожни и пашни в Устьвымском лугу Софийской домовой вотчины, принадлежащими по закладной кр-н Арихину из Визинги, в передаче их в обм ен обратно в Софийскую долговую вотчину.

— № 6/14730 - закладная 1719 г. жителя Палевицкойа вол. Огибина в займе „на Устьвыми Архангельской пустыни у мон ха Феодосия з братью и со вкладчики 35 рублев денег ходячих прямых без приписи";

— № 8/14732—зяпись 1616 года посадцкого ч-ка гор. Яренска Осколкова архимандриту Кириллова монастыря по приказу своего умершего брата в половине соляного промысла „на рекена Вычегде на Цибине пониже Яренского городка под Микшиною горою". Со всех этих грамот сняты копии. Из описи грамотам Коллегии Экономии по Устюжскому уезду имеют отношение следующие грамоты к коми: (описание их привожу по описи):

грамота № 39/13167—158? г. ноября 16 дня. Вкладная запись Ермолая и Омоса Ивановых Воробьевых на Устье Выми реки Архангелу и Николе Кызувиц на пожню, что на острову.

— № 40/13168—1587 г февраля 14 дня. Грамота епископа Антония Михаилу Разварину на Устьвымский городок об учинении описи церковному имуществу.

— № 203/13.331—1634 г. декабря 27 дня Вкладная запись Афанасия Дмитриевича Воробьева Усть-Вым. Архангел. и Николаевск. монастырю Симоновой пустыне на половину выти земли с пожнями и с прочими угодьями за рекою Вычегдою.

— № 268/13396—16?4 г. и 1726 г. Два списка: один с закладной Ивана и Елизарья Курсовых данный ими Сидору Михайлову Некрасову (1654), а другой с отписи кр-ки Еренского уезда дерев-

ни Ибской Соломонии Евдокимовой дочери Пиюровой жены Поповцевой Устьвымской Архангел. пустыни Аврамию с братиею на пожню сенных покосов (1726 г.)

— 714 13842—1698 г март 24 дня. Закладная Логина Порфенова Воробьева Михаилу Петрову Амосову на полянку, что на Воробьихе на устье Выми.

— № 778/13906—1725 г. и 1727 г. Два списка: 1-ый (1725 г.) с поступного письма крн-на архирейской вотчины Оквадского погоста Петра Ерофеева сына Козлова, 2-ой (1727 г.) с отписи кр-н того же погоста Ивана Пономарева с прочими Устьвымской Архангельской пустыни монахам Феодосию и Аврамию с братиею на пожни сенных покосов, что на Тыдорском острову.

— 781/13909—1726 г. февр. 24 дня. Копия с закладной кр-на архиерейской вотчины Оквацского прихода Ефима Ерофьева сына Козлова Устьвымской Архангельской пустыни монаху Феодосию с братиею на половину пожни в Устьвымском лугу.

— 787/13915—1728 г. авг. 9 дня. Отпись архиерейской вотчины Оквадцкого погоста кр-на Ивана Никитина сына Костромина Устьвымской Архангельской пустыни монахам Аврамию с братиею на поженную росчисть.

Из 803 грамот, описанных по Устюжскому уезду, мы при просмотре описи, заметили лишь эти, как относящиеся к коми. С них сняты копии. Просматривая опись грамот по Сольвычегодскому уезду, грамот затрагивающих современную коми территорию, я не обнаружил. То же самое относится и к Вологодскому уезду, хотя в числе указанных грамот по этому уезду может дать некоторые сведения следующая грамота: № 312/2883—1671 г. Выпись из межевых книг Вологодскому архиепископу Симону на Софийскую его домовую вотчину. Вот пока все те документы, котор. удалось выявить в древлехранилище по Коми краю для изучения 17-го столетия. Перейдем к обзору документов сохранившихся от 18-го века.

I. Материалы статистические:

а) До нас дошел интересный документ начала 18 столетия. Это—переписная книга дворов и дворовых пустых мест; пашенной земли и сенных покосов в волостях: Вышегорской, Устькуломской, Пажгинской, Ибской, Шевекинской, Вильгортской, Киберской и Чукаибской, перепиеи земских дел бурмистра Терентия Игушева 1720 г., кн. 1149 на 261 листе (см. „Описание документов и бумаг хранящихся в Москв. арх. Мин. Юстиции" т. V., Москва 1888 г. стр. 152). Этой книгой мы не пользовались, но заметим, что она, очевидно, передана с делами Устьсыс. уездного суда, так

как. в описи № 1 дел Устьсыс. уездного суда значится переписная книга Терентия Игушева по вишерской волости 1720 г. Кроме этой книги ценный материал по численности народонаселения дают материалы ревизий. По территории бывшего Еренского уезда мы имеем материалы для 2-х первых ревизий—1719—1720 г. и 1747 г.

в) Материалы 1-ой ревизии по яренскому уезду представляют из себя толстый фолиант, содержащий в себе сказки земских целовальников по волостям, лицам мужского полу вне зависимости от количества годов В конце каждой сказки идет таблица распределяющая население по возрасту и по социальному положению. Для ознакомления с содеражнием книги приведу выдержку из сказки Никифора Болотова, земских дел бурмистра, по Устьсысольской волости:

(стр. 185, Книга 1-ой ревизии по Яренску) „1720-го генваря в 20 ден по указу вел. гос. ц-ря и вел. кн. Петра Алексеевича всея Вел. и Мал. и Бел России с-ца и по наказу Еренской канцелярии за подписанием руки столника и коменданта Василия Дмитриевича Кишкина Еренского уезду Устьсысольской волости земских дел бурмистр сего настоящего 720-го году Никифор Болотов, прошлого 719-го году Мокий Сорвачов, земской ц-к Ерофий Киселев и мирские люди сказали по святой и евангельской заповеди господни еже ей ей в правду которая ныне перепись велено учинить в нашей волости людем мужска полу крестьян которые имеют свою пашню от престарелости и до последнего младенца и той нашей переписи в утайке ни каждого человека нет, а буде против переписи что утаено мужеска полу, неописаные люди взятца в утайке и за таких неописных людей указал бы великий гос учинить нам вышеписанным перепищком сметную казнь. (Такого же рода начало идет к каждой сказке лишь с небольшими изменениями). кр-нин Михайло Леонтиев сын Суханов—67 л. Унего племянники: Евстафей -38 л., Иван—30 л. У Евстафея дети: Василей—13 л, Григорей—9 л., Иван—20 недель. У Ивана сын Иван—4-х лет У Евстафия работник Федот Жугов —70 л. У Ивана работные: Михайло Шонье—80 л. Григорей Збитен—18 л. Вместо Михайла Суханова и племянников его Василей Суханов руку приложил Кр-нин Афанасей Леонтьев сын Суханов—49 л. У него дети: Иван—28 л., Петр—22., Прохор—18 л. У Ивана сын Иван полугода. У него же Афанасья половники которые подряжены в год: Федот Кулаков—52 л. Унего Федота дети: Спиридон—17 л. Николай—10 лет., Марко- 6 л., Петр Васильев—53 л. У У него дети: Никита—12 л., Василий—17 л. Унего ж Афанасья нанят для работы в год Евсей Бобин—8 л. да у него ж Афанасья живет для работы из найму по годно Устюжанин Максим Иванов сын Клестов до (?) 25 лет. Афанасей Суханов руку приложил. Крн. Стефан Самойлов—52 л У него брат родной Федор 49 л У него Стефана дети: Елфим—25 л., Павел—22 л. У Елфима дети

Михайло двух лет, Дмитрий полугода У него ж Стефана племянник родной Григорей Максимов—25 л. Федор Самойлов руку приложил и т. д.

Такой характер несут идругие записи лишь безрукоприкладтсв. Как мы уже отмечали выше таблица приложенная после переписи каждой волости, содержат в себе: распределение населения по возрасту с такими графами: от 0 до 5, от пяти до 10 и 10-ти лет, от 10 до 15 и 15-ти лет, от 15 до 20 и 20-ти лет, от 20 до 25 и 25-ти лет; от 25 до 30 и 30-ти лет, от 30 до 35 и 35-ти лет, от 35 до 40 и 40 лет, от 40 до 45 и 45-ти лет, от 45 до 50 и 50-ти лет, от 50 до 60 и 60-ти лет, от 60 и до престарелости. Социальная дифференциация устанавливается другим распределением населения на известные группы Так по таблице Ленской волости мы имеем распределение населения по следующим группам: черносошные кр не, половники (церковные и крестьяне), бобыли, работники живущие у черносошных кр-н, нищие бездворные Таблицы других волостей имеет те или другие пополнения или упрощения в разбивке населения по социальному положению. Несмотря на такую одностороннюю разбивку населения, книга дает ценный материал для суждений об расслоении населения. с) Другим родом документов являются грамоты от ц-ков, сотских, выборных людей, десяцких и духовенства волостей Яренского уезда в том, что поданные сказки правильны Все эти грамоты переплетены вместе, сохранились довольно плохо. Просмотренные нами датированны 1722 годам. d) Важным документам является—книга г. Яренска уезда 2-ой ревизии озаглавленная на первом листе: „Книга переписная Архангелогородской губернии Великоустюжской провинции приписного города Яренска с уездом о явльшихся по нынешной генеральной ревизии наличных мужеска полу душ" 1747 г. Книга имеет тот же характер, что и книга первой ревизии с теми лишь отличиями, что нет таблиц по волостям (только в начале книги приложен реэстр населению по волостям и в конце книги несколько таблиц по разбивке населения в отношении платежа подушного оклада) и в тексте указывается лица записанные в прежнюю перепись и после переписи родившихся. Эти материалы—очнвидно копия сосказок, подписанная по полям: майором Богданом Приклонским, порутчиком Андреем Хмеревским, содержит в себе 1291 лист и дает важный материал для сравнения со книгой 1-ой ревизии. е) После книги II ой ревизий ревизских материалов мы по Яренску не

имеем если не считать „Книга по Яренску о прибылых после 2 ой ревизии людей", но эта книга заключает в себе лишь 6 листов— без конца. Пока все известные нам материалы по ревизиям 18-го столетия. Какие имеются материалы по ревизиям по Сольвычегодскому, Пустозерскому уездам—точно мы не знаем, это дело последующей работы. Заметим, что для теперешних с/с Лузского района: Мутницкого, Слудского и Прокопьевского интересный материал заключается в следующих книгах: 1. Подлинная переписная книга гор. Хлынова от 1710 году переписи стольника Степана Даниловича Трахониотова, кн. 1098. 2. Материалы по II ой ревизии гор. Хлынова с уездом 1747 г. В обоих этих книгах эти с/с значатся в Великоретском стану.

II Материалы уездных судов.

Важный и очень обширным материалом для истории коми в 18 столетии являются дела уездных судов, имеющиеся в архиве Древнехранилища. Из них для нас важны в первую очередь дела: Устьсысольского, Яренского, Сольвычегодского, Хлыновского (Вятского), Мезенского уездных судов. Дела по Яренскому и Устьсысольскому уездным судам были присланы в Древлехранилище в 30-40-х годах 19 века по требованию Министерства Юстиции в бывший архив Мин Юстиции. Повидимому, такова история поступления туда этого рода дел и по другим уездам. По мере их отсылки были составляемы описи отсылаемых дел для их приема, кот, будучи приложены одна к другой, дали одну общую опись по тому или иному уезду.

Нами просмотрены описи дел Яренского, Устьсысольского и, очень поверхностно, Хлыновского уездных судов. Дела этих судов разбиты на связки. Каждая отдельная опись охватывает неопределенное количество связок. Дела в каждой связке расположены хронологически. При требовании того или иного дела необходимо ставить № описи и № свяки, в кот. находится дело. Дела в описях характеризуются с не одинаковой полнотой по разным уездам— в одном более подробно, в другом—поверхностней, что сильно затрудняет работу в поисках дел для определенных тем.

Архив Устьсысольского уездного суда описан 13-ю описями и захватывает собою период с 1720 по 1799 год. Кроме дел собственно Устьсысольского уезд. суда, мы имеем дела, переданные из бывших Яренской и Сольвычегодской воеводских канцелярий, пе-

реданные, очевидно, после образовяной Устьсысольского уездного суда, т. е после 1780 г. Описи делам Устьс. уезд. суда дают довольно подробную характеристику дела с территориальной отметкой, напр: „дело кр-на такой то волости, деревни“, что очень облегчает поиски дел интересующего района. Всего дел—35 связок, из них 14 или 15 связок составляют: входящие, исходящие, протоколы, журналы, крепостные, явочные и др. В остальных связках насчитывается около 785 дел, охватывающих период с 1720 по 1799 год.

Дела Яренского уездн. суда описаны 95 описями, из них опись 24-я посвящена описанию дел 17 столетия—дела Яренско приказной избы, насчитывающей 206 дел и охватывающих периой с 1622 г. по начало 18 го столетия. Остальные 94 описи посвящены 18 столетию и охватывают тот же период, что и дела Устьсыс. уезд. суда. Число связок нами не подсчитано, но можно уверенно сказать что тут мы имеем свыше 2000 разных дел, если не больше, не считая разных книг. Описи по делам Яренского уездного суда сделаны неряшливо без территориальной отметки.

Дела Хлыновского уездн. суда очень обширны и поиски дел, связанных с коми населением теперешнего Летского бассейна, очень затруднительны и тем более, что они составлены очень скверно.

Описи дел других уездов, имеющих близкое отношение к Коми, нами не просматривались. Фактический разбор документов и знакомство с ними я производил по связке 1 ой, описи № 1 дел Устьсыс. уездного суда. Разбор дел этой связки, охватывающей дела с 1720г по 1728, дал весьма интересные данные. Касаясь разнообразных сторон жизни, эти дела своим содержанием, т. е. разбором, допросом свидетелей, показаниями, описями имущества подсудимых, вскрывают все стороны общественного устройства, социального строя и экономического состояния населения. Конечно, как судебный материал, они в некоторых отношениях пристрастны, не достаточно об'ективны, но бааголаря их количеству, этот недостаток сглаживается. Наиболее обширное количество дел при поверхностном знакомствес с описями, приходится на следующие виды преступлений: воровство, убийство, грабеж и разбойничество, неплатеж займов и ссуд, чародейств.

Таковы в общих чертах документы по коми, частично выявленные нами в Древлехранилище.

Ясно, что при довольно случайном характере ознакомления

с архивными материалами мы не могли добиться больших результатов. Более подробный разбор указанных нами дел по всем интересующим нас уездам несомненно даст богатейшие результаты. При этом следует иметь в виду, что прежде чем приступить к более или менее подробному разбору архивного материала в Древлехранилищах, нужно непременно предварительно ознакомиться с работами специалистов, хорошо знакомых с содержанием архивов Древлехранилища. Из подобных работ укажем на следующие:

М. М. Богословского „Земское самоуправление на Севере в XVII веке" т. I и II., Веселовского С. Б. „Сошное письмо" т. I и II с двумя томами. „Акты писцового дел." натолкнувшими нас на ознакомление с переписными писцовыми книгами и приказными делами по Коми краю; Островской "Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVIII в. "направляющая на грамоты Коллегии Экономии; М. М. Богословского „Областная реформа Петра Великого" и Кизеветтера" Посадская община в России XVIII ст.," помогающие по розысканию ревизских данных и, дел уездного суда.

Теми результатами, которых мы могли добиться в ознакомлении с архивными материалами, мы в сильной степени обязаны этим ученым трудам специалистов. Наконец, большую помощь в нашей работе по выявлению указанных документов оказали советы и искреннее сочувствие проф. С. В. Бахрушина.

Кроме Древлехранилища работы по выявлению исторических документов, имеющих отношение к Коми, могут вестись в Москве— в Рукописном Отделении Публич. Библиотеки им. Ленина и в Рукописн. Отдел. Исторического музея, в особенности в первом из них. Рукопис. Отдел. Библ. им. Ленина располагает обширнейшими рукописными коллекциями и несомненно среди них мы встретим ряд документов, относящихся к коми. Уже Г. С. Лыткин работал в студенческие годы в этом Рукоп. Отдел. и впоследствии в своей работе „Зырянск. край и Зырян. язык" указал на рад рукописей, могущих дать те или иные сведения о коми. Недостаток времени не позволил нам познакомиться подробно с каталогами рукописных коллекций Рукописн. Отдел., но и те несколько дней, проведенных в ней, дали нам некоторые результаты. В рукописях Москов. Духовн. Академии: № 32 (202) „ Сказание о Осаде Троицкой Лавры, сочин. Авраамия Палицына" и др. статьи, полустав XVII в., в четверть листа, на 326 л.; имеем на 292—301 л. л.

описание чудес трех Устьвымских епископов: Герасима, Питирима, Ионы. Там же выписки из святцев о Герасиме (л. 310 об.), Питириме (л. 328). Наконец общая выписка о этих трех епископах на 291 л. об.. В коллекции Ундольского: № 379 жития Стефана, написанные скорописью 18 века. Ундольским оно характеризуется: „едва ли не единственное житие, сочиненоее как рассказ о друге, а не как житие святого. Очень любопытно „редко" просматривая эту рукопись, мы не можем разделить точки зрения Ундольского. Никаких новых данных и существенных отличий это житие от печатных списков не имеет.

В той же коллекции под № 59 мы имеем перевод литургии на коми язык; озаглавлена рукопись так: „божественная служба сочинена Стефаном епископом Пермским с присовокуплением краткого словаря на зырянском языке. Списана в бытность в Вологде С.... С..., 1798 года, на 36 листах в четверку. Написана на бумаге 1800 г. Приведенный словарик, вернее 2 словарика „по зырянски" и „по пермятски" взяты у Лепехина. (О других списках этой обедни, см. Лыткин Г. С. „Зырянский край и зырянск. язык", стр. 32).

В недавно переданных рукописях Общества Истории и Древностей Российских в Рукописное Отделение, имеется интереснейшая рукопись: № 99 канонник, писан. разными почерками исхода XVII века, в 12 долю, на 168 листах. В этой рукописи с 158 листа идет рукопись, озаглавленная „Служба божия пермским слогом, обедня". Строев, описавший эти рукописи (см. „Библиотека имп. Общества Истории и Древностей Российских" м. 1815, состав. Строев) пишет: „в верху (рукописи С. П.) рукою митрополита Киевского Евгения: напечатана в Лепихина путешествиях, но без акцентов. Конец оторван. Рукопись без сомнения из страны зырянской, или из Помория Северного, получена от митрополита Евгения". Эта любопытная рукопись, написанная русскими буквами, но на коми языке, может дать кой какие сведения о прошлом языке. Та же коллекция Ундольского даст и другие сведения. Под № 1330 „книга Большому чертежу, что сделан чертеж Московскому государству, по все окрестные государства, 7136 (1627). Скоропись времени Мих. Фед., в 4-ку, на 234 л., с позднейшими дополнениями. По отзыву Викторова, делавшего обзор коллекции Ундольского, она имеет много различий от напечатанных списков.

Интересные материалы содержатся и в описании рукописей, сделанных Востоковым. Отметим одну из них, под № CCCVIII Спи-

сок с переписных книг городов Соликамска и Чердыни с уездами, учиненных писцами Иваном Яхонтовым 7087 (1579) и Михайлом Кайсаровым с товарищи 7131 и 7132 (1623 и 1624) годов, на 168 л. Копия, полученная из Перми от г. Берха.

Длительная работа в рукопис. отдел. Публ. Библиот. им Ленина даст возможность выявить ряд исторических материалов. Работа значительно облегчается тем, что часть коллекций описана и описи их напечатаны. Одной из важных работ, которые можно бы проделать, это—выявить какими списками житий Стефана обладает рукоп. отдел., о которых пишет Н. Барсуков (см. „Источники русской агиографии". СПБ 1882, стр. 544—548).

Таковы итоги первой попытки выявления и ознакомления с историческими документами о коми в Москве.

Приведенные данные о существовании целого ряда исторических документов о коми дают полную уверенность в том, что коми история на основании этих материалов может быть разработана с большой полнотой и охвачена на протяжении нескольких столетий со всей возможной об'ективностью, без всяких спекуляций и общих разговоров. Начатые работы по выявлению документов не только нужно продолжать в Москве, Ленинграде, но и расширить круг городов в которых должны вестись изыскания—включив в первую очередь Вологду. Несомненно, что в бывшем Епархиальном Древнехранилище есть документы и о коми. Насколько нам известно, часть архива описана (см. Суворов И. „Описание свитков Вологодского Епархиального Древнехранилища" и Бурцев Е.—тоже, сколько выпусков? срав. Дилакторский „Библиограф. указатель по Северному краю"). Некоторые сведения заставляют предполагать, что быть может какие либо исторические документы о коми мы найдем и в архивохранилищах Киева. В местной Устьвымской летописи записано: „преосвященный Евгений увез с собой старинных рукописей около 2 пудов" (см. статью Лебедева „Устьвым", Вол. Епарх. Вед. 1908 г., № 21). Характерно, что автор статьи „Происхождение Строгановых" Введенский (см. журн. „Север", кн. 2, 1923 г.) приводит такой факт: „Сольвычегодский летописец не опубликован, знаем что список этот „летописца о граде Сольвычегодске с 1533 по 1692 года" с акварельными рисунками хранится по сю пору в библиотеке Софийского собора в Киеве, куда он перешел от митропол. Евгения Болховитинова, бывшего епископом в Вологде" (см. прим. на стр. 79). Почему не предположить, что и ряд документов

взятых епископом Евгением из Устьвыма, не перекочевал с ним вместе, подобно Сольвычегодской летописи, в Киев?

Заканчивая информацию о результатах работ в Москве и Ленинграде, мы еще раз хотели бы указать, что работа начата и ее нужно поддержать всеми силами, ставя целью не только выявление документальных данных, но и сделать их доступными для всех интересующихся историей коми.

Для выполнения намеченного необходимо:

1. Ассигновать достаточные средства для продолжения работ в Москве, Ленинграде и организации ее в Вологде;

2. Командировать от Общ. Из. К. К. для организации этой работы в Москву и Вологду;

3. Начать работы по составлению указателя печатным историческим документам о коми;

4. Приступить к организации печатания 1-го тома историч. материалов о коми, отпустив средства на копировку необходимых материалов;

5. Отвести значительное место на страницах „Записок" Общ. Из. К. Края печатанью сырых материалов—историч. документов;

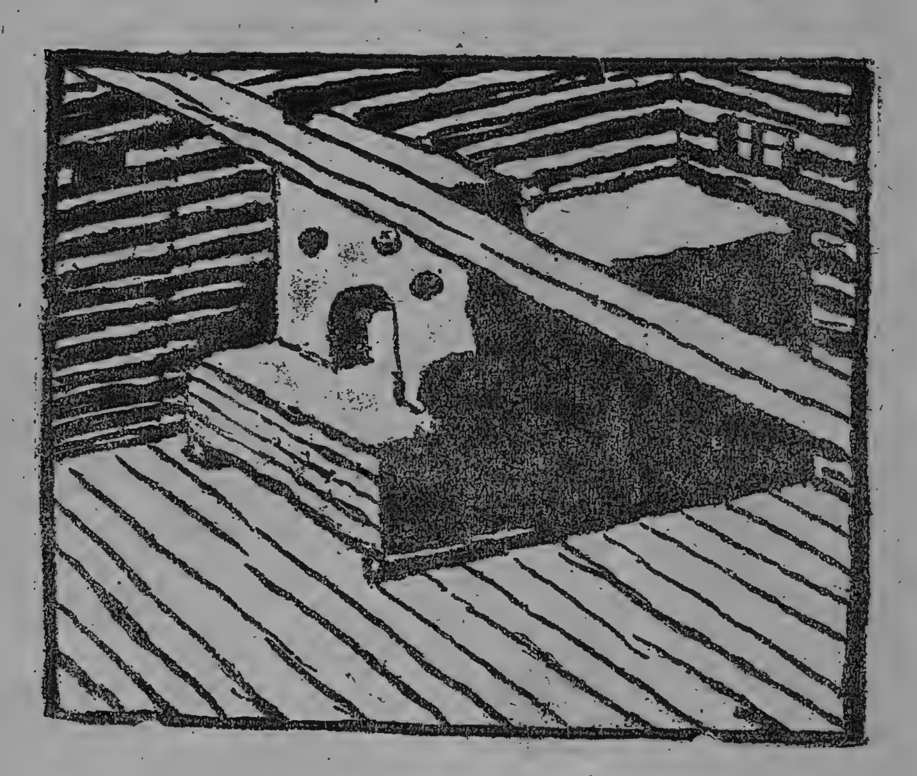
6. Привлечь к делу копировки и выявления исторических материалов о коми, краеведческие секции коми землячеств в Москве и Ленинграде;

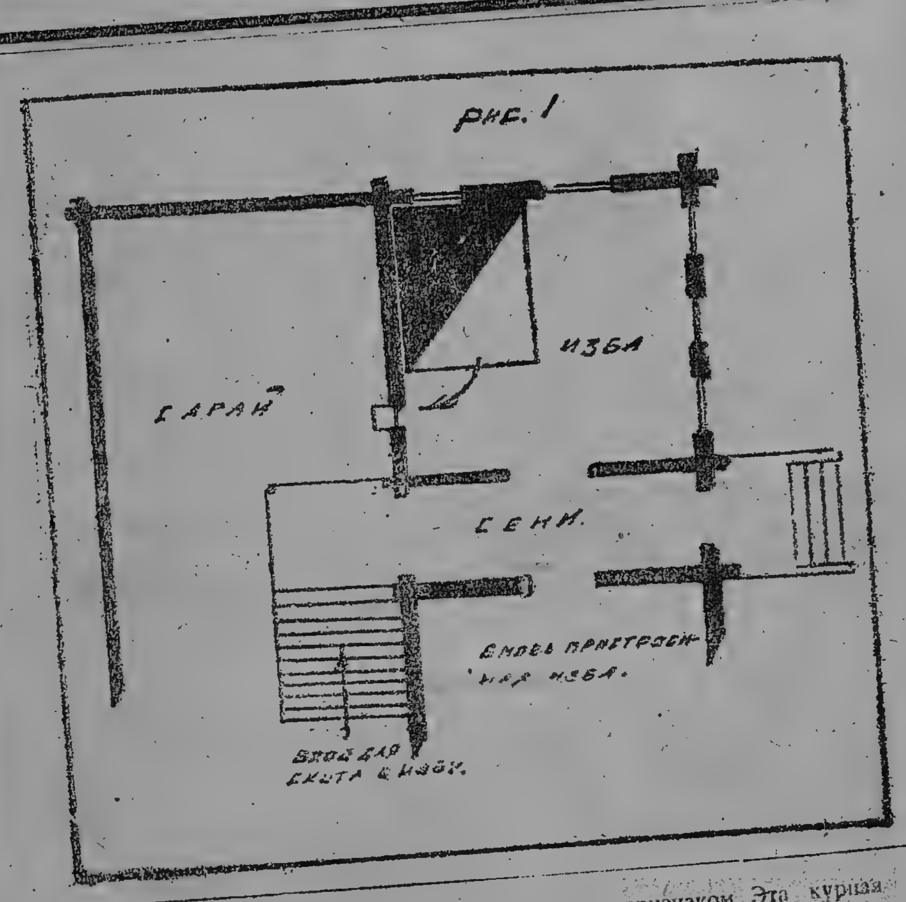
7. Дать краткое освещение в печати имеющимся материалам в областном архиве (в гор. Сыктывкар).

Гл. Шипунова.

Курные избы в верховьях Вычегды.

В селе Керчемье, в 40 километрах от Устькулома, мне удалось обнаружить изумительно сохранившуюся курную избу, принадлежащую гр. того села Александру Тимушеву. Изба эта ничем не отличается по своему внешнему виду от обычной крестьянской избы. Отсутствие дымовой

трубы может быть единственным отличительным признаком. Эта курная изба пережила несколько поколений и по своей сохранности настолько еще удовлетворительна, что вполне могут прожить в ней еще поколения два, хотя она пережила уже четыре поколения. Бревна, из которых построена изба, крепкие, прокопченные дымом. Пол и стены не ровны, вследствие топорной отделки. Высота избы 3 метра, длина—6 и ширина—5 метров. Печь, расположенная в левом противоположном от входа углу, занимает довольно значительную площадь—шир. 2,10 метра, длина 2,47 метра. Она слеплена из глины без кирпича. Внутренность печи имеет куполообразный свод, высотою 1,5 метра, ширина печи—1,5 метр. Лепка печи произведена примитивным способом. Прежде всего, конечно, сделан был „под" печи, потом „гроб", который обкладывался комьями глины. До

настоящего времени способ лепки печи виден по тем неровностям свода, на котором остались следы поленьев, из которых, повидимому, был сделан „гроб". Печь в общем настолько велика, что свободно может сидеть в ней взрослый человек. Рассказ владельца избы о том, что он парился в этой печке, совершенно может быть правдоподобным. Дымовое окно (отверстие) для прохода дыма прорублено в примыкающей к печке стене в полметра от потолка; отверстие выходит в сарай, смежный с избой. К дымовому отверстию, чтобы дым не распространялся по сараю, приделан из досок дымоотвод, верхний конец которого выведен через крышу сарая.

Вернемся к описанию внешнего вида печи, бросающегося в глаза своей массивностью и оригинальностью. По обеим сторонам отверстия (топки), закрывающегося обычно заслонкой, сделаны круглые углубления диаметром в 0,22 метра и длиной до полуметра, специально для сушки хлеба. На правой стороне от топки сделан холмик для втыкания в сделанную на нем щель зажженной лучины, освещающей внутренность печи (см. рис 2)

Владелец дома помнит, как в дом из хлева приводили доить коров. Для этого специально устроен широкий спуск в виде настила без ступенек, который идет в средние холодные сени. (см, рис. 1)

Очень желательно сохранить описанную курную избу, как памятник старинной северной постройки. Кроме этой избы я видела еще две подобные же избы в Устьнемской волости в дер Кӧрмен-сикт.

Критика и библиография

Г. А. Старцев—Самоеды (*Ненча*)

Издание Института Народов Севера, Ленинград, 1930 г.

Книга Г. А. Старцева, вышедшая под многообещающим подзаголовком „Историко-Этнографическое исследование", заставляет ожидать от автора довольно много, но вчитываясь в нее—чем дальше, тем больше становишься неудовлетворенным.

Не берясь за полный и всесторонний разбор работы Г. А. Старцева, мы хотели бы отметить некоторые моменты его этнографического и исторического исследования.

Не претендуя на социологичекую трактовку отдельных вопросов, ввиду их трудности (см. Предисловие), тов. Старцев останавливается на разборе и характеристике социального устройства самоедов, идеологических возрений и т. д. Разбирая родовой строй, который в этнологии за последнее время приобрел большую актуальность у самоедов, тов. Старцев,—с одной стороны, дал мало исторических сведений о самоедских родах, что можно было бы сделать на основании исторических документов 17-го столетия, с другой—он не поставил вопроса о той первоначальной форме самоедского общественного устройства, давшего впоследствии позднейший самоедский род. Между тем интересный материал, собранный в главе: „Классификация родства и нормы брака", мог бы помочь разрешению этого вопроса.

Приходится прямо жалеть, что тов. Старцеву не известна была (по видимому) интересная и единственная в своем роде работа „о самоедах 17 в" С. В. Бахрушина, где собран материал о внутреннем строении рода на основании переписных данных. *) Следуя указаниям старых исследователей (Шренк, Дунин-Горкович, Козлов) тов. Старцев говорит, что у Самоедов идет процесс размельчания родов из больших в маленькие, а говоря о причинах размельчания родов, он рассуждает, что нам они понятны; „это произошло под влиянием быстрого расселения самоедов от Енисея до Кольского полуострова, которые втечение 400-500 лет успели проникнуть сюда".

Здесь во 1-х, несколько непонятен этот срок, с какого по какой, происходило это расселение и почему 400-500 лет считает тов. Старцев не-

*) Журн. „Северная Азия" 1925 г., № 5-6.

значительным сроком; во 2-х, почему не все роды подверглись этому губительному процессу раздробления. Возьмем хотябы тот же „род“ Карачеи (charusi). Почему он до недавнего времени сохранял племенную организацию. Да и вообще, Карачейскую самоядь, насчитывающую в своей организации 2000 человек, называть родом было бы не правильно. Также „Тазовская“ самоядь имела племенную организацию и своего князька, писавшего челобитные от имени своего рода и всей тазовской самоеди. *)

Совершенно недостаточно говорится в исследовании тов. Старцева о современном состоянии родов. Говорится о борьбе или о тенденциях к борьбе зауральских самоедов с большеземельскими, но это сводить к родовой борьбе будет неверно. Во-первых, это будет уже не родовая, а территориальная борьба, а во-вторых—мы сплоченных родов, с кровными связями с единой боевой и хозяйственной организацией среди самоедов уже давно не имеем. Если в течение всего 17 века самоедские роды представляли из себя самостоятельные боевые и хозяйственные единицы, иногда блокировавшиеся между собою, особенно для борьбы с русскими, то теперь по крайней мере в Канино-Тиманской и в Большеземельской тундрах, под влиянием необходимости эксплоатации тундровых богатств, территориально разбросанных, с одной стороны, и под влиянием товарно-денежных отношений, проникших в тундру, и оседания значительной части лесовых самоедов—налицо полное уничтожение боевых традиций 17 в., также и родовых связей. Наоборот идет эволюция к парносемейной хозяйственной ячейке.

В главе о родовом строе внесено очень мало самостоятельного. Имеется голое перечисление родов, когда то установленных старыми исследователями, иногда без об'яснения названия рода. Между тем многие самоедские роды имеют чрезвычайно любопытную историю. А в исторических документах 16-17 в. в. встречаются указания на такие роды, которые вообще исследователям до сих пор не были известны и которые по видимому скоро вымерли.

В книге тов. Старцева отсутствует может быть самый интересный в истории самоедов период 16 и 17 века, с которого фактически и можно и нужно изучать их. Без этого автор совершенно естественно впадает в такие ложные утверждения, когда говорит, что малая воинственность и малая храбрость самоедов в сравнении с остяками, заставляла будто-бы самоедов всегда придерживаться оборонительной позиции. При построении подобного утверждения тов. Старцевым упущены, напр., такие факты, как попытки консолидации сил родов для борьбы с русским завоеванием и с русской колонизацией берегов Печоры, в значительной мере способствовавших образованию племен. Далее не учтены:

1. Перекочевка крупнейших родов Пустозерских самоедов за камень в тундры Березовского уезда из за нежелания платить ясак (роды Путысга и Ванюта.); неоднократные отказы в предоставлении средств передвижения по тундре для ясачных сборщиков—целовальников.

2. Переговоры и союз с остяками для захвата г. Березова (1661-62г.). При чем первый раз общее выступление на Березов не состоялось в ви-

*) Челобитная князьца Ледерейка, столбец. Сиб. приказа, 303.
Примеч. автора.

ду отказа вождя Карачейской самоеди Поея Хутеева участвовать в нем. (Эта зависимость выступления от участия Самоедов совсем не говорит в пользу утверждения г. Старцева о малой воинственности их).

3. Неоднократные нападения на Пустозерский острог в течение 16 и 17 и даже 18-м веках. Избиение служилых людей, разграбление Посада, а в 1644 г. ограбление всего уезда с деревнями, когда „четыре недели воевали, „Пустозерцев громили жен и детей и в полон гнали". Наконец грамота царя Мих. Федоровича, предписывающая вешать зачинщиков „воров самоедцов человек по пяти и шести по дорогам, чтоб другим не повадно было смотря на это".

Такие явления и многое другое не могут быть обойдены, когда пишется историко этнографическое исследование. Между тем они не нашли никакого освещения, об них нет никакого намека. Историческую часть книги нужно считать наиболее слабой, вернее не разработанной.

В исторической же части книги тов. Старцева нужно отметить одно неправильное утверждение его в том, что промышленные интересы Ижемцев в Малоземельской тундре не имели никакого выражения и что они вплоть до 1917 г. не вторгаянсь в эту полосу.

Нужно отметить, что еще Иславин в своем исследовании о самоедах пишет, что уже в 50-х годах XIX в. кочевали в Тиманскую тундру три Ижемских хозяйства с количеством свыше 3000 голов оленей. Мы можем прибавить к справке Иславина не большую подробность, что Ижемцы именно здесь подбирали специальные стада оленей черной масти и выводили их, как вид наиболее ценным мехом. Мех от взрослого идет на отделку верхних частей малицы, а от теленка получается черный ценный пыжик. А такие стада были выведены только в Тиманской тундре. Со времени же работы Иславина количество хозяйств по крайней мере увеличилось раз в десять.

Тов. Старцев видимо специалист—лингвист, поэтому многие термины пытается обяснять по новому, сравнивая их с самоедскими словами.

Трудно нам судить о правдоподобности лингвистических утверждений тов. Старцева Так, например: по поводу термина Мангазея, древнее правильное название которого „Молгазея" или „Мулгазея" (оба названия встречаются) впоследствии были искажены *) Сложное об'яснение этого термина Старцевым из трех составных самоедских слов, с прибавлением к древнему названию лишних букв, (он считает Малганзея вместо Молгазея) не может нас ни в какой мере удовлетворить. Об'яснение тов. Старцева о самоедском происхождении двух остяцких князьцов (плененных русскими воеводами при одном из походов): Течико и Колпака является видимо натянутым, особенно последнего из них. Наконец в анализе происхождения термина „Самоед" тов. Старцев счел необходимым отойти от лингвистического способа обяснения. Раскритиковав и отвергнув множество существующих об'яснений, он приходит к выводу, что это вымышленное летописное, но почему оно вымышленное? Тов. Старцев и здесь не мог стать на историческую точку зрения, не попытался обяснить, почему этот термин не мог возникнуть на фактах, хотя бы из встреч „Са-

---

*) см. Буцинский „Заселение Сибири".

моедов“ с Новгородскими вольными промышленными людьми, которые первыми открыли самоедов и Югру для Руси и его летописцев?

Если Сибирь еще в XVI веке называлась „землей зверообразных людей„ которые „едят кровавое и сырое“, а среди них одних самоедов вплоть до XVIII века называют „кровавой самоядью“, то нужно думать, что было основание в XII-XIII в. в. для такого наименования этого народа; основанием для летописцев служил не только воинственный характер Самоедов и их постоянные нападения, не только между родовые кровавые распри, но и весь образ их жизни. что „едят кровавое и сырое“.

Интересный материал собран в небольшой главе „классификация родства и нормы брака“. Эта глава составляет чуть ли не единственную самостоятельную часть работы и она безусловно заслуживает внимания. Однако нужно сказать, что тов. Старцев этим материалом не овладел как социолог, не смог об'яснить отношения родства с точки зрения крупных этнологических проблем.

Вобщем книга представляет компиляцию уже имевшихся трудов и частично отпечатанных исторических актов. Между прочим совсем не использованы 10 томов „дополнений к актам историческим“. Тов. Старцев слишком мало дал самостоятельного и нового, чтоб заслуженно считать его работу исследованием.

А. Т.

Краеведческая хроника.

(К стопятидесятилетию г. Сыктывкара).

23 сентября 1930 г. исполнилось стопятидесятилетие существования Сыктывкара (по прежнему Устьсысольска), как города. В этот день Правлением Общества изучения Коми края было устроено в зале Педагогического техникума торжественное заседание Правления О-ва, при участии учащихся.

Член О-ва А. Мартюшев в своем обращении к учащейся молодежи сделал упор на необходимость тесного участия учащихся в деле краеведения, затронув такие мысли, что краеведение зиждется главным образом на добровольческих началах, и в этом деле энтузиазм молодежи приносит громадную пользу. Организованные в стенах учебного заведения соответствующие кружки по изучению известной отрасли краеведения всюду и везде дают большие результаты. Эти же кружки вовлекают в качестве руководителей свой преподовательский персонал.

В краеведении Коми края, как молодой национальной единицы, особенно остро ощущается нужда в таком участии молодежи. Изучение края и народа во всех формах и проявлениях быта, культуры, языка, изучение народного хозяйства, природных рессурсов края—все это входит в прямую задачу краеведения. Чтобы все это охватить—нужны большие организованные силы, а эти силы может дать учащаяся молодежь.

С другой стороны ненужно упускать из виду, что без знания местной жизни, местных экономических и бытовых условий всегда будут ощущаться пробелы в предстоящей служебной деятельности молодежи.

По меткому определению известного историка, профессора Платонова, „народ, знакомый со своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее“ а национальная история есть путь к национальному самосознанию“.

Поэтому в день стопятидесятилетия существования гор. Сыктывкара мы считаем уместным обратить внимание учащейся молодежи и всей коми общественности на необходимость широкого участия в деле местного краеведения, искать общими силами методы и организационные формы краеведения и т. д. Тогда только мы может быть сможем по определению проф. Платонова, освоить знание окружающей нас действительности, быть чуткими к национальному самоопределению, избегать всяких шовинизмов и так далее.

Далее докладчик указывает, что за время существования автономии Коми работа по краеведению возродилась и идет но что до сих пор сделано, конечно, очень мало по сравнению с тем, что предстоит сделать в

будущем. Если мы сравним свою работу с краеведением других национальных об'единений, то мы окажемся далеко позади. Мы не будем указывать на такие национальности, например Азербейджанская республика. Там в г. Баку есть свой университет и краеведение поставлено весьма высоко. Но есть и такие народности, напр. чуваши которые, казалось бы не в лучших условиях, чем мы, но и они поставили краеведение так широко и хорошо, что нам приходится позавидовать.

Одной положительной вещью можем считать организацию своего краеведческого издания „Записок", где могли бы получать отражение научные работы местных работников. Но ввиду ничтожности бюджета (около 3.000 р. в год), а также слишком ограниченного состава сотрудников, мы можем издавать только по 2 выпуска в год. Это конечно слишком мало в сравнении с предстоящими задачами изучения края. Но и эти два выпуска дают большую пользу. Они посылаются главным образом в обмен на издания других краеведческих организаций и почти со всех концов Советского Союза мы получаем самую свежую научную литературу;так.обр. библиотека Общества год от году превращается в фундаментальную научную библиотеку. Конечно, понятно, что научная работа по изучению края без соответствующих научных пособий не может быть сколько нибудь плодотворной и издание „Записок", служащих обменным фондом, нужно считать в высшей степени желательным и впредь.

По поводу истории Коми народа в целом и города Сыктывкара—в частности докладчик говорит, что до конца XVI века, или точнее до 1580 года, мы можем гадать свою историю только по некоторым церковным материалам, освещающим преимущественно вопросы культа. Но и эти церковные документы не дошли до нас в подлиннике, а передаются в других старинных изданиях и весьма возможно, передаются часто в переработанном виде. Первый наиболее важный исторический документ о Коми крае в подлиннике мы имеем так называемую „сотную писцовую книгу—Ивана Огарева 1585 г." Вот из этой сотной книги можно уже вычерпнуть точные цифровые данные о народонаселении Коми края, общественном строе и экономическом положении населения.

Далее перепись населения систематически повторяется. так:

в 1608 году—писцом . . . . . . Вас. Ларионовым
„ 1628 „ — „ . . . . . . Осип. Хлоповым
„ 1646 „ — „ . . . . . . Петр. Граевским
„ 1678 „ — „ . . . . . . Иваном Ельчаниновым

Эти периодически проведенные переписи населения могут уже дать более точную картину исторической жизни Коми народа, процесс движения народонаселения, его общественного и экономического строя.

Остановившись на разборе исторических документов о Коми, которые выявлены в Ленинграде и Москве, докладчик указывает. что на переписку и издание их потребуются весьма значительные средства, которых в распоряжении Об-ва пока нет. Подробный доклад о результатах выявления документов будет напечатан в ближайшем номере „Записок" Общества.

Заканчивая свой доклад, докладчик говорит: „мы затрудняемся сказать—чем мы должны отметить день стопятидесятилетия существования

нашего города Сыктывкара. Должны-ли приветствовать мы друг друга этим прожитым стопятидесятилетием, или вернее мы должны самообязываться друг перед другом принять наиболее тесное участие в краеведении. Такое участие, мне думается, будет более важно и могу сказать лишь: Да здравствует строго-научное местное краеведение и да зравствует широкое участие в нем учащейся молодежи!

Д. А. Батиев в своем выступлении дает сравнение правового положения учащейся молодежи в дореволюционное и послереволюционное время. Широкие возможности, данные Октябрской революцией к самопознанию мелких национальностей, обязывают местную учащуюся молодежь принять живейшее участие в изучении Коми края. Только при таком участии мы сможем сказать, не через 150 лет, а через ближайшие десятилетия: да здравствует Сыктывкар—индустриальный центр обширного Коми края!"

А. А. Чеусов проводит мысль, что народ, стремящийся к экономическому прогрессу, должен прежде всего выявить свои культурные показатели и не надо забывать, что эти показатели даром не даются. Будущие социалистические творцы должны вооружиться полным знанием человеческой жизни духовной и материальной, а без этого знания все наши разговоры о переделке жизни народа—пустой звук.

После дальнейшего обмена мнений, собрание постановляет:

Просить Обисполком ассигновать нужные средства на издание исторических документов о Коми народе и крае. Издание документов расширит круг интересующихся местным краеведением, а это в свою очередь даст положительные результаты в изучении края, так нужном в период социалистической переделки народной жизни местного края и всего СССР.

Оглавление.

Ответственный редактор *А. Ф. Богданов.*

Редакционная коллегия { *Н. А. Соснин.* *Д. А. Батиев.* *А. М. Мартюшев.*

Замеченные опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
68	13 снизу	то	но
73	9 сверху	на	за
73	13 „	верховьях	верховья
78	3 снизу	но	он

Оглавление.

Ответственный редактор *А. Ф. Богданов.*

Редакционная коллегия { *Н. А. Соснин.* *Д. А. Батиев.* *А. М. Мартюшев.*

Цена 1 руб.

